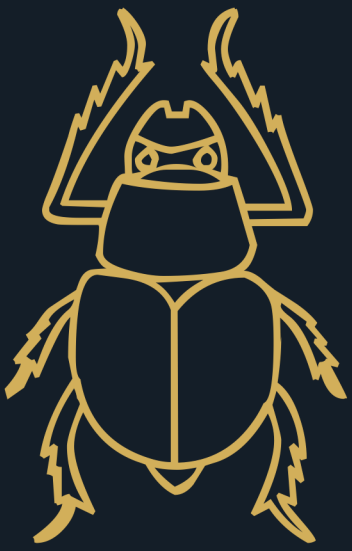
ГОВАРД КАРТЕР, АРТУР МЕЙС

ГРОБНИЦА ТУТАНХАМОНА

ТОМ I

ГОВАРД КАРТЕР
АРТУР МЕЙС

ГРОБНИЦА ТУТАНХАМОНА

Том I. Находка и передняя камера

Об этой книге

Говард Картер — английский археолог, много лет искавший в Долине царей гробницу Тутанхамона на средства лорда Карнарвона. В ноябре 1922 года он нашел ее почти нетронутой — единственную царскую гробницу Нового царства, дошедшую до нас со всем погребальным убранством.

Первый том, написанный вместе с Артуром Мейсом, рассказывает о царе и его времени, об истории Долины и поисков, о находке гробницы, обследовании и расчистке передней камеры, о работе в полевой лаборатории и о вскрытии запечатанного прохода в погребальную камеру. Его открывает жизнеописание лорда Карнарвона, составленное его сестрой леди Бергклер; в конце — описание предметов к таблицам снимков Гарри Бертона.

Содержание

Предисловие	5
Введение. Жизнеописание покойного лорда Карнарвона	15
Глава I. Царь и царица	51
Глава II. Долина и гробница	61
Глава III. Долина в новое время	75
Глава IV. Наша предварительная работа в Фивах	88
Глава V. Находка гробницы	101
Глава VI. Первое обследование	118
Глава VII. Обзор передней камеры	134
Глава VIII. Расчистка передней камеры	153
Глава IX. Посетители и печать	175
Глава X. Работа в лаборатории	188
Глава XI. Вскрытие запечатанного прохода	223
Приложение. Описание предметов	239

ПРЕДИСЛОВИЕ

✦

Этот рассказ об открытии гробницы Тутанхамона — лишь предварительный: окончательный отчет чисто научного характера потребует немало времени, да и составить его как следует можно будет лишь тогда, когда исследование гробницы и огромного найденного в ней материала будет завершено. Тем не менее, видя, с каким интересом публика встретила наше открытие, мы сочли необходимым без промедления дать о нем хотя бы краткий отчет; этим и объясняется выход в свет настоящей книги.

Перед нами впервые царское погребение, почти не потревоженное, несмотря на поспешное ограбление, которому оно подверглось от рук древних грабителей гробниц; и внутри ковчегов погребальной камеры, я уверен, фараон покоится нетронутым, во всем своем царском великолепии.

Некоторые египтологи предлагали, чтобы мы летом описывали и тотчас же издавали все, что сделано за зиму. Но, помимо напряженной работы и других обязанностей, против этого есть веская причина. Наша работа над открытием — над гробницей, содержимое которой мы стараемся запечатлеть как можно вернее, — займет несколько сезонов сосредоточенного труда. Если бы, последовав совету наших критиков, мы стали подробно описывать ход работ прежде, чем удастся свести воедино все сделанное, в отчет неизбежно вкрались бы ошибки, которые, раз допущенные, потом трудно исправить. Поэтому мы позволяем себе надеяться, что избранный нами путь лучше

служит научной точности и меньше способен породить ложные представления. Да и предостережений против излишней спешки достаточно. Мы помним, например, о склепе в этой же Долине, где был найден тайник с погребением Эхнатона. Отчет об этом важном и интересном открытии был выпущен второпях, и находку объявили гробницей царицы Тии, тогда как после более внимательного исследования лишь один предмет из всей этой великолепной находки — так называемый балдахин, который, по-видимому, особенно сильно повлиял на выводы тех, кто его нашел и описал, — можно было считать, да и то предположительно, принадлежавшим этой царице. Подобных ошибок мы хотим избежать. Кроме того, поскольку мы видели пока лишь четверть содержимого гробницы, мы просим читателя о снисхождении к этому предварительному отчету. Читатель поймет, что в будущем, по мере того как работа будет продвигаться и откроются новые факты, отчет, возможно, придется исправлять.

Когда при тусклом свете свечи мы впервые бегло осматривали переднюю камеру, нам показалось, что в одной из шкатулок (№ 101) лежат свитки папирусов. Но позже, в лучах мощной электрической лампы, они оказались свертками льняной ткани, которые и тогда еще отчасти походили на свитки папирусов. Это, естественно, нас разочаровало и дало повод говорить, что историческая жатва нашего открытия по сравнению с его художественной ценностью окажется скудной: письменных свидетельств о царе Тутанхамоне и о смутах его времени нет.

Высказывалось также мнение, что эти камеры — не настоящая гробница царя, а что Хоремхеб, второй преемник Тутанхамона, вероятно, присвоил себе подлинную его гробницу и наспех сложил его утварь в камерах этого склепа. Но и это не все. Говорили еще, что это всего лишь тайник, и даже — что уже

совсем маловероятно — что найденные в нем предметы были собранием дворцовой мебели, принадлежавшей династии и спрятанной здесь потому, что Тутанхамон был последним в этом царском роду, причем многие из этих вещей будто бы месопотамского происхождения. Да будет мне позволено заметить, что эти возражения высказаны авторами, которые никогда не видели не только содержимого гробницы, но и самой гробницы.

Отвечая на эти возражения, скажу, что до сих пор мы не нашли ничего, что не могло бы принадлежать к погребальному снаряжению царя. Все предметы полностью согласуются со свидетельствами и сведениями, почерпнутыми из отрывочного материала царских гробниц Нового царства, открытых в этой Долине, и во всех отношениях это чисто египетские вещи конца XVIII династии.

В том, что наше открытие — подлинная гробница Тутанхамона, сомневаться, я думаю, не приходится, но нужно помнить, что она, как и гробница Эйе, его непосредственного преемника, принадлежит к полуцарскому, получастному типу. По сути, это скорее усыпальница возможного наследника престола, чем царя. Это, я думаю, покажет сравнение ее плана с планами гробниц матерей, жен и детей царей в Долине цариц и с гробницами его предшественников и преемников в Долине царей.

Судя по манере работы и по некоторым заметным особенностям, вполне вероятно, что ее высекала та же рука, что и склеп, где хранилось перенесенное погребение Эхнатона, находящийся совсем рядом. План того склепа очень похож на гробницу Тутанхамона, и оба они — варианты плана и принципов, по которым строились гробницы фиванских царей эпохи Империи. Кажущаяся урезанность замысла склепа Эхнатона — в

нем лишь одна законченная камера — объясняется, вероятно, тем, что его готовили как тайник, где должны были лежать только почитаемая мумия да немногие самые необходимые предметы ее погребения. Быть может, поэтому мы и находим там лишь первую камеру — переднюю, — подготовленную и оштукатуренную, чтобы принять эти останки. Надо заметить также, что в правой стене этой единственной камеры древнеегипетский каменотес начал высекать второе помещение, которое теперь, в незаконченном виде, похоже на нишу; но стоит сравнить его с гробницей Тутанхамона, и замысел становится очевиден: здесь должен был быть погребальный зал. Иными словами, в замысле обнаруживается известное родство с гробницей Эхнатона в Эль-Амарне и со склепом-тайником, устроенным в этой Долине для так называемого царя-еретика, а также с гробницами Тутанхамона и Эйе, — родство, свойственное именно амарнской ветви династии. Вместе с ними мы встречаем и лучшее искусство Египта эпохи Империи, и зародыш его упадка, который проявился в следующей, XIX династии.

Хоронил нашего царя Эйе, его преемник: на внутренних стенах погребальной камеры Тутанхамона Эйе велел изобразить себя царем среди священных сцен, совершающим обряд перед Тутанхамоном, — изображение, не имеющее себе подобных в царских гробницах этого некрополя.

Пожалуй, здесь уместно сказать несколько слов о складе ума древних египтян, каким он выразился в их искусстве, тесно связанном с их религией. Изучая религиозные представления древних египтян, мы можем всецело увлечься пестрым многообразием их мифологии, и все же в конце концов почувствуем, что сами смотрим на мир уже иначе. Но если мы однажды научились восхищаться их искусством и понимать его,

то по большей части уже не испытываем такой уверенности в своем эстетическом движении вперед и превосходстве. Быть может, в мелочах это и так, но ни один здравомыслящий человек никогда не вообразит, что ушел дальше тех основ, которые воплощены в их искусстве. При всех наших успехах мы не можем уйти дальше этих основ. Египетское искусство выражает свою цель в величавой и простой условности, и потому полно достоинства, которое дает ему собственная невозмутимость, и никогда не лишено благоговения.

Отсутствие перспективы в их искусстве, без сомнения, есть ограничение, и этому ограничению приходится уступить немало; но в пределах своей условности лучшее египетское искусство воплощает утонченность, любовь к простоте, терпение в исполнении и никогда не опускается до копирования природы без идеала. Простота — признак величия в искусстве, и египтяне никогда не стремились быть оригинальными или поражать. В рамках своей условности древний египтянин смотрел на природу собственными глазами, и потому своеобразие придавала изображению только его личность, будь то с религиозной или с эстетической точки зрения. Именно поэтому египетские портреты неопытному глазу часто кажутся несколько похожими друг на друга и даже однообразными. Но на деле это объясняется условностями эпохи, по которым индивидуальные черты смягчались в согласии с идеалами египетского канона. Все это подтверждает материал из гробницы Тутанхамона. Нас поражает огромная производительность искусства того времени, представленного в гробнице, но, изучая его, мы обнаруживаем несколько неожиданную сторону характера и домашних вкусов царя. Вкусы Тутанхамона, по-видимому, были скорее вкусами знатного вельможи, чем теми, что связаны с религиозным и

официальным искусством, господствующим в этом царском фиванском некрополе. В искусстве его гробницы главенствуют домашняя привязанность и солнечное начало, а не строгая религиозная условность, отличающая все прочие царские гробницы этой Долины.

Среди огромного множества вещей в гробнице Тутанхамона, как и в прекрасных рельефах его царствования в большой колоннаде Луксорского храма, мы находим чрезвычайное изящество стиля вместе с величайшей утонченностью. В расписной сцене, вазе или статуе первичная задача искусства очевидна, но в предметах обихода — трости, посохе или цедилке для вина — искусство, как мы слишком хорошо знаем сегодня, вовсе не обязательно. Здесь же, в этой гробнице, художественная ценность, кажется, всегда стояла на первом месте.

Здесь едва ли место обсуждать вопрос о древнеегипетском искусстве, поскольку книга посвящена главным образом самому открытию гробницы. Но обойти Долину нельзя, и полезно будет сказать несколько общих слов о ее впечатляющей истории, а также рассказать о некоторых неожиданных событиях, к которым привело открытие.

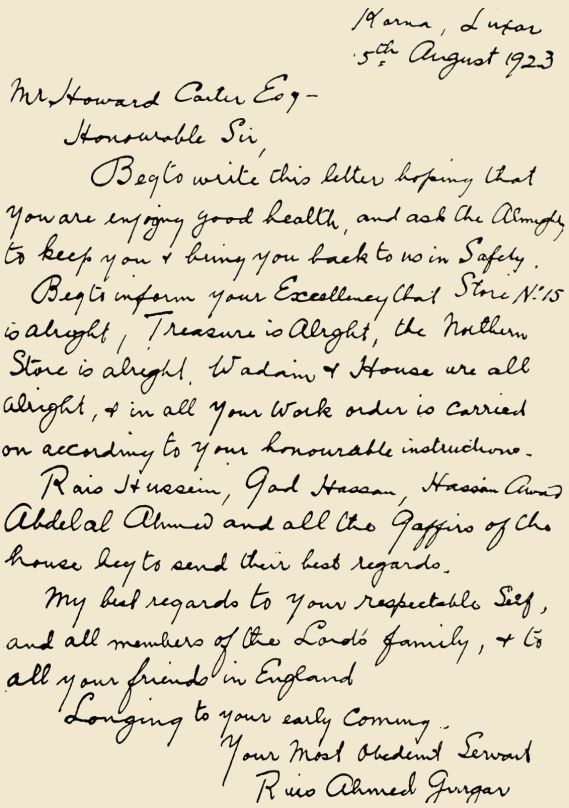
После стольких лет бесплодного труда внезапный поворот такого размаха застает человека врасплох. Сразу встает, например, вопрос о достаточной и умелой помощи. В нашем случае нужна была, очевидно, помощь в важнейших делах: записи, фотографировании, составлении планов и сохранении предметов — последнее требовало знаний химии. Но первой и самой насущной была нужда в фотографии и рисовании. Ни за что нельзя было браться, пока не будет сделана полная изобразительная запись содержимого передней камеры. Она должна была включать не только фотографии общего

расположения предметов и порядка, в котором они стояли, но и последующие схематические чертежи, показывающие их взаимное положение сверху, — задача, требовавшая не только высокого мастерства фотографа, но и опыта землемера. Затем надо было подумать о сохранении предметов, их выносе и описании — работа химика, человека, привыкшего обращаться с древностями, и, наконец, археолога.

Задача быстро разрешилась благодаря великодушию наших коллег из американской экспедиции музея Метрополитен в Нью-Йорке. В ответ на мою просьбу мой глубокоуважаемый друг и коллега мистер А. М. Литгоу, хранитель Египетского отдела этого музея, — его любезное предложение затем весьма щедро подтвердили попечители и директор музея — телеграфировал мне и предоставил в мое распоряжение, в ущерб собственной работе экспедиции, столько сотрудников, сколько могло понадобиться. На такую удачу я и надеяться не смел. В их числе были мистер А. К. Мейс, один из помощников хранителя, мистер Гарри Бертон, фотограф экспедиции, которому принадлежат фотографии этого тома, и господа Холл и Хаузер, рисовальщики экспедиции, — группа очень способных полевых работников, и все с обширными археологическими знаниями. И позвольте мне здесь отметить жертву, которую принес ради нас мистер Мейс, руководитель их раскопок на поле пирамид в Лиште: ему пришлось оставить многолетние исследования в Лиште; добавлю, что подготовка этой книги в значительной мере легла на его плечи. Вместе с тем я должен выразить нашу самую искреннюю благодарность попечителям музея Метрополитен в Нью-Йорке, его директору мистеру Эдварду Робинсону, мистеру Литгоу, а также мистеру Г. Э. Уинлоку, чья экспедиция музея в Фивах из-за этого весьма поредела.

В Каире нам улыбнулась еще одна удача. Мистер Лукас, директор Химического отдела египетского правительства, на время свободный от служебных обязанностей, предложил нам ценную помощь своих знаний по химии.

Еще раньше, когда я понял, какого размаха, вероятно, будет открытие, мне сразу пришел на помощь мистер А. Р. Каллендер из Эрмента, не раз помогавший мне и прежде. Доктор Алан Гардинер также очень любезно предоставил в наше распоряжение свои непревзойденные знания филолога. Кроме того, профессор Джеймс Г. Брестед из Чикагского университета, выдающийся историк Древнего Египта, бывший тогда в Египте, дал мне ценные советы и разъяснил исторические данные и свидетельства оттисков печатей на четырех запечатанных проходах, найденных в гробнице в разном состоянии.

Karna, Luxor
5th August 1923

Mr Howard Carter Esq -

Honourable Sir,

Beg to write this letter hoping that you are enjoying good health, and ask the Almighty to keep you & bring you back to us in Safety.

Beg to inform your Excellency that Store N.15 is alright, Treasure is Alright, the Northern Store is alright. Wadain & House are all Alright, & in all your Work order is carried on according to your honourable instructions.

Rais Hussein, Gad Hassan, Hassan Awad Abdelal Ahmed and all the Gaffirs of the house beg to send their best regards.

My best regards to your respectable Self, and all members of the Lord's family, & to all your friends in England

Longing to your early Coming.

Your Most Obedient Servant
Reis Ahmed Gurgar

Письмо рейса Ахмеда Гургара Говарду Картеру (факсимиле).

«Гурна, Луксор, 5 августа 1923 г.

Мистеру Говарду Картеру, эсквайру.

Почтенный сэр,

позвольте написать Вам это письмо в надежде, что Вы пребываете в добром здравии, и прошу Всевышнего хранить Вас и вернуть Вас к нам в сохранности. Позвольте сообщить Вашему превосходительству, что склад № 15 в порядке, сокровищница в порядке, северный склад в порядке, обе долины и дом — все в порядке, и во всей Вашей работе порядок ведется согласно Вашим почтенным указаниям.

Рейс Хусейн, Гад Хасан, Хасан Авад, Абд эль-Аль Ахмед и все сторожа дома просят передать Вам свой сердечный привет.

Мой сердечный привет Вашей почтенной особе, и всем членам семьи лорда, и всем Вашим друзьям в Англии.

С нетерпением ждем Вашего скорого приезда.
Ваш покорнейший слуга
рейс Ахмед Гургар»

На всем протяжении этого предприятия мы встречали величайшую любезность и доброжелательность со стороны всех чиновников Службы древностей египетского правительства, и я хочу выразить должную признательность мсье Лако, генеральному директору Службы древностей.

Здесь же скажу, как многим я обязан сотрудникам «Таймс» за их неизменную готовность помочь во всем, даже в делах, лежащих вне круга их собственных интересов.

Моя благодарность и леди Бергклер, преданной сестре лорда Карнарвона, за жизнеописание, которое она так любезно написала для введения: никто не мог бы лучше справиться с этой задачей.

Я должен также поблагодарить моего дорогого друга мистера Перси Уайта, романиста, профессора английской литературы Египетского университета, за его щедрую литературную помощь.

Наконец, мне хотелось бы отдать должное моим египетским рабочим, которые верно и добросовестно исполняли все, что я им поручал. Письмо, приведенное выше, написанное на их своеобразном английском языке, показывает их усердие в мое отсутствие, и его, пожалуй, стоит сохранить для памяти.

Говард Картер.
Август 1923 г.

ВВЕДЕНИЕ. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПОКОЙНОГО ЛОРДА КАРНАРВОНА

✦

Леди Бергклер

Если правда, что весь мир любит влюбленного, то правда и то, что мир — открыто или втайне — любит романтику. Отсюда, без сомнения, и тот страстный интерес, что разошелся по всему свету после открытия гробницы Тутанхамона, — интерес, перешедший и на самого открывателя и, уж конечно, не ослабленный той стремительной трагедией, что настигла его после краткого часа торжества. История, которая начинается, как пещера Аладдина, а кончается, как греческий миф о Немесиде, не может не захватить воображение всех мужчин и женщин, кого среди будничной жизни еще способны тронуть рассказы о высоком дерзании и неумолимом роке. Пусть те, для кого уход Карнарвона навсегда останется неизбывным горем, с благодарностью признают: сочувствие, которое было выказано, не уступало волнению, вызванному открытиями в Долине царей. В благодарный ответ на это сердечное сочувствие здесь и помещен этот беглый очерк многогранной личности, вокруг которой сосредоточились такие чувства, — как введение к истории того открытия, которому открыватель так горячо отдавал свои силы и которому в конце концов принес в жертву свою жизнь.

Тем, кто знал лорда Карнарвона, кажется удивительно уместным, что именно он стал героем одного из самых драматических событий наших дней, ибо под спокойной

внешностью этого сдержанного англичанина поистине билось романтическое сердце. Обстоятельства его жизни, несомненно, питали природную склонность его характера. Джордж Эдвард Стэнхоуп Молинью Герберт, лорд Порчестер, родившийся 26 июня 1866 года, обладал неоценимым преимуществом: он рос в обстановке, окрашенной романтикой и проникнутой благородной простотой. Не менее счастлив он был и в окружавшей его природе. Даже в сравнении со многими «величавыми усадьбами Англии» Хайклир следует признать поместьем редкой красоты. Немалая доля его очарования — в контрастах пейзажа. От коротко подстриженных лужаек в тени исполинских ливанских кедров, где в позапрошлом веке Поуп сиживал и беседовал со своим другом Робертом Каролином Гербертом, крестником и тезкой королевы Георга II, рукой подать до зарослей боярышника, буковых и дубовых лесов и озер, излюбленного приюта дичи; а вокруг высятся холмы-дауны, то густо поросшие лесом, то голые и дикие, как в те времена, когда бритты строили свой лагерь-убежище на Бикон-Хилле — огромном меловом бастионе, господствующем над округой. Детям, воспитанным на сказаниях о короле Артуре, не требовалось большого усилия воображения, чтобы превратить леса, где они скакали на пони, в Броселианский лес, а старые монастырские пруды, где они удили щук и рвали кувшинки, — в то волшебное озеро, что поглотило славный меч Экскалибур; а холмику, поднимавшемуся из дальнего гравийного карьера, недоставало только подъемного моста, который услужливый домашний плотник перекинул через окружавший его ручеек, чтобы стать Тинтагелем.

Если, как уверил бы нас любой католический священник, неизгладимые впечатления в человеческой душе — те, что запечатлены в самые ранние годы, то Порчестер прошел школу

Романтики и Приключений. Более того, наследственность вместе с окружением дала ему своеобразный взгляд на жизнь. Он был сыном двух возвышенных душой родителей, которые неизменно старались воплотить свои идеалы на деле, на благо других, и в его раннем воспитании не было ничего, от чего пришлось бы потом отучаться. Можно с уверенностью сказать, что за все детство кудрявый мальчуган не слышал и не видел ничего низкого или пошлого. Деревня, домочадцы были членами семьи. Это был феодальный, патриархальный уклад в лучшем своем виде — воплощенные мечты «Молодой Англии». Ибо законом, правившим общиной в Хайклире, был закон доброты, хотя и такой доброты, что не допускала никаких уступок нравственной распущенности.

Забавный пример того, какие правила признавались — или, во всяком случае, должны были признаваться — законом домашней жизни, однажды подала детская няня. Одна из ее питомиц, до смерти напуганная леденящими кровь описаниями ада и адского огня из мрачной книжки религиозных наставлений для малышей «Заря дня» (ныне, к счастью, оставленной следующими поколениями), которую ей дала неосмотрительная гувернантка, разумеется, бросилась за утешением к любимой «Нане». И искала его не напрасно. «Не горюй, душенька, из-за таких сказок, — сказала добрая старушка, — никто из замка Хайклир никогда не попадет в ад!»

Отец Порчестера, четвертый граф Карнарвон, по общему признанию, был государственным деятелем, который ни разу не позволил честолюбию хоть на волос отклонить его с пути, начертанного щепетильной совестью. Но хотя он и вышел из правительства Дерби и Дизраэли, лишь бы не поддерживать избирательную реформу 1867 года, реакционером он отнюдь не был. И в имперских, и в общественных замыслах он намного

опережал большинство современников по обе стороны политической арены. Любопытно даже поразмыслить, скольких потерь и расходов избежала бы наша страна, если бы меры и суждения этого истинно консервативного государственного деятеля находили поддержку у кабинетов и партии, с которыми он был связан. Маленьких мальчиков политика не занимает — разве что костры в честь удачных выборов, — но как бы ни сложилась жизнь потом, окружение и наследственность — тот камень, из которого высекается характер. Пятый граф Карнарвон — археолог — ни своим физическим, ни своим душевным «складом», как выражаются ныне, не напоминал отца. Но именно от отца он унаследовал независимость мысли вместе с огромным удовольствием мериться умом с другими людьми. И способность к сосредоточенным ученым занятиям, которую он прилагал к множеству самых разных предметов, его занимавших, несомненно, была частью отцовского наследства, ибо четвертый граф был одним из лучших знатоков классической древности своего поколения. Еще живы люди, которые могут засвидетельствовать его безупречную латинскую речь в Тринити-колледже в Дублине, произнесенную им в бытность вице-королем Ирландии, и помнят, как он признался, когда на него насели с расспросами, что с тем же успехом мог бы произнести ее по-гречески.

В 1875 году на жизнь мальчика легла тень. Его мать умерла, родив третью дочь. Этой тени суждено было остаться надолго, ибо Эвелин Стэнхоуп, леди Карнарвон, была одной из тех редких женщин, что живут в мире, но не от мира, и недостаток ее умного сочувствия Порчестер ощущал всю жизнь. Его причудливое остроумие и ее живое чувство юмора были созданы для взаимного понимания. Она помогла бы ему преодолеть глубоко

укоренившуюся замкнутость, на которую понадобились годы, чтобы ее сгладить, и с самого начала объясняла бы миру необычный характер сына, а сыну — мир.

Даже когда оставшийся в живых родитель — такой преданный отец, каким был лорд Карнарвон, смерть матери, пожалуй, неизбежно вносит в жизнь детей некоторую суровость, хотя она же, как и случилось в этот раз, теснее связывает брата с сестрами. После смерти матери Порчестер, или «Порчи», как его тогда обычно звали, и маленькие девочки, однако, были несказанно счастливы той преданной любовью, которой окружили их сестры отца — леди Гвендолен Герберт и Эвелин, леди Портсмут. Первая была хрупкой больной, вокруг дивана которой собирались и старые и малые, уверенные, что найдут сочувствие и в горе, и в радости. Оттого, что несчастный случай лишил ее доли молодого веселья и забав, она тем горячее старалась доставить их детям, оставшимся без матери, и в их жизни жила своей. Она была естественной заступницей, когда возмездием грозили химические опыты, кончавшиеся полуудушливыми и вполне зловонными испарениями, или когда похождения среди водопроводных кранов низвергали потоки воды на полотна Ван Дейка. Школьная дисциплина семидесятых годов строилась отнюдь не по Монтессори. Крайняя мягкость правления леди Гвендолен не всегда нравилась учителям и гувернанткам. Они вспоминали, что копье, которое она по настойчивой просьбе подарила Порчи, впервые отведало крови на ценной гравюре; а другой ее подарок, большая пила, был признан столь опасным, что его объявили «табу», и он висел на широкой голубой ленте — любопытное украшение стены классной комнаты. Нельзя отрицать и того, что подарить маленькому мальчику полкроны в утешение за разбитое окно — гомеопатический метод воспитания, который вызвал бы

возражения у наставников и учителей любой эпохи. Но при всей неизменной снисходительности ее влияние никогда не расслабляло. С такими зоркими судьями, как младшее поколение, считается то, каковы мы сами, а не наши изречения и тем более не наши выговоры. Шалить рядом с Гвендолен было немыслимо. Своим собственным примером она так сделала милой кротость — добродетель, не всегда любимую юными представителями мужского пола, — что сестры Порчи и его маленькие единокровные братья никогда не терпели от него грубости. Поддразнивать он любил, был страшным насмешником тогда и до конца жизни и в солидные зрелые годы получал от удачной шутки над друзьями или родными такое же упоение, как пятиклассник. Но нить кротости, проходившая через его натуру, была не последним из его привлекательных качеств, и взращена она была в те ранние дни единственным действенным способом воспитания — примером тех, кого мы любим.

Много лет спустя, когда племянник хоронил леди Гвендолен в Хайклире, он с благодарной нежностью возвращался к воспоминаниям, к урокам той бескорыстной любви. «Какая пустота», — писал он, — останется без «этой маленькой фигурки в сером» на семейных сборах, крестинах, свадьбах, где ее присутствие возвращало его ко всем чудесным воспоминаниям детства.

Здоровьем лорд Карнарвон никогда не отличался, и сомнительно, прожил бы он даже свою недолгую жизнь, если бы не та роль, которую в его отрочестве сыграли леди Портсмут и ее дом, Эггсфорд, ставший для него вторым домом. Англия семидесятых годов была еще веком наглухо закрытых окон, перетопленных комнат, теплых шарфов и — худший ужас из всех — респираторов. К счастью для мальчика, леди Портсмут, во

многих областях дела и мысли бывшая первопроходцем, горячо отстаивала свежий воздух. Хрупкий бледный ребенок, проведя пару месяцев в охоте и играх на воздухе с целым племенем кузенов в Северном Девоне, превратился в закаленного юного спортсмена. В Эггсфорде лошади и гончие занимали в жизни такое же первое место, как политика и книги в Хайклире. «Спортивные похождения мистера Споджа» сменили «Мармиона», хотя в заветный вечерний час, венчавший хлопотливый, счастливый день в Эггсфорде, леди Портсмут читала семье вслух «Талисман» и «Айвенго». Как ни различны казались эти два дома, в главном они были схожи. У них была одна нравственность, они признавали одни и те же правила. Хайклир нельзя было назвать чопорным. Но Эггсфорд, в краю, который до появления автомобиля сохранял многое от вкуса старины, был решительно далек от всяких условностей. Сборы охоты выводили в поле пестрое собрание мужчин, мальчишек, лошадей и пони, какое, вероятно, нигде, кроме Ирландии, нельзя было бы собрать ни в одном уголке Соединенного королевства. Из них не последней по своеобразию фигурой был лорд Портсмут, пожалуй, самый любимый хозяин охотничьей своры в Англии. Редко, право, доброжелательство к людям доброй воли бывало так явственно написано на человеческом лице, как на лице этого настоящего джентльмена, и сама сочность его выражений лишь сильнее привязывала к нему охотничье общество.

В зрелые годы друзья лорда Карнарвона нередко с улыбкой отмечали его любовь к тем, кого они называли «чудаками». Быть может, этот вкус зародился в те каникулярные часы, когда он поджидал лису в перелесках и у лиственничных рощ, испещренных ранней зеленью несравненной весны Западной Англии. Быть может, там же он брал уроки искусства более

трудного, чем наблюдение странного и любопытного. Полная непринужденность дружбы, такой дружбы, что исключает и покровительство, и фамильярность, — вот что было основным тоном в обращении старого хозяина своры с мужчинами, женщинами и детьми в те утра. Почти тот же тон определял отношения лорда Карнарвона с людьми, которых обстоятельства и склад ума, казалось бы, отделяли от него большим расстоянием. Те, кто ездил с ним в ежегодное его путешествие — или, вернее, шествие — с Паддингтонского вокзала в Хайклир на Рождество, никогда не забудут, какие теплые приветствия вызывало его появление у железнодорожных служащих всех рангов, от контролеров до машинистов. Праздник давал им и ему случай выразить свое чувство, свое неподдельное чувство друг к другу. Без преувеличения можно сказать, что это была трогательная сцена, удивительно подходившая к великому семейному празднику года.

Частная приготовительная школа и Итон — вот ступени, которые сами собой готовят мальчика в положении Порчестера к будущему поприщу. Его приготовительную школу выбрали неудачно. Она жила былой славой, и ни стол, ни обучение не были на высоте; но ему по крайней мере посчастливилось выйти живым из эпидемии кори, которую мальчики лечили тем, что, когда жар становился невыносим, обливали друг друга из кувшинов холодной водой.

До конца дней Итон сохранял в его глазах то обаяние, по которому узнается истинный итонец, и его наставник, мистер Мариндин, разделял эту привязанность. Однако было некоторым несчастьем, что школа ничего не сделала для того, чтобы привить привычку к порядку мальчику, наделенному исключительно хорошей памятью и необыкновенной сообразительностью. Было

бы, например, благом, если бы дорогое образование научило его отвечать на письма. Так, однажды литературные круги огласились гневными обличениями видного критика, тщетно обращавшегося к лорду Карнарвону как наследнику лорда Честерфилда, жившего в XVIII веке, за сведениями об отношениях этого государственного мужа с Монтескье. Было известно, что автор «О духе законов» бывал то ли в Честерфилд-хаусе, то ли в Бретби, где, как предполагалось, могли сохраниться какие-то следы этого посещения. Когда стали расспрашивать, выяснилось, что лорд Карнарвон часами, если не днями, искал в библиотеке Бретби, собранной целиком лордом Честерфилдом, хоть какие-нибудь следы Монтескье. Но поиски оказались тщетными, и Карнарвону не пришло в голову послать об этом открытку — хотя бы для того, чтобы показать, сколько труда он положил ради незнакомого человека.

Еще до того как он уехал из дома в школу, учителя и гувернантки объявили Порчи лентяем; и, вероятно, как с большинством живых юных созданий, удержать его внимание надолго было нелегко. Однако по менее строгим меркам нынешнего дня вряд ли сочли бы отсталым десятилетнего ребенка, который говорил на двух языках — с матерью и учителями говорили по-французски, — сносно знал немецкий, латинскую грамматику и начатки греческого и прелестно пел под старое дребезжащее пианино классной комнаты. Ярлыки — вещь роковая. Стоит ученика окрестить лентяем, и винить будут его, а не учителя. Быть может, и совершенство отцовской учености было для сына камнем преткновения. Одна из маленьких насмешек жизни, над которой стоит задуматься школьным учителям: человек, которому суждено было открыть XX веку целую главу

древнего мира, откровенно терпеть не мог классиков в том виде, как их преподавали в Итоне.

Четвертый граф был слишком благоразумен, чтобы настаивать на бесконечном продолжении занятий, обреченных на неудачу. Порчестер рано оставил Итон, чтобы с наставником дома и за границей изучать то, что теперь назвали бы «реальным отделением». Количество серьезной научной работы, проделанной в маленькой лаборатории у озера в Хайклире или во время пеших походов по Шварцвальду, было, вероятно, невелико; но, во всяком случае, эти два года странствий оставили ему запас разнообразных сведений, какие редко накапливает средний школьник, — тот самый материал, что подстегивал его природную разносторонность. Несколько месяцев он провел в Эмблтоне под руководством будущего епископа Лондонского доктора Крейтона, память которого он глубоко чтил. Следующим этапом стали занятия с репетиторами в Англии и в Ганновере для поступления в армию. Мысль о военной карьере, однако, скоро улетучилась, и в 1885 году лорд Порчестер поступил в Тринити-колледж в Кембридже. Характерно, что, пораженный красотой деревянной обшивки стен в своих комнатах колледжа, он предложил начальству за свой счет соскоблить многочисленные слои краски, обезображивавшие дерево, и восстановить комнаты — предложение, к сожалению, отклоненное. Собирательство тогда еще не стало всеобщим поветрием, каким стало теперь, но в студенте уже угадывался человек, к которому со временем крупные лондонские торговцы обращались как к высшему судье. Впрочем, задолго до Кембриджа лавки редкостей были его излюбленными охотничьими угодьями. Мальчиком, помимо обычного имущества всякого школьника — непременного альбома для марок и змеи (последняя целый семестр жила в

Итоне у него в парте), — он, когда у него заводилось несколько лишних шиллингов, пополнял свою сокровищницу бело-синими чашками или образцами деревенского фарфора. Еще в Кембридже он начал собирать французские гравюры и рисунки, в особенности рисунки Ропса, которые ныне высоко ценятся знатоками, а тогда покупались за несколько франков.

Тем не менее в ту пору главным в жизни молодого человека были не древности, а спорт, и, боюсь, в Ньюмаркете его видели чаще, чем на лекциях. Его отец незадолго до того построил виллу на итальянской Ривьере, в Портофино, на уединенном мысу, тогда совершенно недоступном для туристов, ибо глубокая расселина на большой дороге, ведущей к маленькому порту, надежно отрезала его от внешнего мира — сообщаться можно было только морем. Чтобы передвигаться, Порчестер обзавелся парусной лодкой, а вместе с нею — страстью к воде. Средиземное море вовсе не та безмятежная гладь, какой его порой рисует северное воображение. Леричи с его трагической памятью о Шелли, видный почти из Портофино, служит предостережением о том, чем грозит мореходу, если он не убавит парусов, когда с нависающих гор вдруг налетит шквал. Такие шквалы не раз едва не стоили жизни юному «милорду», тем более что итальянские лодочники в подобные минуты имели досадную привычку падать на колени и молиться Мадонне, а Порчестеру и его невозмутимому слуге-англичанину приходилось без всякой помощи приводить лодку в гавань.

Для прирожденного искателя приключений вся прелесть приключения — в привкусе опасности, и именно риск этих прогулок привил ему любовь к морским странствиям. Окончив Кембридж в 1887 году, он тотчас отправился на парусной яхте в кругосветное плавание, и с тех пор, можно сказать, зов

приключений уже не покидал его. Из Виго он отплыл к островам Зеленого Мыса, в Вест-Индию, сделал остановку в Пернамбуку, а затем 42 дня кряду шел через великое безлюдье тропических морей, пока не бросил якорь в Рио. Именно в этом плавании он пристрастился к чтению, которое стало главной опорой его существования, — приобретение, дешево купленное ценой долгих месяцев под Южным Крестом. Он любил говорить, что, как ни дороги ему спорт и автомобиль, он охотно никогда бы не вставал с кресла, если бы, едва он закончит одну захватывающую книгу, ему в руки падала другая, столь же захватывающая. Так, когда занавес над его университетскими занятиями опустился, бывший ленивый студент с жадностью отдался поискам знания, и особенно истории, иные эпохи которой изучал с дотошностью профессора, готовящего курс лекций.

Жизнь на борту «Афродиты» была, однако, посвящена не одному лишь мирному чтению томов назидательной литературы, серию за серией. В долгом плавании непременно бывают и приятные, и неприятные случаи, и молодой человек изведал вдоволь и тех и других. В жестокий шторм, когда капитан лежал без сознания, в бреду, Порчестер принял командование и, при удаче и с помощью хорошего старшего помощника, благополучно привел яхту к берегу. А когда один из матросов покалечился и судовому врачу пришлось оперировать, именно Порчестер, держа палец на пульсе больного, давал хлороформ с ловкостью и спокойствием опытного наркотизатора. В Буэнос-Айресе, переживавшем тогда пору высшего процветания, где две итальянские оперные труппы каждый вечер пели для аргентинских миллионеров, молодого англичанина радушно принимали все слои общества, и местные жители, и иностранцы. В духе традиционного «милорда» он устроил на «Афродите» —

первой яхте, бросившей якорь в аргентинских водах, — пир в честь президента, а заодно подружился с деловыми людьми, с адмиралом, командовавшим британской эскадрой, и с итальянскими оперными певцами. Он даже немного гордился тем, что эти последние однажды позвали его заменить на репетиции пропавшего аккомпаниатора; впрочем, признавался он — а он любил рассказывать истории, где смеялись над ним самим, — просьба эта больше не повторялась, потому что он упорно вел артистов по своему, а не по их представлению о темпе.

Из всех этих знакомств и дружб самой ценной была, несомненно, дружба с адмиралом Кеннеди: именно благодаря его решительным уговорам Порчестер в конце концов отказался от задуманного перехода через Магелланов пролив, который в неподходящее время года и на парусном судне адмирал называл самоубийством. Задуманное Порчестером полное кругосветное плавание поэтому не удалось, но для молодого человека, только что из колледжа, путешествие было богато всевозможными впечатлениями.

Из Буэнос-Айреса Порчестер не торопясь вернулся домой. Многие из мест, где он побывал, были для англичанина того времени неведомой землей и даже ныне малознакомы обычному туристу. Во время мировой войны он оказался одним из немногих, кто мог по собственным впечатлениям описать Фолклендские острова, у которых тогда произошло морское сражение, — он и прежде предсказывал, что решающий спор за Южную Атлантику разыграется именно там.

Из этих ранних странствий он привез, однако, нечто большее, чем знакомство с пустынными краями земли, красивыми пейзажами или необычными людьми. В этих скитаниях он увидел и кое-что от первозданных условий жизни, где человек должен

рассчитывать только на себя, — опыт, которого слишком часто лишен богач нашей нынешней цивилизации. Библиофил, собиратель фарфора и рисунков, да и вообще всего редкого и прекрасного, с тонким вкусом, обостренным наблюдением и учением, он, вероятно, был счастливее всего в те часы, когда нежданное приключение требовало быстрого решения и немедленного действия. Но надо понимать, что приключение непременно должно было быть нежданным, ибо меньше всего он походил на Дон Кихота. Храбрость его была того особого, спокойного рода, при котором в час опасности пульс лишь приятно учащается.

Однажды в юности он нанял лодку, чтобы добраться где-то у побережья до своего судна, стоявшего далеко на рейде. Он был один, правил лодочкой, на веслах сидели двое дюжих рыбаков. Вдруг, когда берег остался далеко, а до цели было еще столько же, эти двое предложили ему на выбор: заплатить крупную сумму или отправиться за борт. Он спокойно выслушал их и знаком велел подать ему дорожный несессер. Они повиновались, уже мысленно перебирая выкуп английского «лорда». Положение, однако, переменилось, когда он вынул не туго набитый бумажник, а револьвер и, направив его на обоих, сурово приказал грести дальше, иначе он будет стрелять. Довольный смешок, с которым он вспоминал этот в высшей степени приятный для него случай, до сих пор помнит та, кому он рассказывал.

Правда обязывает его биографа признать, что не из всех приключений он выходил столь же победоносно. Следующее его дальнее путешествие было в Южную Африку. Из Дурбана он написал пишущей эти строки, что собирается охотиться на слонов; и на охоту он отправился, но роли охотника и дичи поменялись. С одним лишь проводником-африканцем он сидел в

засаде в зарослях, и в свой час слон появился. Порчестер, обычно превосходный стрелок, выстрелил и промахнулся, а немного погодя, не видя больше зверя, соскользнул с дерева, на котором сидел, собираясь не спеша отправиться восвояси. Для этого ему надо было пересечь голый участок вельда, рассекавший лес надвое. Он был уже посреди этого открытого пространства, когда заметил, что слон его выслеживает, понял, что перезарядить ружье не успеет, и пустился бежать с такой быстротой, какой в себе и не подозревал. Ружье, патронная сумка, бинокль, куртка — все полетело прочь, пока он бежал, спасая жизнь, а разъяренный зверь тяжело топал за ним. Для него, как для испанца, спешка — по крайней мере пешая — всегда была от лукавого. Но теперь, когда на кону стояла жизнь, гонку выиграл он. Он добежал до спасительных зарослей, снова взобрался на дерево и был спасен. Ему потом говорили, что уйти от погони слона — подвиг более редкий, чем уложить его выстрелом. Со временем он стал одним из полудюжины лучших стрелков Англии, но на слонов больше никогда не охотился.

За путешествием в Южную Африку последовало другое — в Австралию и Японию, откуда Порчестер вернулся в начале лета 1890 года, к счастью, как раз вовремя, чтобы быть с отцом во время последней болезни и кончины лорда Карнарвона.

Новому лорду было всего 23 года, когда он вступил в наследство, и, если не считать того, что страсть к охоте удерживала его в Хайклире и Бретби в охотничий сезон, а любовь к опере — на несколько недель летом в Лондоне, он оставался верен своей любви к путешествиям. Он вдруг срывался в Париж или Константинополь, Швецию, Италию или Берлин, на долгий или короткий срок, и так же неожиданно возвращался домой, собрав картины и книги и множество знакомых и друзей, иные из

которых, тогда никому не известные, впоследствии заняли в мировой истории столь же видное место, как и в рассказах молодого путешественника. Не то чтобы в ту пору он был чересчур разговорчив. Скорее он любил намеки вроде: «когда я видел главу мафии в Неаполе», — манера, как нельзя лучше разжигавшая любопытство, которое он потом с улыбкой оставлял неудовлетворенным, к отчаянию слушателя, естественно желавшего знать, как он встретился с этим таинственным властелином. Чувство юмора делало его откровеннее, когда речь шла о его попытках познакомиться с другой громкой фигурой. Это был не кто иной, как покойный султан Абдул-Хамид, прозванный «Абдулом Проклятым», с которым Карнарвон в один из приездов в Константинополь вдруг загорелся желанием добиться встречи. Гардероб никогда не был сильной стороной Карнарвона. Мундира у него не было, но он подновил яхтенную куртку, нашив на нее лишних медных пуговиц, и надеялся, что в таком наряде его пропустит ведомство обер-камергера. Когда его имя было через посольство представлено куда следует, ему сообщили, что адъютант с каретой доставит его во дворец Йылдыз. В назначенный день чиновник явился, но с явно смущенным видом: ему пришлось объяснить, что его величество, хотя и глубоко огорчен, не может принять его светлость. «Быть может, в другой день?» — «Нет, султан опасается, что другого дня не найдется, но в знак своего уважения просит лорда Карнарвона принять прилагаемый высокий орден». Карнарвон от ордена отказался — носить его он бы уж точно не стал — и остался столь же раздосадованным, сколь и озадаченным. Объяснение нашлось не сразу, но в конце концов нашлось.

Его отец, четвертый граф Карнарвон, много путешествовал по Турции и вынес оттуда глубокое отвращение к дурному

управлению этой несчастной страной и столь же глубокое сочувствие к преследуемым христианским народам. Он стал председателем Общества защиты армян и считался одним из главных их доброжелателей. Абдул-Хамиду это было известно, но ни он, ни его министры не знали, что тот лорд Карнарвон умер и что английский лорд, просивший аудиенции у султана, — молодой человек, носивший, правда, то же имя, но не унаследовавший ни политических взглядов отца, ни его влияния. Абдул-Хамид жил в постоянном страхе перед покушением, особенно со стороны кого-нибудь из народа, который он так жестоко преследовал. Поэтому он тотчас заключил, что лорд Карнарвон просил о встрече, чтобы его убить, и решительно отказался допустить к себе мнимого заговорщика. Любители истории, подобные Карнарвону, стремятся встретиться лицом к лицу с теми, кто — к добру или к худу — творит историю. Поэтому он был искренне разочарован, что не удалось увидеть одну из самых способных, хотя и самых мрачных фигур нашего времени. Но мысль, что его отца, из всех людей именно его, сочли возможным убийцей, была слишком смешна, чтобы не перевесить досаду, и он часто тихо посмеивался над этой стороной истории.

В позднейшие годы, когда ему много приходилось бывать среди египтян, «Лорд», или «Лорди», как они его называли, сумел найти с жителями Востока всех сословий, от паши до феллаха, больше точек соприкосновения, чем обычно удается человеку Запада. Но ведь он и вправду обладал несомненным обаянием, которое, когда он того хотел, привлекало к нему доверие мужчин и женщин по всему свету. Пример тому, показывающий заодно смесь проницательности и причудливости в его характере, — поездка в Калифорнию. По дороге туда он задержался в Нью-Йорке, где обещал другу попытаться разузнать об одном торговом

предприятии. Способ, которым он добывал сведения, был, мягко говоря, весьма оригинален. О том, кто стоит во главе предприятия, он спросил у своего парикмахера. Парикмахер, как ни странно, сумел его просветить, и лорд Карнарвон написал записку этому финансисту с просьбой о встрече. В свое время его принял типичный капитан промышленности, с глазами, как буравчики, и ртом, как стальной капкан, который, должно быть, подивился прямодушию заезжего англичанина, напрямик просившего у него совета. Магнат учтиво выслушал его просьбу и затем недвусмысленно посоветовал ни в коем случае не трогать этих акций. Карнарвон пристально посмотрел на него, поблагодарил и отправился прямо на телеграф, откуда дал распоряжение покупать. Затем он уехал в Калифорнию, где с упоением — он любил все виды спорта — ловил тарпонов. Шесть недель спустя он вернулся в Нью-Йорк и узнал, что акции взлетели, а его друг из Сити в восторге от прибыли, полученной благодаря решению Карнарвона. Тогда он снова попросил о встрече с финансистом и снова был учтиво принят. На этот раз Карнарвон объяснил, что не может уехать из Америки, не поблагодарив за совет, оказавшийся столь выгодным, что он окупил очень дорогую поездку. Магнат уставился на него и воскликнул: «Но, лорд Карнарвон, я ведь отговаривал вас покупать!» — «О да, я знаю, что вы так сказали, но я, разумеется, понял, что вы хотите дать мне понять обратное». На мгновение воцарилось молчание, а потом великий человек расхохотался, протянул ему руку и сказал: «Прошу вас считать этот дом своим всякий раз, как вернетесь в Америку». — «А что, ваш капитан промышленности был самым интересным человеком, которого вы встретили в той поездке?» — спросила его слушательница. «О нет, что вы! — последовал характерный ответ. — Самым

интересным человеком, безусловно, был тормозной кондуктор в поезде до Калифорнии. Я часами с ним разговаривал».

В 1894 году лорд Карнарвон зафрахтовал паровую яхту «Катарина» и вместе со своим другом принцем Виктором Дулип Сингхом снова побывал в Южной Америке. Вернувшись летом 1895 года, в день своего двадцатидевятилетия он женился на мисс Альмине Вомбвелл. Венчание состоялось в церкви Святой Маргариты в Вестминстере, свадебный завтрак — в Лансдаун-хаусе. Все было роскошно. С очень хорошенькой невесты вполне мог бы писать Грез, а редкостная благородная осанка жениха бросалась в глаза не меньше, чем ее красота. Более того, его уговорили заказать к торжеству сюртук и надеть его. Но когда они отправились в Хайклир, с его триумфальными арками и ликующими арендаторами, — сама новобрачная была в розовом газе, усыпанном изумрудами и бриллиантами, — лорд Карнарвон с облегчением вернулся к своей соломенной шляпе и любимой куртке из синей саржи, которую преданная старая экономка, бывшая горничная его матери, к собственному своему негодованию, заштопала в то самое утро! Эта забавная мелочь была как нельзя более характерна: при всей своей взыскательности, охотно принимавшей все, что делает жизнь изящнее, в том, что касалось его самого, он сохранял в неприкосновенности свою особую простоту.

Следующие восемь или десять лет супруги жили обычной жизнью молодых людей, чья доля выпала в приятных местах, — жизнью тех веселых довоенных дней. В 1898 году, к их великой радости, у них родился сын Генри, лорд Порчестер, а в 1901 году — дочь Эвелин, которой суждено было стать лучшим другом отца и его близкой спутницей в последней, богатой событиями и роковой поездке в Египет.

Около 1890 года лорд Карнарвон занялся скачками, которые вскоре глубоко его увлекли, ибо он не умел отдаваться наполовину никакому делу или занятию. В конце концов главный его интерес сосредоточился на конном заводе, где ему, как считали, везло. Он выигрывал некоторые из больших скачек: многие призы в Аскоте, Кубок распорядителей в Гудвуде, Донкастерский кубок и «Сити энд Сабербан». Он был членом Жокей-клуба.

Несомненно, особенно с годами, немалая доля удовольствия, которое доставляли ему скачки, приходилась на людей. Помимо дружбы с людьми своего круга, его по-настоящему занимали многие известные ему «чудаки» — каждого он знал по прозвищу, которого никогда не забывал, и был посвящен в их домашнюю жизнь, радости и заботы. Когда сухощавая фигура, в которой безошибочно угадывался джентльмен, появлялась в паддоке или на ипподроме — в единственной в своем роде низкой фетровой шляпе такого фасона, какого не видывали ни на чьей голове, кроме его собственной, с горлом, в любую погоду закутанным желтым шарфом, и, как бы ни был наряден съезд, в коричневых башмаках («эти чертовы коричневые башмаки этого малого», как однажды назвала их одна высокая особа, известная строгим соблюдением правил одежды), — он мог рассчитывать на особый прием, столь же присущий только ему, как его наряд и его облик.

Здесь, пожалуй, место сказать кое-что о его дружбах, которые и вправду были неотъемлемой частью его самого. Никто не принимал так близко к сердцу наставлений Полония об этой важной стороне жизни; и, несомненно, «стальными звеньями» он приковывал к себе «друзей, испытанных на деле, и их привязанность». Как пишет один из самых выдающихся среди них, «он был очень верным другом. Быть может, не скоро

удавалось заслужить его дружбу, но если уж она была дарована, то навсегда, навеки. Ничто не могло изменить или ослабить его дружбы. Те, кто удостоился этого, хорошо знали, что, даже если их разлучали годы, узы его дружбы оставались крепки как прежде, и при новой встрече их встречали так, словно они никогда и не расставались с ним». Ничто и впрямь не могло ослабить его дружбы. Один из немногих случаев, когда пишущая эти строки видела его сломленным, был тот, когда ему пришлось признаться, что очень дорогой друг, незадолго до того умерший, злоупотребил его доверием. Но и тогда он не открыл, в чем состояла вина. Он ревниво оберегал доброе имя этого человека и, как ни был уязвлен до глубины души, не позволил, чтобы за его проступок пострадали его близкие. Лишь годы спустя, совершенно случайно, его слушательница узнала факты и смогла оценить и размеры обиды, и великодушие обиженного.

Человек, великодушный в мыслях, непременно великодушен и в делах. Скольким он помог в трудную минуту, никто никогда не узнает, ибо он свято следовал евангельскому завету, чтобы левая рука не знала, что делает правая. Лишь изредка, когда он чувствовал, что может довериться слушателю, чувство юмора брало верх над его скромностью.

Так, один из его старых арендаторов, ферма которого сдавалась за 727 фунтов 11 шиллингов 4 пенса в год, три года подряд приносил на ежегодную сверку счетов ровно 27 фунтов 11 шиллингов 4 пенса и совершенно честно считал, что вправе получить расписку в полном расчете. Когда это случилось в третий раз, а земля явно приходила в полное запустение, лорд Карнарвон почувствовал, что должен отказать ему в аренде. Плата вовсе не была завышенной, поспешно объяснял он: едва его решение стало известно, ему предложили 1100 фунтов. «Но, —

добавил он, — мне было так жаль бедного старика, который всю жизнь провел на этом месте, что я устроил ему что-то вроде пенсии в 250 фунтов. Я подумал, что это будет ему утешением». Если бы не своеобразные взгляды фермера на сведение счетов, задевшие чувство юмора Карнарвона, эта маленькая история так и осталась бы нерассказанной.

Та же преданная верность, что навсегда привязывала его сердце к семье, сестрам, братьям и друзьям, делала его превосходным хозяином и верным другом своим слугам. Он довольно забавно опроверг пословицу, что для своего камердинера никто не бывает героем. Если не случалось серьезной провинности, человек, поступивший к нему на службу, оставался у него на всю жизнь, но при условии, что служил хорошо. Этого лорд Карнарвон ожидал, и это он получал. Точно так же, будучи сам учтив и внимателен, он ожидал и ответной вежливости. Разочаровывался он редко, ибо, как сказал он в последнем письме к пишущей эти строки, «удивительно, чего можно добиться небольшой вежливостью». Но встретив грубость, он умел дать отпор, который, хоть и был высказан несколько окольно, действовал ничуть не хуже. В годы войны, когда ему пришлось обратиться в одно из распределительных ведомств, его встретила барышня, остриженная по моде и столь же коротко обходившаяся с посетителями, которая весьма надменно пожелала узнать, по какому делу он мог явиться. Поскольку ни один человек не мог прийти в это ведомство ни за чем иным, кроме как за товаром, которым оно распоряжалось, вопрос, не говоря уже о тоне, был дерзостью. Сладчайшим голосом лорд Карнарвон ответил: «Ну конечно, я пришел поговорить с вами о гиппопотаме в зоопарке», — после чего его дело было улажено в мгновение ока.

Превосходный стрелок, владелец скаковых лошадей, на редкость тонкий и вдохновенный собиратель произведений искусства — его частным образом отпечатанный каталог редких книг служит образцом в своем роде, — лорд Карнарвон был также одним из первых автомобилистов. Он владел автомобилями во Франции еще до того, как их разрешили в Англии. Его машина была третьей, зарегистрированной в нашей стране после отмены закона, обязывавшего пускать перед каждой самодвижущейся повозкой на большой дороге человека с красным флагом. Автомобиль не мог не привлечь человека его склада, и он со страстью отдался новому спорту. Он был великолепным водителем, и ему хорошо служил его дар — тот самый, что выручал его и в стрельбе, и в гольфе, — точно определять расстояние, вместе с невозмутимым спокойствием в трудную минуту, которое часто, если не всегда, служит лучшей страховкой от беды.

Хотя Карнарвон слыл безрассудным, на деле он был слишком собран и слишком здравомыслящ, чтобы искать опасности. Когда пишущая эти строки упрекала его в ненужном риске, он отвечал: «Ты что, принимаешь меня за глупца? В автомобильной езде опасность подстерегает за поворотом, а я никогда не прохожу поворотов быстро». Вероятно, так оно и было, но «лучшие замыслы и мышей, и людей нередко идут вкривь», и именно на совершенно прямой дороге с ним случилась авария, сильно повлиявшая на всю его жизнь.

Беда настигла Карнарвона во время поездки по Германии. Он и его преданный шофер Эдвард Тротман, сопровождавший его во всех поездках двадцать восемь лет, много миль неслись по пустой дороге, проложенной с римской прямизной через бесконечный германский лес, к Швальбаху, где их ждала леди Карнарвон.

Впереди, как и позади, все тянулось шоссе, как вдруг, перевалив через гребень, они увидели неожиданную ложбину, такую крутую, что ее не было видно до последних 20 ярдов, а на дне ее, поперек дороги, стояли две воловьи повозки. Карнарвон сделал единственное, что было возможно. Надеясь проскочить, он направил машину на травяную обочину, но колесо зацепилось за кучу камней, лопнули две шины, автомобиль перевернулся через себя и упал на водителя, а Тротмана отбросило на несколько футов в сторону. К счастью для обоих, толстое пальто Тротмана смягчило падение, и он с великолепным присутствием духа ни секунды не медля бросился спасать хозяина. Машина упала наискось поперек канавы. Упади она на дорогу, Карнарвона раздавило бы насмерть, а так он лишь ушел головой в грязь. С энергией отчаяния Тротман сумел оттащить легкую машину в сторону и вытащить Карнарвона, который был без сознания, и даже сердце его, казалось, остановилось. Возчики, зная за собой вину, сбежали, но Тротман увидел на соседнем поле рабочих, увидел у них бидон с водой и, не тратя времени на извинения, схватил бидон и выплеснул воду в лицо лорду Карнарвону. От потрясения сердце снова забилось, а тем временем рабочие, бросившиеся вдогонку за своим бидоном, подоспели к месту. Общего языка у них не было, но страшное зрелище и знаки шофера объяснили все, и они привели врача. Он нашел человека разбитого, явно с тяжелым сотрясением мозга, с лицом, распухшим до неузнаваемости, с сильно обожженными ногами, сломанным запястьем, на время ослепшего, с поврежденными небом и челюстью, с головы до ног облепленного грязью. По сути, он был едва жив; но он пришел в сознание, чтобы задать единственный вопрос, заслонявший все остальное: «Я никого не убил?» — получил успокоительный ответ и снова впал в

беспамятство. В таком состоянии его отнесли в ближайший трактир, где леди Карнарвон, почти тотчас к нему приехавшая, созвала к его постели врачей и хирургов. Характерно, что едва ли не первыми словами, которые он прошептал, когда к нему вернулась речь, были: «По-моему, я не потерял присутствия духа!» Он был прав: присутствия духа он не потерял, но потерял здоровье. Все, что могли сделать искусство и забота тогда и впоследствии, было сделано, но до конца жизни он страдал от бесконечно повторявшихся операций и опасных болезней. Он переносил их с благородным мужеством и вышел из этих испытаний, из отказа от работы и урезанных честолюбивых надежд скорее смягчившимся, чем ожесточенным. Порой он надолго умолкал, но редко жаловался. Это была прекрасная победа воли, которой помогало чувство юмора, составлявшее самую ткань его существа.

Что до отдыха, тут ему пришла на помощь его разносторонность. Когда мучительные головные боли сделали охоту слишком тягостной, он взялся за гольф и играл в него на уровне лучших игроков. Когда гольф оказался ему не по силам, он принялся изучать технику фотографии и, при своем художественном даре, вскоре стал мастером этого искусства. По словам одного знатока, «работы Карнарвона были известны во всех уголках земного шара, где художественная фотография пользуется почетом, и не будет преувеличением сказать, что его снимки были единственными в своем роде и по художественности, и по знаниям, которые он показал в их исполнении» («Ежеквартальный журнал Кэмера-клуба», т. I, № 202, май 1923 г., с. 13, статья Ф. Дж. Мортимера, члена Королевского фотографического общества). В 1916 году он был избран президентом Кэмера-клуба. Он ценил эту честь; но больше

всего обрадовало его другое признание его работы в этой области: в годы войны его вызвали на фронт, чтобы он дал советы штабу Королевского летного корпуса по аэрофотосъемке. Три дня, проведенные в Сент-Андре, хоть немного — но лишь немного — утешили его в том, что сам он не мог служить в армии, и он был этому рад, хотя по возвращении в Англию поплатился за это усилие тяжелым приступом болезни. Его всегда влекли механические изобретения. Именно под Бикон-Хиллом, в его владениях, капитан де Хэвиленд построил свой первый аэроплан, который в усовершенствованном виде — D.H.9 — стал одним из главных самолетов военных лет.

И все же, как он ни старался, от многого ему пришлось отказаться. Его глубоко занимали выборы 1905 и 1910 годов и спор о палате лордов в 1911 году, и он, вероятно, принял бы деятельное участие в политике, если бы не был убежден, что тяжелое повреждение рта и челюсти помешает ему выступать публично. Быть может, он преувеличивал этот недостаток, ибо, когда 11 января 1923 года он читал свою лекцию в Центральном зале в Вестминстере, его без труда слышала многочисленная публика. Но он не любил делать что-либо плохо, и страх говорить невнятно вместе с многочисленными болезнями погасил его надежду на общественное поприще. Многие его друзья и тогда, и теперь сожалели об этом вынужденном неучастии в общественной жизни страны. Сэр Уильям Гарстин, чье мнение весомо, пишет: «Лорд Карнарвон глубоко интересовался всеми вопросами английской политики, но больше всего его занимала внешняя политика нашей страны. Обширные путешествия, как и занятия, дали ему понимание предметов, связанных с „мировой политикой“, необычное для англичан, проводящих большую часть жизни дома. Пожалуй, политика Ближнего Востока привлекала

его больше, чем политика любой другой страны. Частые поездки в Турцию и балканские государства и понимание уз, тесно связывающих Англию с этими народами, давали ему прямой личный интерес к этим вопросам. Он, безусловно, мог и умел хорошо и умно говорить обо всем, что касалось отношений Англии с Турцией и Востоком».

Итогом аварии стала необходимость зимовать вне Англии, ибо при его затрудненном дыхании тяжелый бронхит мог оказаться смертельным. Поэтому в 1903 году он отправился в Египет и тотчас был очарован прелестью «раскопок». Незаконченный отрывок на эту тему, над которым он работал перед смертью, рассказывает о тех первых днях:

> «Мне всегда хотелось и я намеревался еще с 1889 года начать раскопки, но по той или иной причине никак не мог за них взяться. Однако в 1906 году с помощью сэра Уильяма Гарстина, бывшего тогда советником при министерстве общественных работ, я начал копать в Фивах.
>
> Скажу, что в ту пору я ровно ничего не смыслил в раскопках, и потому, вероятно, чтобы я не наделал бед и вместе с тем был при деле, мне отвели участок на вершине Шейх-Абд-эль-Гурны. Не прошло и суток, как мы вдруг наткнулись на то, что казалось нетронутой погребальной шахтой. Это вызвало немалое волнение в Службе древностей, которое скоро улеглось, когда выяснилось, что шахта не закончена. Там шесть недель, окутанный облаками пыли, я упорно трудился день за днем. Если не считать большой мумии кошки в футляре, которая теперь украшает Каирский музей, мои упорные и очень пыльные старания не были вознаграждены ничем. Однако эта полная неудача не обескуражила меня, а напротив, разожгла мой пыл еще сильнее».

Но чем больше он трудился, тем яснее ему становилось, что ему нужна помощь знатока; поэтому он обратился за советом к сэру Гастону Масперо, и тот посоветовал ему пригласить мистера Говарда Картера.

Совет сэра Гастона Масперо оказался еще плодотворнее, чем ожидал лорд Карнарвон. В лице мистера Говарда Картера Карнарвон обрел сотрудничество не только ученого знатока, археолога, одаренного воображением, и, как говорил лорд Карнарвон, «очень хорошего художника», но и верного друга. Следующие шестнадцать лет эти двое работали вместе с переменным успехом, но всегда объединенные не столько общей целью, сколько взаимным уважением и привязанностью.

Отчет о работах лорда Карнарвона и мистера Картера содержится в роскошном томе под названием «Пять лет раскопок в Фивах», который они выпустили в 1912 году. Описание первых раскопок, произведенных вместе с мистером Говардом Картером, сделанное самим лордом Карнарвоном, следует, однако, привести здесь. «После, пожалуй, 10 дней работы в Дейр-эль-Бахри в 1907 году, — пишет он, — мы наткнулись на то, что оказалось нетронутой гробницей. Никогда не забуду, как я впервые ее увидел. Было в ней что-то необычайно современное. В гробнице стояло несколько гробов, но первым приковал наше внимание белый, ярко расписанный гроб, на который был небрежно наброшен покров, а у самого его изножья лежал букет цветов. Эти гробы простояли здесь нетронутыми и забытыми 2500 лет. Причина того, что усыпальница осталась неприкосновенной, скоро стала ясна. Погребальной утвари в ней не было, и, очевидно, владельцы гробов были люди бедные, и они или их родные вложили все деньги, какие могли потратить на похороны, в нарядные гробы, где покоились их тела.

Один из этих гробов я подарил Ньюберийскому музею. Итоги этого сезона были очень скромны, и все же однажды нам показалось, что мы наконец нашли нечто, по всем признакам похожее на нетронутую гробницу, ярдах в 400 от храма Дейр-эль-Бахри. Утром я поехал туда верхом и, едва увидев лицо Картера, понял, что случилось что-то неприятное и непредвиденное. Увы! То, что накануне казалось многообещающим, оказалось всего лишь замурованным подобием конюшни, где древнеегипетский десятник привязывал своего осла и вел свои счета. Но это обычное дело, ибо на раскопках, как правило, случается неожиданное, а неожиданное почти всегда неприятно». Так писал будущий открыватель гробницы Тутанхамона.

В 1907 году лорд Карнарвон начал собирать свою ныне знаменитую египетскую коллекцию. «Моей главной целью, — пишет он, — было тогда и остается теперь не просто покупать вещь потому, что она редка, а скорее принимать в расчет красоту предмета, чем его чисто историческую ценность. Конечно, когда то и другое — красота и исторический интерес — соединяются в одном предмете, интерес и радость обладания более чем удваиваются». Свидетельство такого выдающегося авторитета, как сэр Эрнест Бадж, разительно подтверждает рассказ самого лорда Карнарвона о его коллекции. «Ему было нужно, — говорит сэр Эрнест, — только лучшее, и ничто, кроме лучшего, не могло его удовлетворить, а заполучив лучшее, он упорно продолжал верить, что где-то должно найтись нечто лучше лучшего. Поиски прекрасного в египетском рисунке, форме и цвете стали в последние годы делом всей его жизни. Вкус его был безупречен, а чутье на истинное и подлинное — непревзойденно. По сравнению с прекрасной „антикой“ деньги не имели для него цены, и он

любил повторять вслед за сэром Генри Роулинсоном: „добыть деньги легче, чем антики“»[1].

[1] «Тутанхамон, аменизм, атонизм и египетский монотеизм», предисловие, с. xxi.

Из всех лишений, на которые обрекло его плохое здоровье, тяжелее всего было то, что он не мог лично участвовать в мировой войне. Хотя он и вышел из призывного возраста, его живой ум и близкое знание французского языка и французского склада ума сделали бы его ценным офицером связи. Одно время он даже лелеял надежду сопровождать своего друга генерала сэра Джона Максвелла на фронт, но, поскольку в то время даже тряска в такси причиняла ему почти нестерпимую боль, ему пришлось довольствоваться той работой, какую он мог найти дома. И все же, когда его брат Обри Герберт, к которому он был особенно привязан, был ранен и пропал без вести в первые недели войны, он, несмотря ни на какую боль, собирался ехать на своем автомобиле искать его, когда пришла весть, что Обри спасся. Позже о такой затее нечего было бы и думать, но в те первые недели, быть может, находчивость и спокойствие Карнарвона и могли бы принести успех.

Характерно, что еще за целую неделю до объявления войны, убежденный в ее неизбежности и полагая, что первой опасностью станет нехватка продовольствия, он без лишнего шума подготовился кормить население своего поместья. Прелесть его замысла была в том, что он не требовал набегов на лавки. Картофель оставался в поле, зерно в скирдах, но был готов, когда придет нужда, к тщательно рассчитанной раздаче маленькой общине в 253 души, за которую он считал себя ответственным. Как мы знаем, эту опасность он ожидал не в тот срок и, быстро осознавая свои ошибки, тотчас направил силы на другое.

С самого начала войны лорд и леди Карнарвон превратили Хайклир в госпиталь для офицеров, позже переведенный на Брайанстон-сквер, 38, и в городе ли, в деревне ли он славился нежной и умелой заботой о больных. После того как леди Карнарвон перевела свой госпиталь в Лондон, Карнарвон, помимо прочего, занялся превращением пастбищ Хайклира в пашню. Ему хорошо помогали его старые преданные работники, и успех превзошел ожидания тех, кто знал здешнюю тонкую меловую почву. Во время одного из его наездов в Хайклир, когда он был там один, у него случился приступ аппендицита. Леди Карнарвон с хирургами и врачами примчалась туда и увезла его в лондонский госпиталь, где его немедленно прооперировали. И потому, по всей вероятности, именно госпиталю, основанному этими мужем и женой, он и был обязан спасением жизни, ибо нигде больше в то время он не получил бы такого неустанного ухода.

Однако спасение было на волоске. Знаменитый хирург сэр Беркли Мойнихан, вызванный к его постели из Лидса, признался, что сам давал ему не больше трех четвертей часа жизни. Лорд Карнарвон потом уверял, что, хотя и понимал свою опасность, был убежден: страдания его слишком остры, чтобы дать ему умереть. Верный своему неистощимому чувству юмора, он и в эту минуту ухитрился пошутить и удивился, что шутка, кажется, не развеселила его врачей. «Шутка была так себе, но все-таки в ней была соль, а улыбнулся один Джордж [его очень преданный слуга]», — жаловался он. Врачей в таких обстоятельствах можно извинить, ибо то, что их пациент выкарабкался, было почти чудом. Сам он приписывал свое выздоровление находчивости и стараниям жены и тому искусству и самоотверженности, которыми она его окружила, — самоотверженности, проявляемой

охотно, ибо сиделки обожали пациента, который даже на краю гибели оставался внимательным и учтивым.

Два года спустя ему пришлось перенести еще одну тяжелую операцию, и снова он поправился и, казалось, крепче ухватился за жизнь. К тому же к этому времени война кончилась, и его единственный сын, прослуживший всю войну в Месопотамии, снова был дома, рядом с ним, цел и невредим. Для Карнарвона это было несказанным облегчением. Он был слишком истинным англичанином, чтобы жалеть сына для служения стране, но во многих мелочах было видно, как тяжело давалась ему тревога. Обычно самый сдержанный из людей, получив одно из тех писем, написанных карандашом, которых в те темные дни ждало столько истосковавшихся сердец, он спешил прочесть драгоценное послание сочувствующим слушателям. А с той минуты, как молодой солдат отплыл, маленький фокстерьер «моего мальчика» ни на шаг не отходил от него.

Любовь к детям занимала в жизни Карнарвона огромное место. Он от души радовался их обществу и, пожалуй, еще больше — явному удовольствию, которое доставляло им его общество. Любовь к ним расширила его взгляд на жизнь в целом или, вернее, смела остатки врожденной сдержанности, которая порой ложилась завесой между его истинным «я» и внешним миром. Он, который, по словам одного друга, «прошел через жизнь смеясь» и особенно смеялся над самим собой и своими невзгодами, признавался, что сам удивлен, как глубоко страх за их благополучие может проникнуть сквозь его защитную броню. Когда он тревожился о дочери, его отважные шуточки покидали его. «Не могу тебе сказать, как это меня расстроило, — писал он, — я положительно не могу ни спать, ни есть. Я и не подозревал, что что-нибудь может меня так тревожить». И сомнительно, не

утратило бы само великое открытие половины своей прелести, если бы эта дочь, его неразлучная спутница, не была рядом, чтобы разделить с ним восторг этого поразительного откровения.

Еще во время войны лорд Карнарвон пытался добраться до Египта. Если бы не тяжелый плеврит, задержавший его в Англии в последнюю минуту, он прибыл бы в Каир в тот самый день, когда турецкие войска безуспешно подступили к Суэцкому каналу. Разумеется, как только было подписано перемирие, он постарался вновь присоединиться к мистеру Картеру, который в перерывах между своей военной службой в Каире смог начать предварительные изыскания в Долине царей. Путешествовать, однако, в 1919 году было нелегко. С большим трудом удалось достать места на пароходе, который на переходе защищали параваны, чтобы избежать участи, недавно постигшей одно французское судно, подорвавшееся на плавучей мине. Но мины были меньшей опасностью, чем санитарное состояние парохода. Во время войны он служил транспортом для войск, еще не был продезинфицирован и был битком набит пассажирами-арабами, которых везли в Бизерту. К счастью, переход был недолгим, но и за этот короткий срок было много больных и несколько умерших.

Поездка, начавшаяся так неудачно, и дальше не стала лучше. В Египте было неспокойно, и счастьем оказалось то, что желание Карнарвона осмотреть Файюм с мыслью о раскопках привело путешественников из Луксора в Каир раньше обычного. Все было готово для поездки в Файюм, и час отъезда назначен, когда накануне вечером Карнарвон получил столь тревожные вести о положении в провинции, что решил отложить поездку. Решение оказалось удачным, ибо на следующий день в Файюме начались беспорядки, а через день-другой, как писал он сам, «страна пребывала в состоянии безвластия. Воспользовавшись затишьем,

— продолжает он, — я сумел отправить семью в Порт-Саид и хорошо помню, какое облегчение испытал, получив телеграмму, что они благополучно сели на пароход».

Сам он на время остался в Каире, отчасти в надежде еще немного покопать, но также и потому, что его по-настоящему занимало положение в стране. Как замечает сэр Уильям Гарстин, «в Египет его впервые привлек интерес к египтологии. Однако очень скоро его стала живо интересовать и египетская политика. Он питал большую симпатию к египтянам и к тем, кто стремился возродить Египет как нацию, и выказывал к ним сочувственный интерес, на который они охотно откликались. Мало кого из англичан так любили в Египте, и скорбь, выказанная при его смерти, была всеобщей и искренней». Оценку положения лорда Карнарвона в Египте, данную сэром Уильямом Гарстином, полностью подтверждает и сэр Джон Максвелл, также большой знаток египетской политики. «Он был одним из немногих англичан, — говорит он, — кто понимал и ценил, что сделал для нас Египет во время войны и как трудно нам пришлось бы, займи он недружественную позицию; понимал он и то, что преданный, довольный друг на наших восточных путях сообщения бесконечно предпочтительнее угрюмого, недовольного врага. Он был убежден, что первого можно достичь. Он умел хорошо и терпеливо слушать и завоевал доверие многих лучших людей Египта. И в Лондоне, и в Хайклире он принимал египетские делегации. Все ценили его гостеприимство и внимание, и все чувствовали, что с его смертью потеряли настоящего друга своей страны».

Шли дни, и становилось, однако, ясно, что ни о какой работе в тот сезон не может быть и речи. Он был нужен в Англии и решил уехать. Это было непросто, и он уже собирался зафрахтовать

парусное судно, когда ему удалось получить место на пароходе домой. Лорду Карнарвону суждено было еще не раз побывать в Египте. После операции 1919 года, едва начав поправляться, он настоял на том, чтобы уехать в Луксор в обычный срок, и там восстановил здоровье и силы.

Описание гробницы Тутанхамона и ее открытия не входит в задачу этого очерка, который касается человека, а не археолога. Карнарвон никогда не был склонен к самоанализу, и, хотя он мог подробно описывать прекрасные предметы, найденные в гробнице, у него не находилось слов, чтобы выразить, что пережил он сам в минуту открытия. Он мог лишь уверять слушателей, что это была «очень волнующая минута»! И, в отличие от большинства событий, с течением недель волнение не утихало ни у публики, ни у лорда Карнарвона; и, естественно, пожалуй, никому эти следовавшие одно за другим откровения не приносили такой радости, как ему. «Он был так же счастлив, как и скромен», — сказал один видный ученый.

В этом печальном мире, похоже, за триумфы приходится платить усталостью души и тела. Это была славная пора, но, когда гробницу закрыли на сезон, лорд Карнарвон очень устал. Его укусил комар, ранка загноилась, и, хотя жена и дочь, врачи и сиделки мужественно боролись за его жизнь, борьба была проиграна. Все эти долгие три недели боли и страдания он оставался прежним, отважным. Читатели бюллетеней, быть может, помнят, что даже самые мрачные из них обычно заканчивались уверением, что больной бодр духом. Но сам он не обольщался. «Я услышал зов, — сказал он другу, — я готовлюсь». 6 апреля 1923 года его не стало.

В завещании он выразил желание быть похороненным на Бикон-Хилле. Поэтому его и упокоили на вершине огромного

холма, возвышающегося над домом, который он так страстно любил. У могилы стояли лишь самые близкие и дорогие, да несколько рабочих и слуг, многие из которых поседели у него на службе; но и их он считал частью своей семьи, и их плач: «Конечно, он был моим хозяином, но он был и моим другом», — был той эпитафией, какую он сам выбрал бы. Ни органа, ни музыки, ни певчих не было на этих похоронах. Прекрасный старинный обряд, предающий «тело нашего дорогого брата земле в твердом и несомненном уповании», был исполнен сурового величия, как похороны в море. Но весь воздух звенел весенней песней жаворонков. Они пели самозабвенно, в таком страстном восторге, что те, кто слышал эту песню, никогда ее не забудут. Так мы и оставили его, чувствуя, что конец был созвучен жизни.

Здесь, здесь его место — где метеоры летят, облака встают,
Молнии вольны,
Звезды приходят и гаснут! Пусть радость грозу разобьет —
Мир пусть роса принесет!
Высокий замысел должен высоко и завершиться:
Высоко лежащим
Оставьте его — он выше, чем мир полагает,
В жизни и в смерти.

Уинифред Бергклер.
Озеро, Хайклир,
17 сентября 1923 г.

ГЛАВА I. ЦАРЬ И ЦАРИЦА

✦

Несколько вступительных слов о Тутанхамоне — царе, чье имя знает весь мир и кто в этом смысле, вероятно, меньше всех в истории нуждается в представлении. Он был, как всем известно, зятем того египетского фараона, о котором написано больше, чем о любом другом, и чья слава, пожалуй, больше всего превосходит его действительные заслуги, — царя-еретика Эхнатона. О его происхождении мы ничего не знаем. Возможно, он был царской крови и сам по себе имел какое-то косвенное право на престол. С другой стороны, он мог быть и простым человеком незнатного рода. Это не так важно, ибо, женившись на царской дочери, он по египетскому закону о престолонаследии тотчас становился возможным наследником трона. Опасное и незавидное это было положение — в такую именно пору истории его страны. За ее пределами держава, основанная в XV веке до н. э. Тутмосом III и удерживаемая — с трудом, правда, но все же удерживаемая — его преемниками, сникла, как проколотый воздушный шар. Внутри страны царило недовольство. Жрецы древней веры, видевшие, как их богами пренебрегли и как под угрозой оказалось само их пропитание, рвались с привязи и ждали лишь удобной минуты, чтобы сбросить ее совсем; воинское сословие, обреченное на унизительное бездействие, кипело недовольством и готово было откликнуться на любую смуту; иноземные женщины гарема, которых со времен завоевательных войн в таком множестве ввели ко двору и в семьи воинов, теперь, в пору слабости, стали верным средоточием интриг; ремесленники и купцы, видя, как падает

внешняя торговля, а средства внутри страны уходят в одну местность, к тому же весьма тесную, быстро становились угрюмыми и недовольными; простой народ, не любящий перемен, многие из которого горевали об утрате старых, привычных богов и охотно приписывали всякую потерю, лишение или беду ревнивому гневу этих оскорбленных божеств, постепенно переходил от растерянности к открытому возмущению новым небом и новой землей, которые были ему предписаны. А посреди всего этого Эхнатон, Галлион из Галлионов, промечтал свою жизнь в Телль-эль-Амарне.

Вопрос о преемнике был жизненно важен для всей страны, и можно не сомневаться, что интриги процветали. Наследников мужского пола не было, и внимание сосредоточивается на кучке маленьких девочек, старшей из которых к моменту смерти отца было не больше пятнадцати лет. Как ни юна она была, эта старшая царевна по имени Меритатон уже некоторое время состояла в браке, ибо в последние год-два царствования Эхнатона мы видим ее мужа его соправителем — тщетная попытка отвратить кризис, неизбежность которого должен был чувствовать даже такой великий мечтатель, как Эхнатон. Ее царствование было недолгим, ибо ее муж Сменхкара умер вскоре после Эхнатона. Возможно даже, как будто показывают некоторые свидетельства в этой гробнице, что он умер раньше него, и вполне вероятно, что он погиб от руки соперничающей партии. Как бы то ни было, он исчезает, а вместе с ним и его жена, и престол открылся для следующего притязателя.

Таблица I. Статуя царя Тутанхамона. Одна из статуй, охраняющих внутренний запечатанный проход

Вторая дочь, Макетатон, умерла незамужней еще при жизни Эхнатона. Третья, Анхесенпаатон, была замужем за Тутанхатоном, как его тогда звали, — за тем самым Тутанхамоном, который теперь так хорошо нам знаком. Когда именно был заключен этот брак, неизвестно. Возможно, еще при жизни Эхнатона, а возможно, его заключили поспешно, сразу после смерти Эхнатона, чтобы узаконить притязания Тутанхатона на трон. Во всяком случае, оба они были еще детьми. Анхесенпаатон родилась на восьмом году царствования своего отца и, следовательно, ей было не больше десяти лет; а по свидетельствам из самой гробницы у нас есть основания думать, что и Тутанхамон был едва ли старше мальчика. Ясно, что в первые годы этого царствования детей за троном должна была стоять какая-то сила, и мы можем почти с уверенностью сказать, кто ею был. Во всех странах, но особенно на Востоке, когда престолонаследие сомнительно или слабо, разумно внимательно следить за поступками самого могущественного из придворных. При дворе в Телль-эль-Амарне таким был некий Эйе — верховный жрец, управитель двора и, по сути, все остальное при дворе. Он был близким другом Эхнатона, а его жена Тии была кормилицей царской супруги Нефертити, так что можно не сомневаться: во дворце не происходило ничего, чего бы они не знали. Заглянув немного вперед, мы видим, что именно этот Эйе после смерти Тутанхамона сам занял престол. Кроме того, по его картушу в погребальной камере новонайденной гробницы мы знаем, что он взял на себя погребальные обряды Тутанхамона, если даже не сам строил гробницу. Найти в Долине

царей имя последующего царя на стенах гробницы его предшественника — случай совершенно небывалый. То, что здесь было именно так, видимо, указывает на особые отношения между ними, и мы, вероятно, не ошибемся, предположив, что именно Эйе в первую очередь возвел юного царя на престол. Вполне возможно, он уже тогда сам метил на трон, но, не чувствуя себя пока достаточно прочно, предпочел выждать и воспользоваться возможностями, которые у него, несомненно, были как у советника юного и неопытного государя, чтобы укрепить свое положение. Строить догадки занятно, и если вспомнить, что Эйе в свою очередь уступил место другому видному сановнику времен Эхнатона, военачальнику Хоремхебу, и что ни тот, ни другой не имели никакого действительного права на престол, можно быть почти уверенным, что на этом небольшом отрезке истории, с 1375 по 1350 год до н. э., сцена была хорошо подготовлена для драматических событий.

Однако, как уважающие себя историки, оставим соблазнительные «могло бы быть» и «вероятно» и вернемся к холодным, твердым фактам истории. Что мы в действительности знаем об этом Тутанхамоне, с которым так неожиданно близко познакомились? Если вдуматься, на удивление мало. При нынешнем состоянии наших знаний можно по правде сказать, что единственная выдающаяся черта его жизни — то, что он умер и был погребен. О нем самом как о человеке — если он вообще дожил до мужского возраста — и о его характере мы ничего не знаем. О событиях его короткого царствования можно кое-что почерпнуть, очень немногое, из памятников. Мы знаем, например, что в какое-то время своего правления он покинул еретическую столицу своего тестя и перенес двор обратно в Фивы. То, что он начинал как почитатель Атона и вернулся к старой вере, видно из

его имени — Тутанхатон, измененного на Тутанхамон, — а также из того, что он сделал небольшие пристройки и подновления в храмах старых богов в Фивах. Есть, кроме того, стела в Каирском музее, стоявшая первоначально в одном из храмов Карнака, на которой он говорит об этих восстановлениях храмов несколько высокопарным языком. «Я нашел, — говорит он, — храмы лежащими в развалинах, их святилища низвергнутыми, а дворы заросшими травой. Я отстроил их святилища, я снова наделил храмы достоянием и принес им дары из всего драгоценного. Я отлил статуи богов из золота и электрума, украшенные лазуритом и всеми прекрасными камнями»[1]. Мы не знаем, в какой именно период его царствования произошла эта перемена веры и была ли она вызвана личным чувством или подсказана ему по политическим соображениям. Из гробницы одного из его сановников мы знаем, что некоторые племена в Сирии и в Судане были ему подвластны и приносили дань, а на многих предметах в его собственной гробнице он изображен попирающим пленных и поражающим их сотнями стрелами со своей колесницы; но отнюдь не следует принимать как само собой разумеющееся, что он когда-либо действительно сам выступал в поход. Египетские цари на редкость снисходительно относились к таким учтивым вымыслам.

[1] Эта стела, части которой приблизительно переведены выше, впоследствии была присвоена Хоремхебом, как и почти все памятники Тутанхамона.

Этим, пожалуй, и исчерпываются факты его жизни, какими мы знаем их по памятникам. Гробница пока добавила к ним на редкость мало. Мы узнаем до последней мелочи, что у него было, но о том, каким он был и что он делал, мы, к сожалению, все еще мало что знаем. Пока нет ничего, что указало бы точную продолжительность его царствования. Шесть лет как

наименьший срок мы знали и прежде; намного дольше оно быть не могло. Остается лишь надеяться, что внутренние камеры окажутся разговорчивее. Его тело, если оно, как мы надеемся и ожидаем, все еще лежит под ковчегами в погребальной камере, по крайней мере скажет нам его возраст в час смерти и, может быть, даст какой-то ключ к ее обстоятельствам.

Одно слово о его жене — Анхесенпаатон, как ее звали сначала, и Анхесенамон после возвращения в Фивы. Как та, через кого царь унаследовал престол, она была особой весьма значительной, и он должным образом признает это тем, как часто ее имя и изображение появляются на погребальной утвари. Изящна она была к тому же, если только портреты ей не льстят, и ее дружеские отношения с мужем подчеркнуты в истинно амарнском духе. Есть два особенно прелестных ее изображения. На одном, на спинке трона (таблица II), она умащает мужа благовониями; на другом сопровождает его на охоте и изображена присевшей у его ног: одной рукой она подает ему стрелу, а другой указывает на особенно жирную утку, которую он, как она боится, может не заметить. Прелестные это картины, и трогательные, если вспомнить, что в семнадцать или восемнадцать лет жена осталась вдовой. Что ж, может быть. А может быть, и нет, если знать нравы восточных дворов, — ибо у этой истории есть продолжение, которое дают нам глиняные таблички, найденные несколько лет назад в развалинах Богазкея и лишь недавно прочитанные. Любопытную небольшую историю интриги они очерчивают, и в немногих словах мы получаем более ясный образ царицы Анхесенамон, чем Тутанхамону удалось создать о самом себе всем своим погребальным убранством.

Таблица II. Задняя стенка трона с изображением царя и царицы

Она была, по-видимому, женщиной с характером. Мысль отойти в тень и уступить место новой царице ее не прельщала, и сразу после смерти мужа она начала действовать. У нее, надо полагать, было по меньшей мере два месяца отсрочки — время, которое должно было пройти между смертью Тутанхамона и его погребением, ибо до того, как прежнего царя похоронят, новый едва ли взял бы бразды правления. А в последние два-три царствования между царскими домами Египта и Азии постоянно заключались браки. Одну из сестер Анхесенамон выдали замуж ко двору чужой страны, и многие египтологи думают, что ее

собственная мать была азиатской царевной. Неудивительно поэтому, что в такой крайности она обратилась за помощью за рубеж, и мы видим, как она пишет царю хеттов в следующих словах: «Мой муж умер, а мне сказали, что у тебя есть взрослые сыновья. Пришли мне одного из них, и я сделаю его своим мужем, и он будет царем над Египтом».

Это был с ее стороны ловкий ход, ибо настоящего наследника престола в Египте не было, и скорая отправка хеттского царевича с достаточным отрядом за спиной, вероятно, привела бы к весьма удачному перевороту. Главное, однако, была быстрота, и здесь царица не взяла в расчет хеттского царя. Спешка в каком бы то ни было деле совсем не входила в его расчеты. Никак не годилось бросаться в подобное предприятие без должного размышления, и откуда ему было знать, что письмо не ловушка? Поэтому он созвал своих советников, и дело долго обсуждали. В конце концов решили отправить в Египет гонца, чтобы проверить, правду ли пишет царица. «Где, — пишет он в ответ, и так и видишь, как он хвалит себя за проницательность, — сын покойного царя и что с ним сталось?»

Гонцу требовалось около четырнадцати дней, чтобы добраться из одной страны в другую, так что можно представить чувства бедной царицы, когда после месяца ожидания она получила в ответ на свою просьбу не царевича и мужа, а медлительное и бесполезное письмо. В отчаянии она пишет снова: «Зачем мне обманывать тебя? Сына у меня нет, и мой муж умер. Пришли мне своего сына, и я сделаю его царем». Хеттский царь теперь решает исполнить ее просьбу и послать сына, но, очевидно, уже слишком поздно. Время ушло. Здесь документ обрывается, и досказать остальное предоставлено нашему воображению.

Отправился ли хеттский царевич когда-нибудь в Египет и далеко ли он добрался? Проведал ли Эйе, новый царь, о замыслах Анхесенамон и принял ли действенные меры, чтобы их расстроить? Мы никогда этого не узнаем. Во всяком случае, царица сходит со сцены, и больше мы о ней не слышим. Это увлекательная маленькая история. Если бы замысел удался, никогда не было бы Рамсеса Великого.

ГЛАВА II. ДОЛИНА И ГРОБНИЦА

✦

Долина гробниц царей — само это название полно романтики, и из всех чудес Египта нет, пожалуй, ни одного, что так мгновенно захватывало бы воображение. Здесь, в этой уединенной долине, вдали от всякого звука жизни, под «Рогом» — высшей вершиной фиванских гор, что стоит над ними на страже, словно природная пирамида, — покоились тридцать или более царей, среди них величайшие, каких знал Египет. Тридцать были погребены здесь. Теперь, вероятно, остались лишь двое — Аменхотеп II, чью мумию любопытные могут видеть лежащей в саркофаге, и Тутанхамон, который все еще покоится нетронутым под своим золотым ковчегом. Там, когда требования науки будут удовлетворены, мы надеемся и оставить его.

Я не собираюсь пытаться описать словами саму Долину царей — за последние несколько месяцев это делалось слишком часто. Мне хотелось бы, однако, уделить некоторое время ее истории, ибо это необходимо для верного понимания нашей нынешней гробницы.

Укрытый в углу в самом конце Долины, наполовину скрытый выступом скалы, словно бастионом, находится вход в очень скромную гробницу. Ее легко не заметить, и посещают ее редко, но у нее совершенно особый интерес: это первая гробница, высеченная в Долине. Более того, она примечательна как опыт новых воззрений на устройство гробницы. Для египтянина было жизненно важно, чтобы его тело покоилось неприкосновенным в приготовленном для него месте, и прежние цари думали

обеспечить это, воздвигая над ним настоящую гору камня. Для благополучия мумии было также необходимо, чтобы она была полностью снабжена всем на случай любой нужды, а в случае владыки, любящего роскошь и пышность, это, естественно, означало щедрую трату золота и других сокровищ. Итог был вполне очевиден. Само великолепие памятника становилось его погибелью, и самое большее через несколько поколений мумию тревожили, а сокровища похищали. Испробовали разные средства: входной коридор — естественно, слабое место пирамиды — закладывали гранитными глыбами весом во много тонн; устраивали ложные ходы; придумывали потайные двери; пускали в ход все, что могла подсказать изобретательность или купить богатство. Напрасный труд, ибо терпением и упорством грабитель гробниц в каждом случае одолевал препятствия, поставленные, чтобы сбить его с толку. Кроме того, успех этих ухищрений, а значит, и сохранность самого памятника во многом зависели от добросовестности каменщика, который выполнял работу, и зодчего, который ее задумывал. Небрежная работа оставляла уязвимое место в самой продуманной обороне, а в частных гробницах, во всяком случае, мы знаем, что лаз для грабителей иной раз предусматривали сами чиновники, руководившие постройкой.

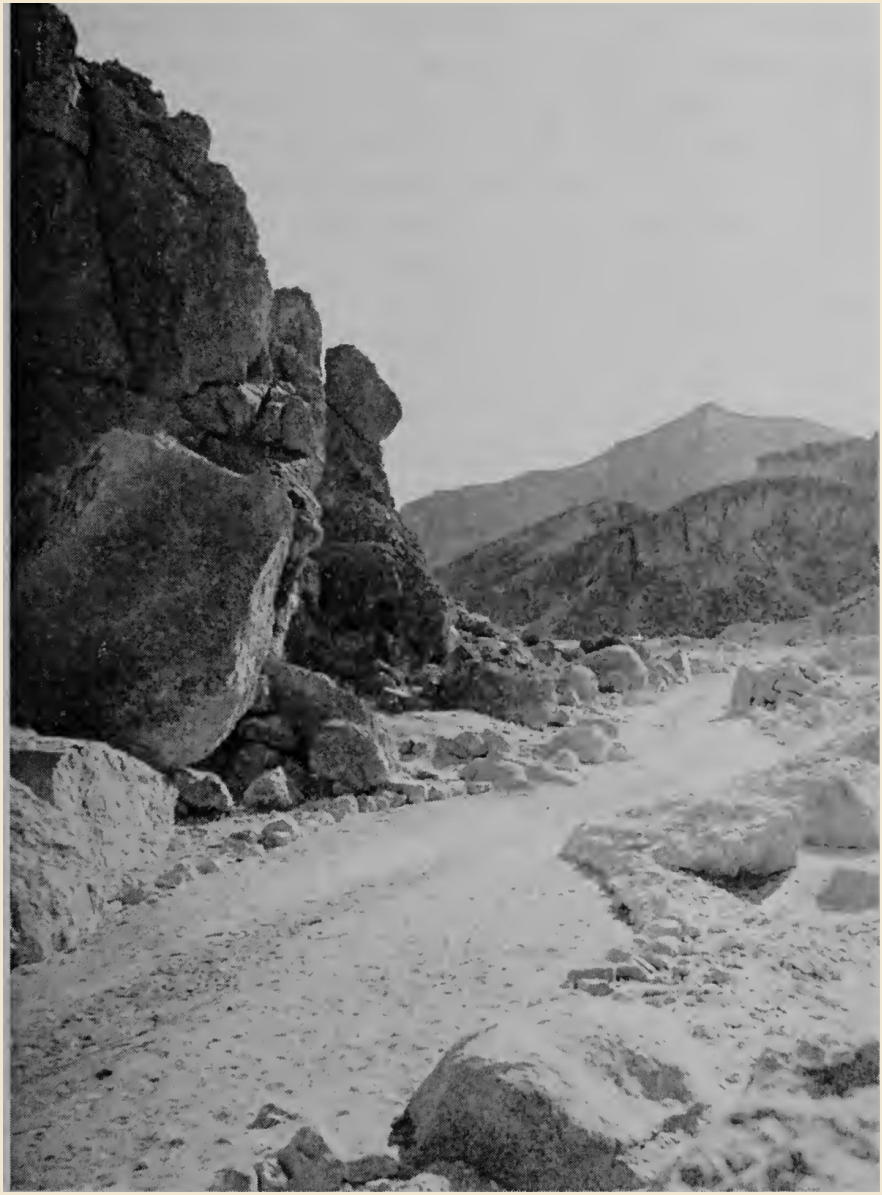

Таблица III. Дорога к гробницам царей

Столь же тщетны были усилия обеспечить охрану царского памятника. Царь мог оставить — и, собственно говоря, каждый царь оставлял — огромные вклады на содержание многочисленных отрядов пирамидных служителей и сторожей, но со временем эти самые служители охотно закрывали глаза на разграбление памятника, который им платили охранять, а вклады самое позднее к концу династии неизбежно обращал на иные цели кто-нибудь из последующих царей. К началу XVIII династии во всем Египте едва ли оставалась хоть одна царская гробница, которая не была бы разграблена, — довольно мрачная мысль для царя, выбиравшего место для собственного последнего упокоения. Тутмос I, очевидно, так и думал и немало размышлял над этой задачей, и в итоге появилась одинокая маленькая гробница в глубине Долины. Решением задачи должна была стать тайна.

Первый шаг в этом направлении сделал уже его предшественник Аменхотеп I, который устроил свою гробницу на некотором расстоянии от своего заупокойного храма, на вершине предгорий Дра-Абу-эль-Нагга, скрыв ее под камнем, но здесь дело шло гораздо дальше. Это был решительный разрыв с обычаем, и можно не сомневаться, что царь долго колебался, прежде чем решиться. Во-первых, страдала его гордость, ибо любовь к пышности была в крови у каждого египетского царя, и в своей гробнице больше, чем где-либо, он привык ее выказывать. Затем новое устройство, казалось бы, должно было причинить его мумии известные неудобства. При ранних погребальных памятниках всегда, в непосредственной близости от самого места погребения, был храм, где в различные ежегодные праздники совершались положенные обряды и приносились ежедневные жертвы. Теперь над самой гробницей не должно было быть

никакого памятника, а заупокойный храм, где приносились жертвы, должен был стоять в миле или около того, по ту сторону горы. Устройство это, конечно, было неудобным, но оно было необходимо, если гробницу хотели сохранить в тайне, а на тайне царь Тутмос и остановился как на единственной возможности избежать участи своих предшественников.

Устройство этой скрытой гробницы Тутмос поручил Инени, своему главному зодчему, и в жизнеописании, начертанном на стене его заупокойной часовни, Инени отметил, в какой тайне велась работа. «Я надзирал за высеканием скальной гробницы его величества, — рассказывает он, — один, никто не видел, никто не слышал». К сожалению, он ничего не говорит о рабочих, которых использовал. Достаточно очевидно, что сотню или больше работников, знающих заветнейшую тайну царя, никогда не отпустили бы на свободу, и можно быть вполне уверенным, что Инени нашел какое-то действенное средство заставить их молчать. Возможно, работу выполняли военнопленные, которых по ее окончании предали смерти.

Как долго хранилась тайна этой гробницы, мы не знаем. Вероятно, недолго, — да и какая тайна хранится вечно? Когда ее открыли в 1899 году, в ней мало что оставалось, кроме массивного каменного саркофага, а сам царь, как мы знаем, был перенесен сначала в гробницу своей дочери Хатшепсут, а затем вместе с другими царскими мумиями в Дейр-эль-Бахри. Как бы то ни было, удалось ли на время скрыть гробницу или нет, новый обычай был заведен, и остальные цари этой династии, а также цари XIX и XX династий все были погребены в Долине царей.

Мысль о тайне держалась недолго. По самой природе вещей она не могла держаться долго, и позднейшие цари, видимо, примирились с этим и вернулись к старому замыслу — делать

свои гробницы заметными. Теперь, когда стало установившимся обычаем помещать все царские гробницы на очень ограниченном пространстве, они, может быть, думали, что от ограбления гробниц защищены надежно, поскольку правящему царю было весьма выгодно следить за охраной царского некрополя. Если они так думали, то жестоко ошибались. По свидетельствам из самой гробницы мы знаем, что в гробницу Тутанхамона проникли грабители через десять, самое большее через пятнадцать лет после его смерти. Мы знаем также по надписям, оставленным в гробнице Тутмоса IV, что и этот царь пострадал от грабителей через очень немного лет после погребения, ибо мы видим, как царь Хоремхеб на восьмом году своего царствования поручает некоему высокому сановнику по имени Майя «обновить погребение царя Тутмоса IV, правогласного, в Драгоценной обители в Западных Фивах». Смелые, должно быть, были люди, решившиеся на это: они явно очень спешили, и у нас есть основания думать, что их застали на месте. Если так, можно не сомневаться, что их казнь была долгой и мучительной.

Странное, должно быть, видела Долина, и отчаянные дела в ней совершались. Можно представить, как замысел готовили по многу дней, тайные сходки на скале ночью, подкуп или опаивание сторожей некрополя, а затем отчаянный подкоп в темноте, протискивание через узкое отверстие в погребальную камеру, лихорадочные поиски при мерцающем свете сокровищ, которые можно унести, и возвращение домой на рассвете с добычей. Мы можем все это представить и в то же время понять, как все это было неизбежно. Снабжая свою мумию сложным и дорогим убранством, которое он считал необходимым для ее достоинства, царь сам готовил ее гибель. Соблазн был слишком велик. Богатство, превосходящее самые жадные мечты, лежало там в

распоряжении всякого, кто найдет способ до него добраться, и рано или поздно грабитель гробниц должен был своего добиться.

Несколько поколений, при могущественных царях XVIII и XIX династий, гробницы Долины, должно быть, были в относительной безопасности. Грабеж в больших размерах был невозможен без попустительства причастных к делу чиновников. В XX династии дело обстояло совсем иначе. На престоле сидели слабые цари, и чиновное сословие, как всегда, поспешило этим воспользоваться. Сторожа некрополя стали нерадивы и продажны, и, по-видимому, начался настоящий разгул разграбления гробниц. Об этом у нас есть прямые свидетельства из первых рук, ибо до нас дошел ряд папирусов времен царствования Рамсеса IX, посвященных именно этому предмету, — с донесениями о расследованиях обвинений в ограблении гробниц и с отчетами о суде над виновными. Это чрезвычайно интересные документы. Мы получаем из них, кроме весьма ценных сведений о гробницах, то, чего египетским документам, как правило, особенно недостает, — историю, в которой есть подлинно человеческое начало, и можем заглянуть прямо в мысли группы чиновников, живших в Фивах три тысячи лет назад.

Главных действующих лиц в этой истории трое: Хаэмуас, визирь, или правитель округа, Песер, градоначальник той части города, что лежала на восточном берегу, и Паверо, градоначальник западной стороны и по должности хранитель некрополя. Двое последних, очевидно, — можно сказать, естественно — были не в ладах: каждый ревновал к другому. Поэтому Песер был не прочь получить однажды донесения о грабеже гробниц в больших размерах, который шел на западном берегу. Это был случай навлечь неприятности на соперника, и он поспешил доложить о деле визирю, приведя — довольно

опрометчиво — точные цифры гробниц, в которые проникли: десять царских гробниц, четыре гробницы жриц Амона и длинный список частных гробниц.

На следующий день Хаэмуас отправил через реку отряд чиновников, чтобы посовещаться с Паверо и расследовать обвинения. Результаты расследования были таковы. Из десяти царских гробниц одна действительно оказалась взломанной, а на две другие были покушения. Из гробниц жриц две были разграблены, а две целы. Частные гробницы все были ограблены. Паверо приветствовал эти факты как полное оправдание своего управления, и визирь, по-видимому, с этим мнением согласился. Ограбление частных гробниц признали без всякого смущения, но что с того? Людям нашего круга какое дело до гробниц частных лиц? Из четырех гробниц жриц две были разграблены, а две нет. Положите одно против другого — на что тут жаловаться? Из десяти царских гробниц, названных Песером, проникли лишь в одну; лишь в одну из десяти, — значит, весь его рассказ сплошная ложь! Так рассуждал Паверо, видимо, по тому правилу, что если вас обвиняют в десяти убийствах, а виновным признают лишь в одном, вы покидаете суд без единого пятна на репутации.

В ознаменование своей победы Паверо на следующий день собрал «надзирателей, управителей некрополя, работников, стражу и всех трудящихся некрополя» и отправил их всей толпой на восточную сторону с наказом пройти торжественным шествием по всему городу, а в особенности по соседству с домом Песера. Можно не сомневаться, что эту последнюю часть наказа они исполнили весьма добросовестно. Песер терпел сколько мог, но в конце концов чувства взяли верх, и в перебранке с одним из чиновников западной стороны он при свидетелях объявил, что намерен доложить обо всем деле самому царю. Это была роковая

ошибка, и соперник поспешил ею воспользоваться. В письме к визирю он обвинил злосчастного Песера, во-первых, в том, что тот усомнился в добросовестности комиссии, назначенной его прямым начальником, а во-вторых, в том, что он действует через голову этого начальника и излагает свое дело прямо царю, — поступок, при котором добродетельный Паверо в ужасе воздевал руки как противный всякому обычаю и подрывающий всякий порядок. Это был конец Песера. Оскорбленный визирь созвал суд — суд, в котором несчастный сам, как судья, обязан был заседать, — и на нем Песера судили за ложное обвинение и признали виновным.

Такова вкратце эта история; подробно она изложена в IV томе, § 499 и далее, «Древних записей Египта» Брестеда. Из нее довольно ясно, что и градоначальник, и визирь сами были замешаны в этих грабежах. Расследование, которое они провели, было, очевидно, для отвода глаз, ибо через год-два после этих событий мы встречаем в судебных записях другие случаи ограбления гробниц, и по меньшей мере одна из этих гробниц значится в первоначальном списке Песера.

Главными в этом сообществе похитителей из некрополя были, по-видимому, восемь человек, имена пятерых из которых дошли до нас: каменотес Хапи, ремесленник Ирамон, земледелец Аменемхеб, водонос Кемуасе и чернокожий раб Эхенефер. В конце концов их схватили по обвинению в осквернении той царской гробницы, о которой шла речь в расследовании, и у нас есть полный отчет об их суде. Он начался, по обычаю, с того, что обвиняемых били «двойной палкой, ударяя их по ногам и по рукам», чтобы помочь их памяти. После этого они во всем признались. Первые фразы признания в тексте повреждены, но, очевидно, в них рассказывается, как воры пробились сквозь скалу

к погребальной камере и нашли царя и царицу в их саркофагах: «Мы проникли во все это, мы нашли ее покоящейся так же». Далее текст продолжает:

> «Мы открыли их гробы и их покровы, в которых они были. Мы нашли священную мумию этого царя… На шее ее было множество амулетов и украшений из золота; на голове ее была золотая маска; священная мумия этого царя была вся покрыта золотом. Покровы ее были расшиты золотом и серебром, внутри и снаружи, и выложены всякими драгоценными камнями. Мы сорвали золото, которое нашли на священной мумии этого бога, и амулеты, и украшения, что были на шее ее, и покров, в котором она покоилась. Мы нашли супругу царя так же; мы сорвали все, что нашли на ней, так же. Мы подожгли их покровы. Мы похитили их утварь, которую нашли при них, — сосуды из золота, серебра и бронзы. Мы разделили золото, которое нашли на этих двух богах, на их мумиях, и амулеты, украшения и покровы на восемь частей»[1].

[1] Брестед. Древние записи Египта, т. IV, § 538.

Таблица IV. Вид царского некрополя со стерегущей его вершиной

По этому признанию они были признаны виновными и отправлены в место заключения, пока сам царь не определит им наказания.

Несмотря на этот суд и ряд других подобного рода, дела в Долине быстро шли от плохого к худшему. Гробницы Аменхотепа III, Сети I и Рамсеса II упоминаются в судебных записях как взломанные, а в следующей династии, по-видимому, всякие попытки охранять гробницы были оставлены, и мы видим, как царские мумии переносят из гробницы в гробницу в отчаянной попытке их сберечь. Рамсеса III, например, в эту династию тревожили и перезахоранивали по меньшей мере трижды, а среди других царей, о перенесении которых известно, — Яхмос, Аменхотеп I, Тутмос II и даже сам Рамсес Великий. В этом последнем случае в записи сказано:

> «Год 17, третий месяц второго времени года, день 6, день, когда принесли Осириса, царя Усермаатра-Сетепенра (Рамсеса II), чтобы похоронить его снова в гробнице Осириса, царя Менмаатра-Сети (I), — верховным жрецом Амона Пайнеджемом».

Через одно-два царствования мы видим, как Сети I и Рамсеса II переносят из этой гробницы и перезахоранивают в гробнице царицы Инхапи; и в то же царствование встречаем упоминание о гробнице, которой мы пользовались в этом году как лабораторией:

> «День, когда вынесли царя Менпехтира (Рамсеса I) из гробницы царя Менмаатра-Сети (II), чтобы внести его в гробницу Инхапи, что в Великом месте, где покоится царь Аменхотеп».

Не менее тринадцати царских мумий в то или иное время попали в гробницу Аменхотепа II, и здесь их оставили. Остальных царей в конце концов собрали из разных тайников, вынесли из Долины вовсе и поместили в хорошо скрытую гробницу, высеченную в скале Дейр-эль-Бахри. Это было последнее перенесение, ибо по какой-то случайности точное место гробницы забылось, и мумии покоились в мире почти три тысячи лет.

За все эти смутные времена XX и XXI династий нет ни одного упоминания о Тутанхамоне и его гробнице. Он не избежал беды совсем — в его гробницу, как мы уже отметили, проникли через очень немного лет после его смерти, — но ему посчастливилось избежать беспощадного разграбления позднейшей поры. По какой-то причине его гробницу упустили из виду. Она находилась в очень низкой части Долины, и сильный ливень вполне мог смыть все следы ее входа. А может быть, она обязана своей сохранностью тому, что прямо над ней построили несколько

хижин для рабочих, занятых высеканием гробницы одного из позднейших царей.

С уходом мумий история Долины, какой мы знаем ее по древнеегипетским источникам, заканчивается. Пятьсот лет прошло с тех пор, как Тутмос I устроил там свою скромную маленькую гробницу, и, право, во всей истории мира нет такого клочка земли, которому выпало бы пятьсот лет более романтической истории. Отныне надо представлять себе опустевшую долину — для египтянина, несомненно, населенную духами, — ее пещероподобные коридоры разграблены и пусты, входы во многие из них открыты, и они стали жилищем лисиц, пустынных сов и стай летучих мышей. И все же, как ни были разграблены, заброшены и пустынны ее гробницы, романтика ее еще не исчезла совсем. Она по-прежнему оставалась священной Долиной царей, и толпы любителей старины и просто любопытных, должно быть, все еще ходили ее посмотреть. Некоторые ее гробницы даже вновь использовали во времена Осоркона I (около 900 года до н. э.) для погребения жриц.

Упоминания о ее высеченных в скале ходах у античных авторов многочисленны, а то, что многие из них в те времена еще были доступны посетителям, видно из прискорбной манеры, с какой те, подобно какому-нибудь «Джону Смиту, 1878», вырезали свои имена на стенах. Некий Филетер, сын Аммония, начертавший свое имя в нескольких местах на стенах гробницы, где мы обедали, немало занимал меня этой зимой, хотя, пожалуй, лучше было бы об этом не упоминать, чтобы не показалось, будто я одобряю дурную привычку всех Джонов Смитов.

Еще одна, последняя картина, прежде чем туман средних веков опустится на Долину и скроет ее от наших глаз. Есть в самом воздухе Египта что-то — большинство людей, думаю, это

испытывает, — что настраивает ум на уединение, и, вероятно, в этом одна из причин, почему после обращения страны в христианство так многие ее жители с воодушевлением избрали отшельническую жизнь. Сама страна, с ее ровным климатом, узкой полосой пахотной земли и пустынными горами по обе стороны, изрытыми природными и рукотворными пещерами, была хорошо приспособлена для этой цели. Кров и уединение найти было легко, и притом недалеко от внешнего мира и от обычных средств к жизни. В первые века христианской эры, должно быть, тысячи людей оставили мир и приняли созерцательную жизнь, и в высеченных в скалах гробницах на пустынных горах мы повсюду находим их следы. Такое идеальное место, как Долина царей, едва ли могло остаться незамеченным, и во II–IV веках н. э. мы видим, что ею полностью владеет община отшельников: открытые гробницы служат им кельями, а одна превращена в церковь.

Таков, стало быть, наш последний взгляд на Долину в древние времена, и странную, несообразную картину она являет. Великолепие и царская гордость сменились смиренной бедностью. «Драгоценная обитель» царя сузилась до кельи отшельника.

ГЛАВА III. ДОЛИНА В НОВОЕ ВРЕМЯ

✦

За первым настоящим описанием Долины в новое время нужно обратиться к страницам Ричарда Покока, английского путешественника, который в 1743 году издал в нескольких томах «Описание Востока». Его рассказ чрезвычайно интересен и, если учесть, как поспешно он побывал там, на удивление точен. Вот как он описывает путь к Долине:

> «Шейх снабдил меня лошадьми, и мы отправились в Бибан-эль-Мелюк и проехали около мили к северу чем-то вроде улицы, по обеим сторонам которой в каменистой земле высотой около десяти футов вырублены покои, иные из них со столбами; и, поскольку на равнине нет ни малейшего следа частных построек, я подумал, что в самые ранние времена они могли служить домами и были первым изобретением после шатров, придуманным как лучшее укрытие от ветра и ночного холода. Это род галечного камня, и двери вырублены ровно, выходя на улицу[1]. Затем мы повернули к северо-западу, въехали между высокими скалистыми горами и поехали по очень узкой долине. После повернули к югу, а затем к северо-западу, проехав всего между горами около мили или полутора миль… Мы прибыли туда, где долина шире и образует круглую площадку вроде амфитеатра, и поднялись по узкому крутому проходу высотой около десяти футов, который, кажется, был пробит сквозь скалу, — древний проход, вероятно, вел из Мемнониума под горами, а может быть, из гротов, в которые я входил по другую сторону. Этим проходом мы прибыли в Бибан-эль-Мелюк, или Баб-эль-Мелюк, то есть врата, или двор, царей, где находятся гробницы царей Фив»[2].

[1] Они и правда похожи на дома, но на самом деле это гробницы с фасадами времен Среднего царства.

[2] Покок. Описание Востока, т. I, с. 97.

Предание о тайном ходе сквозь горы на сторону Дейр-эль-Бахри до сих пор живо среди местных жителей, и по сей день есть археологи, которые его разделяют. Однако у этого предположения мало или вовсе нет оснований и, уж конечно, ни малейшего доказательства.

Далее Покок описывает те гробницы, которые были доступны во время его посещения. Всего он упоминает четырнадцать, и большинство из них можно узнать по его описанию. Для пяти из них — гробниц Рамсеса IV, Рамсеса VI, Рамсеса XII, Сети II и гробницы, начатой Таусерт и законченной Сетнахтом, — он дает полный план. В четырех — Мернептаха, Рамсеса III, Аменмеса и Рамсеса XI — он снял план лишь наружных коридоров и камер, поскольку внутренние камеры, очевидно, были недоступны; а об остальных пяти он говорит как о «заваленных»[3]. Из рассказа Покока видно, что он не мог уделить посещению столько времени, сколько хотел бы. Долина была небезопасным местом, чтобы там задерживаться, ибо благочестивого отшельника, которого мы оставили ее владельцем, сменила шайка разбойников, живших в горах Гурны и наводивших страх на всю округу. «Шейх тоже спешил уехать, — замечает он, — боясь, как я полагаю, что местные люди успеют собраться вместе, если мы задержимся».

[3] Судя по надписям посетителей, эти же гробницы были открыты в античные времена. Греческие авторы называют их σύριγγες (сиринги) за их сходство с тростниковой трубкой.

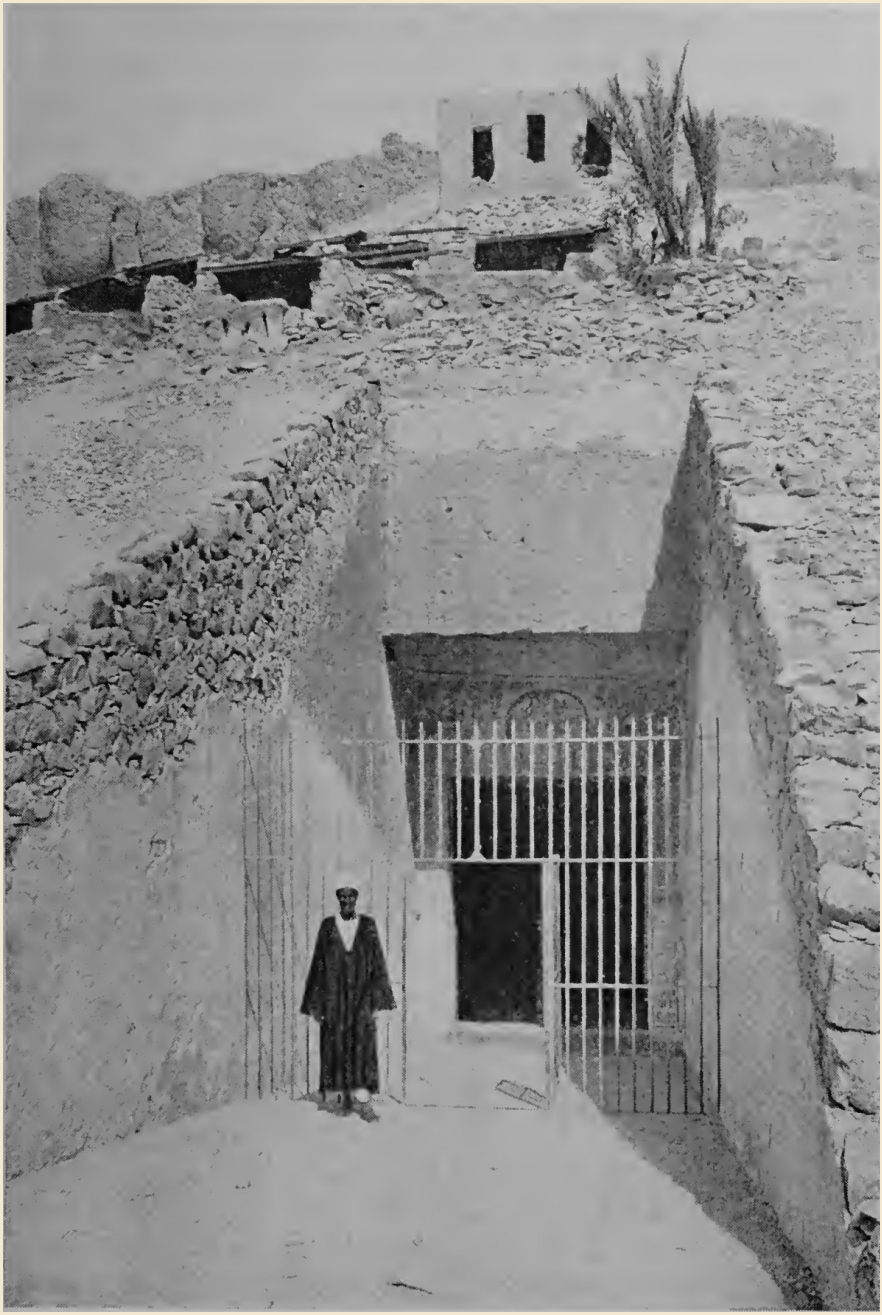

Таблица V. Вход в гробницу Рамсеса VI

Эти фиванские разбойники пользовались громкой известностью, и мы часто встречаем упоминания о них в рассказах путешественников XVIII века. Норден, побывавший в Фивах в 1737 году, но так и не подобравшийся к Долине ближе Рамессеума, — он, кажется, считал удачей, что добрался и туда, — описывает их так:

> «Эти люди занимают ныне гроты, которые в большом числе видны в соседних горах. Они не повинуются никому; живут они так высоко, что издали замечают, если кто-нибудь идет на них нападать. Тогда, если считают себя достаточно сильными, они спускаются на равнину оспаривать землю; если нет, укрываются в своих гротах или уходят глубже в горы, куда у вас не будет большой охоты за ними следовать»[4].

[4] Норден. Путешествие в Египет и Нубию, перевод доктора Питера Темплмана. Лондон, 1757.

Брюс, посетивший Долину в 1769 году, тоже пострадал от этих разбойников и сообщает о довольно крутой, но бесплодной попытке одного из местных правителей пресечь их дела:

> «Множество разбойников, очень похожих на наших цыган, живут в пещерах гор над Фивами. Все они вне закона, и их казнят, если найдут в другом месте. Осман-бей, некогда правитель Гирге, не в силах долее терпеть бесчинства этих людей, велел собрать множество сухого хвороста и со своими воинами занял склон горы, где было больше всего этих несчастных; затем велел набить все их пещеры этим сухим хворостом и поджечь его, так что большая часть их погибла; но с тех пор они пополнили свое число, не изменив своих нравов»[5].

[5] Брюс. Путешествия для открытия истоков Нила, т. I, с. 125.

Во время этого посещения Брюс срисовал изображения арфистов в гробнице Рамсеса III — гробнице, которая до сих пор носит его имя, — но его труды внезапно оборвались. Узнав, что он намерен провести ночь в гробнице и продолжить свои изыскания утром, его проводники пришли в ужас. «С великим шумом и знаками недовольства они ударили своими факелами о самую большую арфу и поспешили выбраться из пещеры, оставив меня и моих людей в темноте; и всю дорогу, уходя, они грозно предрекали трагические события, которые должны немедленно последовать за их уходом из пещеры». Что их страх был неподдельным и небезосновательным, Брюсу вскоре пришлось убедиться, ибо, когда он в сгущающихся сумерках ехал вниз по Долине, на него напал отряд разбойников, которые подстерегали его и бросали в него камни со склона скалы. С помощью своего ружья и мушкетона своего слуги он сумел их отбить, но, добравшись до своей лодки, счел разумным тотчас отчалить и больше не пытался повторить посещение.

Даже волшебство имени Наполеона не смогло обуздать дерзость этих фиванских разбойников, ибо членов его научной комиссии, посетивших Фивы в последние дни того века, задирали и даже обстреливали. Им удалось, однако, сделать полную съемку всех открытых тогда гробниц, а также провести небольшие раскопки.

Перейдем теперь к 1815 году и познакомимся с одним из самых замечательных людей во всей истории египтологии. В первые годы века молодой итальянский великан по имени Бельцони зарабатывал в Англии неверный кусок хлеба, показывая силовые номера на ярмарках и в цирках. Уроженец Падуи, из почтенной семьи римского происхождения, он предназначался к духовному

званию, но непоседливый нрав вкупе с внутренними смутами в Италии того времени заставил его искать счастья за границей. Недавно мы случайно наткнулись на упоминание о нем в дни до Египта — в одной из книг воспоминаний Смита по прозвищу «Дождливый день», где автор рассказывает, как «силач» Бельцони вместе с группой других людей пронес его по сцене. В перерывах между выступлениями в цирке Бельцони, по-видимому, изучал механику, и в 1815 году ему показалось, что он нашел способ разбогатеть, введя в Египте водоподъемное колесо, которое, как он утверждал, делало бы вчетверо больше работы, чем обычное местное приспособление. С этой целью он отправился в Египет, добился представления Мухаммеду Али, «паше», и в саду дворца даже установил свое колесо. По словам Бельцони, оно имело большой успех, но египтяне не пожелали иметь с ним дела, и он оказался в Египте без средств.

Тогда через путешественника Буркхардта он получил рекомендацию к Солту, британскому генеральному консулу в Египте, и подрядился доставить для него «колоссальный бюст Мемнона» (Рамсеса II, ныне в Британском музее) из Луксора в Александрию. Это было в 1815 году, и следующие пять лет он провел в Египте, раскапывая и собирая древности, сначала для Солта, а потом за свой счет, и враждуя с соперничавшими с ним раскопщиками, особенно с Дроветти, который представлял французского консула. То были великие дни раскопок. Все, что приглянулось, от скарабея до обелиска, попросту присваивали, а если с собратом по раскопкам возникало разногласие, его подстерегали с ружьем.

Рассказ Бельцони о его приключениях в Египте, изданный в 1820 году, — одна из самых увлекательных книг во всей египтологической литературе, и мне хотелось бы привести из нее

большие выдержки: как он, например, уронил обелиск в Нил и выудил его обратно, и полную историю его разнообразных ссор. Мы должны, однако, ограничиться его собственно работой в Долине. Здесь он открыл и расчистил несколько гробниц, в том числе гробницы Эйе, Монтухерхепешефа, Рамсеса I и Сети I. В последней он нашел великолепный алебастровый саркофаг, который ныне находится в музее Соуна в Лондоне. Это были первые раскопки в Долине в больших размерах, и мы должны отдать Бельцони должное за то, как они велись. Есть эпизоды, от которых нынешнему раскопщику становится не по себе, — например, когда он описывает свой способ обращаться с замурованными проходами — с помощью тарана, — но в целом работа была на удивление хорошей. Стоит, пожалуй, отметить, что Бельцони, как и всякий, кто когда-либо копал в Долине, был убежден, что совершенно исчерпал ее возможности. «Я твердо убежден, — заявляет он, — что в долине Бебан-эль-Малук нет больше (гробниц), чем известно ныне, после моих недавних открытий; ибо, прежде чем покинуть то место, я приложил все свои скромные силы, стараясь найти еще одну гробницу, но не смог в этом преуспеть; и, что еще более убедительно, независимо от моих собственных поисков, после того как я покинул то место, господин Солт, британский консул, прожил там четыре месяца и так же тщетно трудился, чтобы найти еще одну».

Таблица VI. Внутри гробницы Рамсеса IX

В 1820 году Бельцони вернулся в Англию и устроил выставку своих сокровищ, в том числе алебастрового саркофага и модели гробницы Сети, в здании, построенном на Пикадилли в 1812 году, — в здании, которое многие из нас еще помнят, — в Египетском зале. Он больше не вернулся в Египет и умер несколько лет спустя во время экспедиции в Тимбукту.

Двадцать лет после Бельцони Долину усердно исследовали, и изданные отчеты следуют один за другим. Здесь у нас хватит места лишь на то, чтобы назвать некоторые имена: Солт, Шампольон, Бертон, Хэй, Хед, Розеллини, Уилкинсон, который пронумеровал гробницы, Роулинсон, Ринд. В 1844 году большая германская экспедиция под руководством Лепсиуса сделала полную съемку Долины и расчистила гробницу Рамсеса II и часть гробницы Мернептаха. Далее наступает перерыв: считалось, что германская экспедиция исчерпала все возможности, и до самого

конца века в Долине не делалось ничего сколько-нибудь значительного.

В этот период, однако, сразу за пределами Долины произошло одно из важнейших событий во всей ее истории. В предыдущей главе мы рассказали, как различные царские мумии собрали из их тайников и сложили все вместе в расселине скалы у Дейр-эль-Бахри. Там они покоились почти три тысячи лет, и там летом 1875 года их нашли члены одной семьи из Гурны — Абд-эр-Расулы. Промысел поиска гробниц известен в здешних местах с XIII века до н. э., и с тех пор он здесь не переводился. Ныне ему положены пределы, но в укромных уголках все еще тайком ищут и порой находят богатую добычу. На этот раз находка оказалась слишком велика, чтобы с ней совладать. Очистить гробницу от ее содержимого было явно невозможно, поэтому вся семья поклялась хранить тайну, а ее старшие решили оставить находку на месте и брать из нее время от времени, когда понадобятся деньги. Как ни трудно в это поверить, тайна хранилась шесть лет, и семья, имея счет в банке из сорока с лишним умерших фараонов, разбогатела.

Вскоре по вещам, появлявшимся на рынке, стало ясно, что где-то была сделана богатая находка царских предметов, но лишь в 1881 году удалось проследить продажу этих вещей до семьи Абд-эр-Расул. Даже тогда доказать что-либо было трудно. Главу семьи арестовали и подвергли допросу у мудира Кены, известного Дауд-паши, чьи способы вершить правосудие были необычны, но действенны. Он, естественно, отрицал обвинение, и столь же естественно вся деревня Гурна поднялась как один человек и заявила, что в общине строгой честности семья Абд-эр-Расул — честнейшие из всех людей. За недостатком улик его временно

отпустили, но разговор с Даудом, видимо, его потряс. Разговоры с Даудом обычно так и действовали.

Один из наших старых рабочих рассказал нам однажды случай из своей молодости. Он был по ремеслу вором и, занимаясь своим делом, был схвачен и приведен к мудиру. День был жаркий, и в самом начале нервы его расстроились оттого, что мудир отдыхал в большом глиняном кувшине с водой. С этого необычного судейского места Дауд посмотрел на него — только посмотрел, — «и, пока его глаза проходили сквозь меня, я чувствовал, как кости мои превращаются в воду. Потом он очень тихо сказал мне: „Ты впервые предстал передо мной. Ты свободен, но — будь очень, очень осторожен, чтобы не предстать во второй раз“, — и я так испугался, что переменил ремесло и больше никогда не предстал».

Нечто подобное, должно быть, произошло и с семьей Абд-эр-Расул, ибо через месяц один из ее членов пришел к мудиру и во всем признался. Весть немедленно передали по телеграфу в Каир, Эмиля Бругша-бея из музея послали наверх расследовать и взять дело в свои руки, и 5 июля 1881 года долго хранимая тайна открылась ему. Это, должно быть, было поразительное переживание. Там, сваленные вместе в неглубокой, плохо высеченной могиле, лежали самые могущественные владыки древнего Востока, цари, чьи имена были знакомы всему миру, но увидеть которых никто и в самых смелых мечтах не мог надеяться. Там они и оставались, куда жрецы тайно и поспешно принесли их той темной ночью три тысячи лет назад; и на их гробах и мумиях были аккуратно записаны сведения об их странствиях из одного тайника в другой. Некоторых перепеленали заново, а двое или трое за время своих многочисленных странствий ухитрились поменяться гробами. За

сорок восемь часов — теперь мы не делаем ничего столь поспешно — гробницу очистили; царей погрузили на музейную барку; и через пятнадцать дней после прибытия Бругша-бея в Луксор их доставили в Каир и поместили в музей.

История известная, но ее стоит повторить: когда барка спускалась по реке, мужчины окрестных деревень палили из ружей, как на похоронах, а женщины шли вдоль берега, рвали на себе волосы и издавали тот пронзительный, дрожащий плач по умершим, который, несомненно, дошел до нас со времен самих фараонов.

Вернемся к Долине. В 1898 году по сведениям, полученным от местных чиновников, господин Лоре, тогдашний генеральный директор Службы древностей, вскрыл несколько новых царских гробниц, в том числе гробницы Тутмоса I, Тутмоса III и Аменхотепа II. Последняя была очень важным открытием. Мы уже говорили, что в XXI династии тринадцать царских мумий нашли убежище в гробнице этого Аменхотепа, и здесь в 1898 году эти тринадцать и были найдены. От них остались лишь мумии. Богатства, которые они, будучи в силе, расточали на свои похороны, давно исчезли, но по крайней мере их избавили от последнего поругания. В гробницу, правда, проникали; ее ограбили, и большая часть погребального убранства была расхищена и разбита, но она избежала того полного разорения, которое постигло другие царские гробницы, и мумии остались нетронутыми. Тело самого Аменхотепа все еще лежало в собственном саркофаге, где оно покоилось более трех тысяч лет. Совершенно правильно правительство по представлению сэра Уильяма Гарстина решило его не увозить. Гробницу заперли на засовы, к ней приставили сторожа, и там царя оставили в покое.

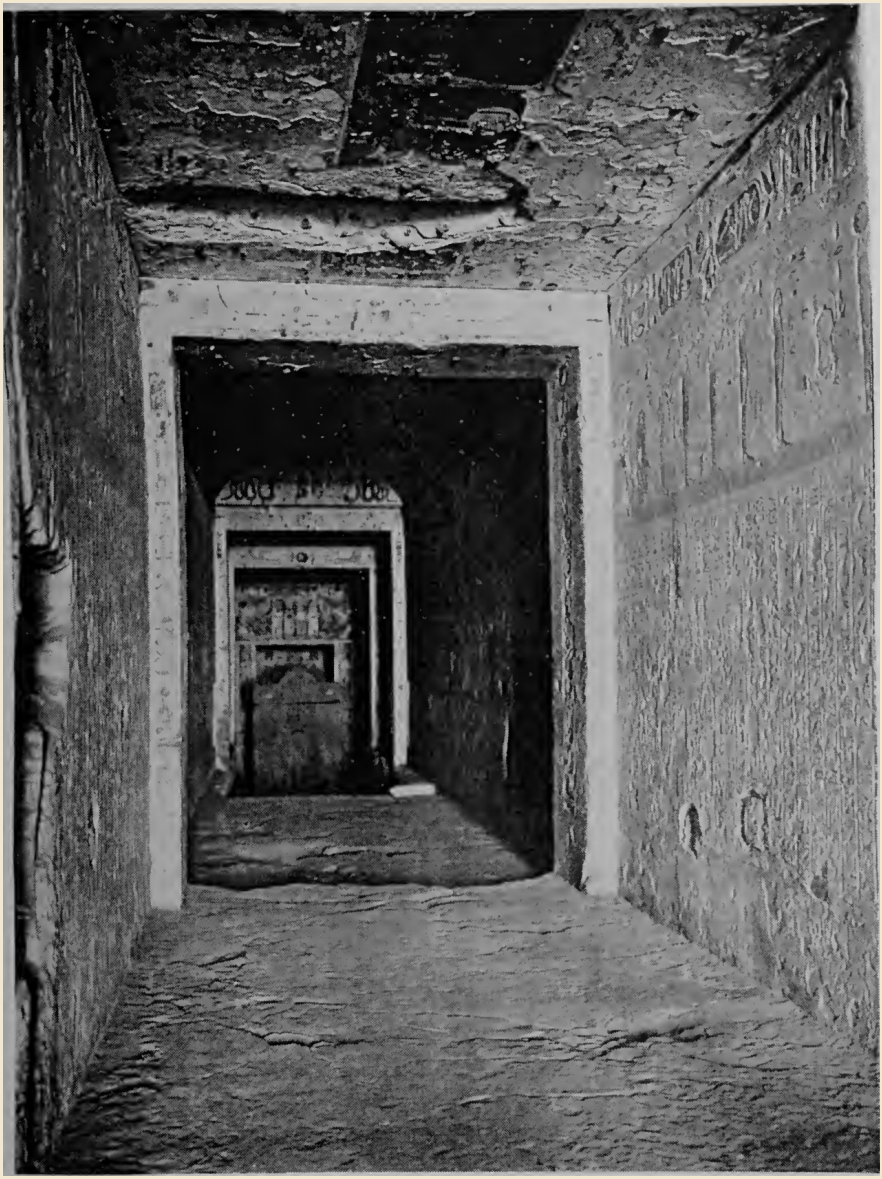

Таблица VII. Внутри гробницы Рамсеса IV; виден саркофаг

К сожалению, у этой истории есть продолжение. Через год-два после открытия в гробницу проник отряд нынешних грабителей, несомненно при попустительстве сторожа, и мумию вынули из саркофага и обыскали в поисках сокровищ. Впоследствии главный инспектор древностей выследил воров и арестовал их, хотя ему не удалось добиться их осуждения в местном суде. Все это дело, как оно изложено в официальном донесении, живо напоминает записи о древних ограблениях гробниц, описанные в предыдущей главе, и приходится заключить, что во многом такие дела вершатся и ныне почти так же, как во времена Рамсеса IX.

Один вывод мы можем сделать из этого случая и предлагаем его вниманию критиков, которые называют нас вандалами за то, что мы забираем предметы из гробниц. Перевозя древности в музеи, мы на самом деле обеспечиваем их сохранность: оставленные на месте, они неизбежно, рано или поздно, стали бы добычей воров, а это практически означало бы их конец.

В 1902 году разрешение копать в Долине под надзором правительства получил американец, господин Теодор Дэвис, и впоследствии он вел там раскопки двенадцать сезонов подряд. Его главные находки известны большинству из нас. Среди них гробницы Тутмоса IV, Хатшепсут, Сиптаха, Юя и Туя — прадеда и прабабки царицы Тутанхамона, — Хоремхеба и тайник, не настоящая гробница, устроенный для перенесения погребения Эхнатона из его первоначальной гробницы в Телль-эль-Амарне. Этот тайник заключал мумию и гроб царя-еретика, совсем малую часть его погребального убранства и части погребального ковчега его матери Тии. В 1914 году право на раскопки, принадлежавшее господину Дэвису, перешло к нам, и тут, собственно, начинается история гробницы Тутанхамона.

ГЛАВА IV. НАША ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ФИВАХ

✦

С первого моего приезда в Египет в 1890 году я мечтал копать в Долине царей, и когда по приглашению сэра Уильяма Гарстина и сэра Гастона Масперо я в 1907 году начал вести раскопки для лорда Карнарвона, мы оба надеялись, что в конце концов сумеем получить там право на раскопки. Собственно говоря, еще будучи инспектором Службы древностей, я нашел в Долине для господина Теодора Дэвиса две гробницы и руководил их расчисткой, и это тем сильнее побуждало меня работать там по настоящему разрешению. Пока это было невозможно, и семь лет мы копали с переменным успехом в других частях Фиванского некрополя. Итоги первых пяти из этих лет изданы в книге «Пять лет исследований в Фивах», общем труде лорда Карнарвона и моем, вышедшем в 1912 году.

В 1914 году наше открытие гробницы Аменхотепа I на вершине предгорий Дра-Абу-эль-Нагга снова обратило наше внимание к Долине, и мы с некоторым нетерпением ждали своего часа. Господин Теодор Дэвис, которому еще принадлежало право на раскопки, уже объявил в печати, что считает Долину исчерпанной и что гробниц там больше не найти; это подтверждалось и тем, что в последние два сезона он очень мало работал в самой Долине, а большую часть времени копал на подходах к ней, в соседней северной долине, где надеялся найти гробницы царей-жрецов и цариц XVIII династии, и в холмах вокруг храма Мединет-Абу. Тем не менее он неохотно отказывался от этого места, и лишь в июне

1914 года мы действительно получили столь желанное разрешение. Сэр Гастон Масперо, директор Службы древностей, подписавший наше разрешение, соглашался с господином Дэвисом, что место исчерпано, и откровенно сказал нам, что не считает, будто дальнейшие поиски окупятся. Мы помнили, однако, что почти за сто лет до того Бельцони утверждал то же самое, и не дали себя убедить. Мы тщательно обследовали место и были вполне уверены, что есть участки, покрытые отвалами прежних раскопщиков, которые никогда не были как следует исследованы.

Мы ясно видели, что впереди очень тяжелая работа и что, прежде чем можно будет надеяться что-нибудь найти, придется убрать многие тысячи тонн верхних наносов; но всегда оставалась возможность, что в конце концов нас вознаградит гробница, и, даже если бы больше не на что было опереться, это была возможность, которой мы вполне готовы были воспользоваться. На самом же деле у нас было нечто большее, и, рискуя быть обвиненным в задним числом приписанной себе прозорливости, я скажу, что у нас была определенная надежда найти гробницу одного определенного царя, и этим царем был Тутанхамон.

Чтобы объяснить причины этой нашей уверенности, нужно обратиться к изданным описаниям раскопок господина Дэвиса. К концу своей работы в Долине он нашел спрятанную под скалой фаянсовую чашу с именем Тутанхамона. В той же местности он наткнулся на небольшую шахтовую гробницу, в которой нашли алебастровую статуэтку без имени, быть может, изображающую Эйе, и сломанный деревянный ларец, в котором были обрывки золотой фольги с изображениями и именами Тутанхамона и его царицы. На основании этих обрывков золота он утверждал, что действительно нашел место погребения Тутанхамона. Эта мысль была совершенно несостоятельной, ибо шахтовая гробница была

мала и незначительна, такого рода, что вполне могла принадлежать кому-нибудь из царского дома в эпоху Рамессидов, но совершенно непригодна для погребения царя XVIII династии. Очевидно, найденные в ней царские вещи попали туда в какое-то позднейшее время и к самой гробнице никакого отношения не имели.

Несколько к востоку от этой гробницы он нашел также в один из первых лет своей работы (1907–1908), зарытый в неправильной яме, вырубленной в боку скалы, тайник больших глиняных кувшинов с запечатанными горлами и иератическими надписями на плечиках. Их содержимое бегло осмотрели, и, так как оно, казалось, состояло лишь из битой посуды, свертков полотна и прочей мелочи, господин Дэвис не пожелал им заниматься, и кувшины отставили и сложили в кладовой его дома в Долине. Там некоторое время спустя их заметил господин Уинлок и сразу понял их важность. С согласия господина Дэвиса все собрание кувшинов упаковали и отправили в музей Метрополитен в Нью-Йорке, и там господин Уинлок тщательно исследовал их содержимое. Оно оказалось на редкость интересным. Там были глиняные оттиски печатей — одни с именем Тутанхамона, другие с оттиском царской печати некрополя, — обломки великолепных расписных глиняных сосудов, полотняные головные платки — на одном надписана последняя известная дата царствования Тутанхамона, — цветочные ожерелья того рода, какие на изображениях похорон носят плакальщики, и множество других разнообразных предметов; все это, по-видимому, было тем, чем пользовались во время погребальных обрядов Тутанхамона, а потом собрали вместе и сложили в кувшины.

Таким образом, у нас было три отдельных свидетельства — фаянсовая чаша, найденная под скалой, золотая фольга из маленькой шахтовой гробницы и этот важный тайник погребальных принадлежностей, — которые, казалось, определенно связывали Тутанхамона именно с этой частью Долины. К ним следует добавить четвертое. Именно в непосредственной близости от этих находок господин Дэвис открыл знаменитый тайник Эхнатона. Он содержал погребальные останки членов царского дома времен ереси, поспешно перевезенные из Телль-эль-Амарны и спрятанные здесь ради сохранности, а что за их перенесение и новое погребение отвечал сам Тутанхамон, мы можем быть почти уверены по тому, что там нашли несколько оттисков его печатей.

Имея перед собой все эти свидетельства, мы были в душе вполне убеждены, что гробницу Тутанхамона еще предстоит найти и что она должна находиться недалеко от середины Долины. Во всяком случае, найдем ли мы Тутанхамона или нет, мы чувствовали, что последовательный и исчерпывающий поиск во внутренней долине обещает разумные надежды на успех, и как раз заканчивали подготовку обширной кампании на сезон 1914–1915 годов, когда разразилась война, и на время все наши замыслы пришлось отложить.

Военные обязанности отнимали большую часть моего времени в следующие несколько лет, но бывали перерывы, когда я мог провести небольшие раскопки. В феврале 1915 года, например, я полностью расчистил внутренность гробницы Аменхотепа III, частично раскопанной в 1799 году господином Девилье, одним из членов наполеоновской «Египетской комиссии», и позднее вновь раскопанной господином Теодором Дэвисом. В ходе этой работы мы сделали любопытное открытие: по нетронутым закладным

приношениям снаружи у входа и по другим вещам, найденным в гробнице, выяснилось, что первоначально ее задумал Тутмос IV и что царица Тии действительно была в ней погребена.

На следующий год, во время короткого отдыха в Луксоре, я совершенно неожиданно оказался втянут в другую работу. Отсутствие чиновников из-за войны, не говоря уже об общей неразберихе, вызванной самой войной, естественно, привело к большому оживлению деятельности местных грабителей гробниц, и их поисковые отряды расходились во все стороны. Однажды после полудня в деревню пришла весть, что в уединенной и малопосещаемой местности на западной стороне горы над Долиной царей сделана находка. Тотчас соперничающий отряд искателей вооружился и отправился на место, и в завязавшейся оживленной стычке первый отряд был побит и прогнан, поклявшись отомстить. Чтобы предотвратить дальнейшие неприятности, старейшины деревни пришли ко мне и попросили принять меры. Был уже поздний вечер, поэтому я наспех собрал тех немногих из моих рабочих, кого не забрали в армейские трудовые отряды, и с нужными снастями отправился на место — путь, требовавший подъема более чем на 1800 футов через горы Гурны при свете луны. Была полночь, когда мы добрались до места, и проводник указал мне конец веревки, отвесно свисавшей по склону утеса. Прислушавшись, мы услышали, как грабители работают, поэтому я сначала перерезал их веревку, отрезав им путь к бегству, а затем, надежно закрепив добрую крепкую веревку собственную, спустился по утесу. Спускаться по веревке в полночь прямо к усердно занятым делом грабителям гробниц — занятие, в котором, по крайней мере, не бывает недостатка в волнении. Работали восемь человек, и, когда я оказался внизу, наступила минута-другая неловкости. Я

предложил им на выбор либо убраться по моей веревке, либо оставаться там, где они были, вовсе без веревки, и в конце концов они вняли доводам и ушли. Остаток ночи я провел на месте и, как только достаточно рассвело, снова спустился в гробницу, чтобы тщательно ее обследовать.

Гробница располагалась в высшей степени примечательно (таблица VIII). Ее вход был устроен на дне естественной расселины, промытой водой, в 130 футах от вершины утеса и в 220 футах над дном долины, и так искусно скрыт, что ни сверху, ни снизу нельзя было увидеть ни малейшего его следа. От входа боковой коридор шел прямо в толщу утеса на расстояние около 55 футов, после чего поворачивал под прямым углом, и короткий коридор, высеченный крутым уклоном, вел вниз в камеру около 18 футов в квадрате. Все помещение сверху донизу было заполнено щебнем, и сквозь этот щебень грабители прокопали лаз длиной более 90 футов, такой, чтобы только мог проползти человек.

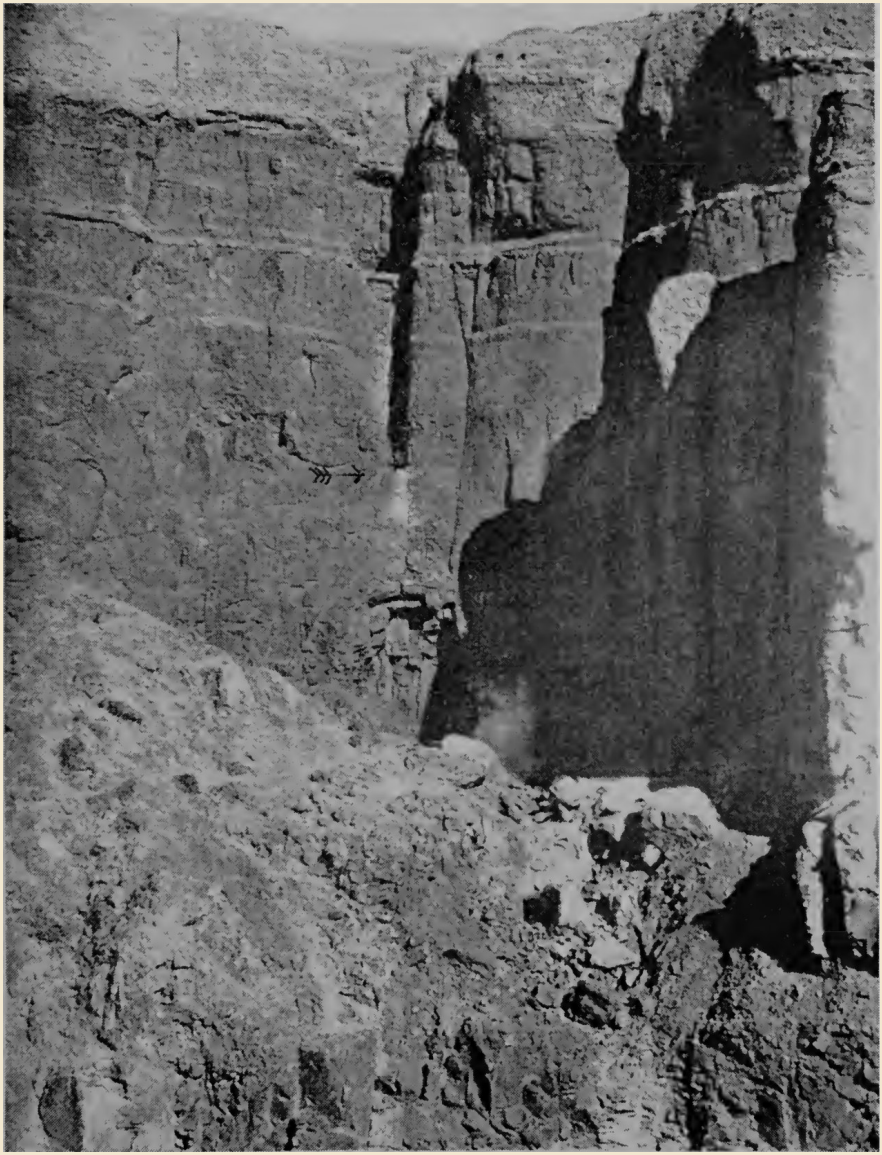

Таблица VIII. Вид, показывающий положение гробницы Хатшепсут в расселине (см. стрелку)

Это было интересное открытие, и оно могло оказаться очень важным, поэтому я решил полностью расчистить гробницу. Это заняло двадцать дней работы днем и ночью сменами рабочих и оказалось на редкость трудным делом. Способ проникать в гробницу по веревке сверху был неудобен, ибо он в лучшем случае был не очень безопасен и к тому же требовал тяжелого подъема из долины. Очевидно, путь из глубины долины был бы предпочтительнее, и мы устроили его, поставив у входа в гробницу козлы, так что с помощью подвижных талей могли подтягиваться наверх или спускаться вниз. Даже тогда это было не очень удобно, и сам я всегда спускался в сетке.

Волнение среди рабочих по мере хода работы было велико, ибо место, столь хорошо скрытое, непременно должно было таить чудесное сокровище, и велико было их разочарование, когда оказалось, что гробница не была ни закончена, ни занята. Единственной ценной вещью в ней был большой саркофаг из кристаллического песчаника, как и гробница, незаконченный, с надписями, показывавшими, что он предназначался для царицы Хатшепсут. Надо полагать, эта властная царица велела устроить себе эту гробницу, когда была женой царя Тутмоса II. Позднее, когда она захватила престол и правила, по сути, как царь, ей, очевидно, нужно было иметь гробницу в Долине царей, как у всех других царей, — собственно говоря, я сам нашел ее там в 1903 году, — и нынешнюю гробницу оставили. Лучше бы ей было держаться первоначального замысла. В этом тайном месте у ее мумии были бы разумные надежды избежать тревоги; в Долине их не было никаких. Царем она хотела быть — и участь царя разделила.

Осенью 1917 года открылась наша настоящая кампания в Долине. Трудно было решить, с чего начать, ибо горы щебня,

выброшенного прежними раскопщиками, загромождали землю во всех направлениях, и никто никогда не вел никакого учета, какие участки были как следует раскопаны, а какие нет. Ясно, что единственно разумным было копать последовательно до самой коренной скалы, и я предложил лорду Карнарвону взять за отправную точку треугольник земли, очерченный гробницами Рамсеса II, Мернептаха и Рамсеса VI, — участок, где, как мы надеялись, могла находиться гробница Тутанхамона. Это было довольно отчаянное предприятие, так как место было завалено высокими грудами выброшенного щебня, но у меня были основания думать, что земля под ними никогда не тронута, и твердая уверенность, что мы найдем там гробницу. За сезон мы расчистили значительную часть верхних слоев этого участка и продвинули раскопки до самого подножия гробницы Рамсеса VI. Здесь мы наткнулись на ряд хижин рабочих (см. таблицу X), построенных над скоплениями кремневых валунов, а такие валуны в Долине обычно указывают на близость гробницы. Естественным нашим побуждением было расширить расчистку в эту сторону, но тогда мы отрезали бы всякий доступ к гробнице Рамсеса, находящейся выше, — одной из самых посещаемых гробниц во всей Долине. Мы решили дождаться более удобного случая. Пока единственными плодами нашей работы были несколько остраконов[1], интересных, но не захватывающих.

[1] Черепки и известняковые пластинки, служившие для рисунков и письма.

Таблица IX. Расчистка верхних наносов в поисках гробницы Тутанхамона

Мы возобновили работу в этом месте в сезон 1919–1920 годов. Прежде всего нужно было найти новое место для отвала, и во время этой подготовительной работы мы наткнулись на несколько небольших закладных приношений Рамсеса IV близ входа в его гробницу. В этом году мы задумали расчистить всю оставшуюся часть уже упомянутого треугольника и потому начали с довольно большой артелью рабочих. К тому времени, когда в марте приехали лорд и леди Карнарвон, весь верхний слой наносов был убран, и мы были готовы расчищать вглубь то, что считали нетронутой землей. Вскоре мы получили доказательство своей правоты, ибо вскоре наткнулись на небольшой тайник с тринадцатью алебастровыми кувшинами, на которых стояли имена Рамсеса II и Мернептаха, — вероятно, из гробницы последнего. Так как это было самое близкое к настоящей находке, что мы до тех пор сделали в Долине, мы, естественно, были

несколько взволнованы, и леди Карнарвон, помню, настояла на том, чтобы выкопать эти кувшины — прекрасные это были образцы — собственными руками.

За исключением земли под хижинами рабочих, мы исчерпали теперь весь наш треугольный участок и не нашли гробницы. Я все еще надеялся, но мы решили оставить этот участок, пока, начав очень рано осенью, не сможем закончить его, не причиняя неудобств посетителям.

Для следующей попытки мы выбрали маленькую боковую долину, в которой находилась гробница Тутмоса III. Она заняла нас в течение двух следующих сезонов целиком, и, хотя ничего ценного самого по себе найдено не было, мы установили любопытный археологический факт. Ту гробницу, в которой действительно был погребен Тутмос III, нашел Лоре в 1898 году: она была скрыта в расселине в недоступном месте высоко на склоне утеса. Раскапывая долину внизу, мы наткнулись на начало гробницы, которая, судя по закладным приношениям, первоначально предназначалась для того же царя. Надо полагать, пока шла работа над этой низко расположенной гробницей, Тутмосу или его зодчему пришло в голову, что расселина в скале наверху — лучшее место. Она, конечно, давала больше возможностей скрыть гробницу, если в этом была причина перемены; хотя, вероятно, правдоподобнее объяснение, что один из проливных ливней, которые изредка обрушиваются на Луксор, затопил нижнюю гробницу и навел Тутмоса на мысль, что его мумии будет удобнее покоиться повыше.

Неподалеку, у входа в другую оставленную гробницу, мы нашли закладные приношения его жены Мерит-Ра-Хатшепсут, сестры великой царицы того же имени. Следует ли заключить, что она была там погребена, — вопрос спорный, ибо найти царицу в

Долине царей было бы противно всякому обычаю. Во всяком случае, позднее эту гробницу присвоил себе фиванский сановник Сеннефер.

Мы копали теперь в Долине уже несколько сезонов с крайне скудными результатами, и стало предметом долгих споров, продолжать ли работу или попытать счастья в более выгодном месте где-нибудь еще. Были ли мы вправе после этих бесплодных лет продолжать? Я был убежден, что, пока остается хоть один участок нетронутой земли, стоит идти на риск. Правда, в Долине за большее время можно найти меньше, чем в любом другом месте Египта, но, с другой стороны, если повезет сделать удачную находку, она вознаградит за годы и годы скучной и бесплодной работы.

Таблица X. Образец хижин рабочих, найденных над гробницей

Оставалось, кроме того, исследовать сочетание кремневых валунов и хижин рабочих у подножия гробницы Рамсеса VI, и меня всегда не оставляло какое-то необъяснимое предчувствие, что в этом именно углу Долины может найтись один из недостающих царей, возможно Тутанхамон. Во всяком случае, напластование наносов там должно было указывать на гробницу. В конце концов мы решили посвятить Долине последний сезон и, начав рано, отрезать доступ к гробнице Рамсеса VI, если это окажется необходимым, в такое время, когда это причинит посетителям меньше всего неудобств. Это подводит нас к нынешнему сезону и к результатам, которые всем известны.

ГЛАВА V. НАХОДКА ГРОБНИЦЫ

✦

История Долины, как я старался показать в прежних главах, никогда не обходилась без драмы, и в этом, последнем своем эпизоде она осталась верна себе. Судите сами. Это должен был быть наш последний сезон в Долине. Шесть полных сезонов мы вели здесь раскопки, и сезон за сезоном уходил впустую; мы работали месяцами без передышки и ничего не находили, а как тяжко это угнетает, знает только тот, кто сам копал. Мы почти признали себя побежденными и собирались покинуть Долину и попытать счастья в другом месте. И вот — едва мы в последней, отчаянной попытке взялись за мотыги, как сделали открытие, далеко превзошедшее самые смелые наши мечты. Поистине, никогда еще за всю историю раскопок полный сезон работ не умещался в пять дней.

Попробую рассказать обо всем по порядку. Это будет нелегко: внезапность первой находки оглушила меня, а последующие месяцы были так переполнены событиями, что мне почти некогда было задуматься. Быть может, когда я изложу все на бумаге, я лучше пойму, что произошло и что все это значит.

Я приехал в Луксор 28 октября, а к 1 ноября набрал рабочих и был готов начать. Прежние наши раскопки остановились у северо-восточного угла гробницы Рамсеса VI, и отсюда я повел траншеи на юг. Читатель помнит, что на этом участке стояло немало грубо сложенных хижин — вероятно, в них жили рабочие, сооружавшие гробницу Рамсеса. Эти хижины, поставленные примерно в трех футах над скальным основанием, покрывали всю площадку перед

гробницей Рамсеса и тянулись к югу, смыкаясь с такой же группой хижин на противоположной стороне Долины, которую Дэвис обнаружил, когда работал над тайником Эхнатона. К вечеру 3 ноября мы открыли достаточно хижин, чтобы их изучить; мы сняли их план, описали их, затем убрали и теперь могли снять три фута земли, лежавшие под ними.

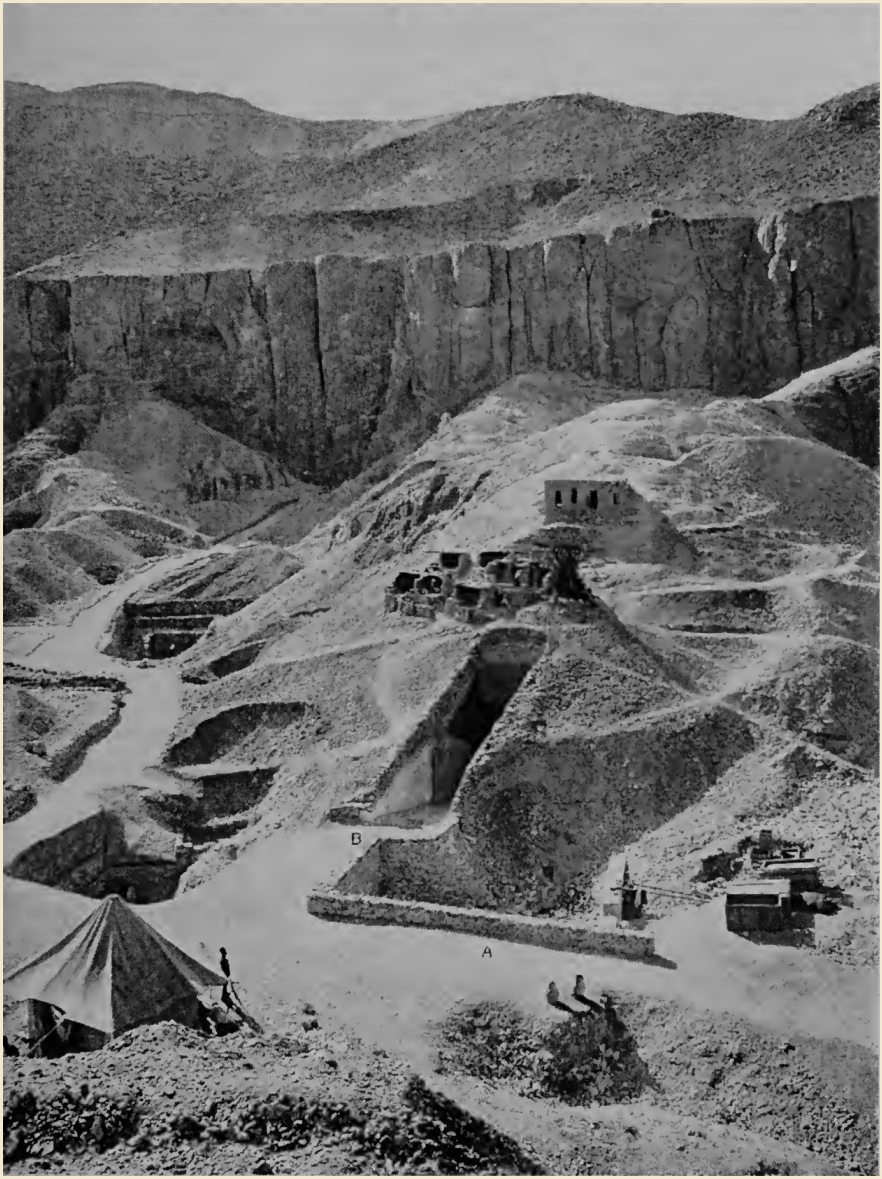

Таблица XI. Вид царского кладбища: взаимное расположение гробниц Тутанхамона (A) и Рамсеса VI (B)

Едва я пришел на раскоп на следующее утро (4 ноября), как непривычная тишина — работа стояла — подсказала мне, что случилось нечто необычное, и меня встретили известием, что под самой первой хижиной, за которую взялись, найдена ступенька, вырубленная в скале. Это казалось слишком хорошо, чтобы быть правдой, но небольшая дополнительная расчистка показала, что мы и вправду стоим у начала крутой выемки, высеченной в скале, примерно в тринадцати футах ниже входа в гробницу Рамсеса VI и на такой же глубине от нынешнего дна Долины (таблица XI). Вырублена она была так же, как столь обычные в Долине входы в виде лестницы, уходящей в глубь скалы, и я почти осмелился надеяться, что мы наконец нашли нашу гробницу.

Работа лихорадочно шла весь этот день и утро следующего, но лишь во второй половине дня 5 ноября нам удалось убрать массы щебня, покрывавшие выемку, и обозначить верхние края лестницы со всех четырех сторон (таблица XII).

Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что перед нами вход в гробницу, но сомнения иного рода, рожденные прежними разочарованиями, упорно закрадывались в душу. Всегда оставалась ужасная возможность — ее подсказывал нам опыт, полученный в долине Тутмоса III, — что гробница не закончена, так и не была достроена и никогда не использовалась; а если она и была закончена, то удручающе вероятным было, что ее дочиста разграбили еще в древности. С другой стороны, оставался и шанс найти гробницу нетронутую или разграбленную лишь отчасти, и я с трудом сдерживая волнение следил, как одна за другой показываются ступени уходящей вниз лестницы. Выемка была вырублена в склоне небольшого холма, и по мере работы ее западный край уходил под скальный склон, пока выемка сперва отчасти, а затем целиком не оказалась под каменной кровлей и не

превратилась в коридор высотой в 10 футов и шириной в 6 футов. Теперь работа пошла быстрее: ступень следовала за ступенью, и на уровне двенадцатой, к закату, открылась верхняя часть дверного проема — заложенного, оштукатуренного и запечатанного.

Запечатанный проход — значит, это правда! Наши долгие годы терпеливого труда все-таки будут вознаграждены, и, кажется, первым моим чувством была радость, что вера моя в Долину оказалась не напрасной. С волнением, доходившим до лихорадки, я искал на оттисках печатей на двери указание на то, кто владелец гробницы, но не нашел ни одного имени: удалось разобрать лишь оттиски хорошо известной царской печати некрополя — шакал и девять пленников. Однако две вещи были ясны: во-первых, эта царская печать верно свидетельствовала, что гробница построена для лица очень высокого положения; во-вторых, то, что запечатанную дверь сверху целиком закрывали хижины рабочих XX династии, достаточно ясно доказывало, что по крайней мере с того времени в нее никто не входил. Этим мне на время и пришлось удовольствоваться.

Таблица XII. Вход в гробницу, каким мы увидели его впервые

Осматривая печати, я заметил вверху проема, там, где отвалилась часть штукатурки, тяжелую деревянную перемычку. Чтобы убедиться, как был заложен проход, я проделал под ней маленькое смотровое отверстие — как раз такое, чтобы просунуть электрический фонарик, — и обнаружил, что коридор за дверью целиком, от пола до потолка, забит камнями и щебнем: еще одно доказательство того, как тщательно оберегали гробницу.

Для археолога это была захватывающая минута. Один, если не считать моих рабочих, после многих лет сравнительно бесплодного труда я стоял на пороге того, что могло оказаться великолепным открытием. Что угодно, буквально что угодно могло лежать за этим коридором, и мне понадобилась вся моя выдержка, чтобы не разломать заложенный проход и не начать исследование тут же, на месте.

Одно меня озадачивало: малые размеры входа в сравнении с обычными гробницами Долины. По устройству он, несомненно, принадлежал XVIII династии. Не гробница ли это вельможи, погребенного здесь с царского дозволения? Или царский тайник, укрытие, куда ради сохранности перенесли мумию с ее погребальным убранством? Или это действительно гробница того самого царя, которого я искал столько лет?

Я еще раз осмотрел оттиски печатей, ища подсказки, но на той части двери, что была пока открыта, достаточно ясно читались лишь оттиски уже упомянутой царской печати некрополя. Знай я тогда, что несколькими дюймами ниже есть совершенно ясный и отчетливый оттиск печати Тутанхамона — того самого царя, которого я больше всего желал найти, — я продолжил бы расчистку, гораздо спокойнее спал бы в ту ночь и избавил бы себя почти от трех недель неизвестности. Но было поздно, и уже стемнело. Не без сожаления я снова заделал проделанное мною

отверстие, засыпал наш раскоп, чтобы уберечь его на ночь, выбрал самых надежных из рабочих — они и сами волновались почти так же, как я, — чтобы они всю ночь стерегли гробницу сверху, и при лунном свете поехал домой вниз по Долине.

Разумеется, мне хотелось сразу продолжить расчистку и узнать, насколько велико открытие, но лорд Карнарвон был в Англии, и справедливости ради я должен был отложить дело до его приезда. Поэтому утром 6 ноября я отправил ему телеграмму: «Наконец сделал в Долине чудесное открытие; великолепная гробница с нетронутыми печатями; до вашего приезда снова засыпал; поздравляю».

Следующей моей заботой было уберечь вход от вмешательства до того времени, когда его можно будет вскрыть окончательно. Для этого мы снова засыпали раскоп до уровня поверхности и навалили сверху большие кремневые глыбы, из которых были сложены хижины рабочих. К вечеру того же дня, ровно через сорок восемь часов после того, как мы нашли первую ступень лестницы, дело было сделано. Гробница исчезла. Судя по виду местности, никакой гробницы здесь никогда и не было, и мне временами с трудом удавалось убедить себя, что все случившееся мне не приснилось.

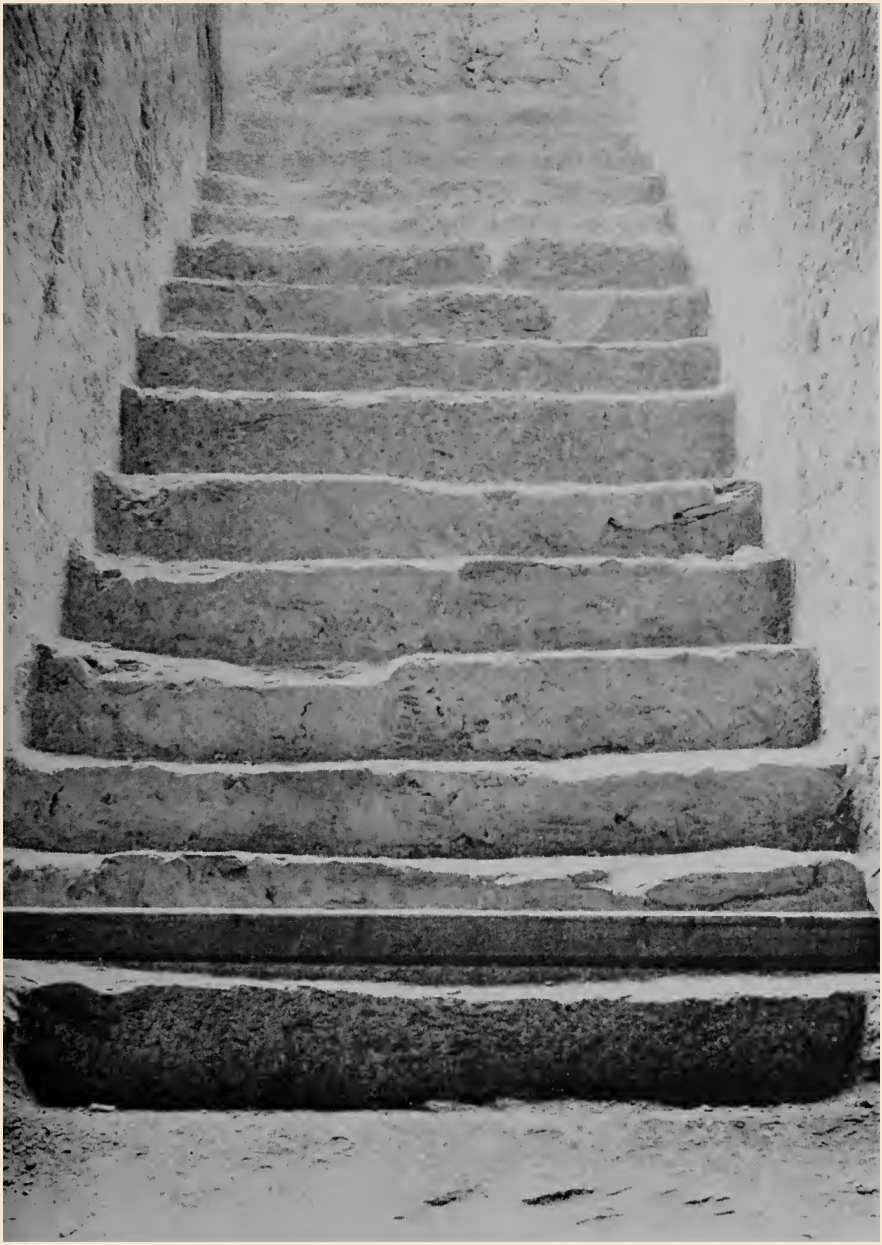

Таблица XIII. Шестнадцать ступеней

Вскоре сомнения мои рассеялись. Вести в Египте разносятся быстро, и уже через два дня после открытия на меня со всех сторон непрерывным потоком посыпались поздравления, расспросы и предложения помощи. Уже тогда стало ясно, что в одиночку с этим делом не справиться, и я телеграфировал Каллендеру, который не раз помогал мне прежде, прося его по возможности приехать без промедления; к моему облегчению, он прибыл на следующий же день. 8-го я получил в ответ на свою телеграмму две депеши от лорда Карнарвона; первая гласила: «Возможно, скоро приеду», а вторая, пришедшая чуть позже: «Предполагаю прибыть Александрию 20-го».

Таким образом, у нас было почти две недели отсрочки, и мы посвятили их всевозможным приготовлениям, чтобы, когда придет время снова открыть гробницу, с наименьшей задержкой справиться с любым поворотом дела. Вечером 18-го я на три дня уехал в Каир, чтобы встретить лорда Карнарвона и сделать ряд необходимых покупок, и 21-го вернулся в Луксор. 23-го лорд Карнарвон прибыл в Луксор со своей дочерью, леди Эвелин Герберт, преданной спутницей во всех его египетских трудах, и все было готово к началу второй главы в открытии гробницы. Каллендер весь день расчищал верхний слой щебня, чтобы к утру мы могли без задержки спуститься на лестницу.

Ко второй половине дня 24-го вся лестница была расчищена — всего шестнадцать ступеней (таблица XIII), — и мы смогли как следует осмотреть запечатанный проход. В нижней его части оттиски печатей были гораздо отчетливее, и на нескольких из них мы без труда прочли имя Тутанхамона (таблица XIV). Это неизмеримо увеличило значение открытия. Если мы нашли — а это казалось почти несомненным — гробницу того смутно известного царя, чье правление пришлось на один из самых

занимательных периодов всей египетской истории, у нас и впрямь были причины поздравить себя.

С удвоенным, если только это было возможно, интересом мы вновь принялись осматривать проход. И здесь впервые появилось нечто тревожное. Теперь, когда вся дверь была открыта свету, можно было различить то, что прежде ускользало от внимания: часть ее поверхности дважды вскрывали и снова заделывали; более того, печать, обнаруженная вначале, — шакал и девять пленников, — была поставлена на заделанных местах, тогда как печати Тутанхамона покрывали нетронутую часть прохода, и, значит, именно ими гробница была запечатана изначально. Выходит, гробница не была совершенно нетронутой, как мы надеялись. В нее проникали грабители, и не один раз — судя по хижинам над ней, грабители времени не позднее царствования Рамсеса VI, — но то, что ее снова запечатали, ясно показывало, что дочиста они ее не обобрали.[1]

[1] Позднее мы получили доказательства того, что это повторное запечатывание не могло произойти позже царствования Хоремхеба, то есть через десять — пятнадцать лет после погребения.

Затем возникла новая загадка. В нижних слоях щебня, заполнявшего лестницу, мы нашли множество черепков и обломков ящиков, причем на ящиках стояли имена Эхнатона, Сменхкары и Тутанхамона, а также — что смущало куда больше — скарабея Тутмоса III и обломок с именем Аменхотепа III. Откуда такая смесь имен? Все, что мы видели до сих пор, говорило скорее о тайнике, чем о гробнице, и на этом этапе мы все больше склонялись к мысли, что найдем разнородное собрание вещей царей XVIII династии, привезенных Тутанхамоном из Телль-эль-Амарны и укрытых здесь ради сохранности.

Так обстояло дело вечером 24-го. На следующий день предстояло разобрать заложенный проход, и Каллендер засадил плотников за изготовление тяжелой деревянной решетки, которую надо было поставить на его место. Днем нас посетил мистер Энгельбах, главный инспектор Службы древностей, и присутствовал при последней расчистке щебня перед проходом.

Утром 25-го оттиски печатей на двери были тщательно описаны и сфотографированы, а затем мы разобрали самую закладку прохода — грубые камни, аккуратно уложенные от пола до перемычки и густо оштукатуренные снаружи, чтобы принять оттиски печатей.

За ней открылось начало нисходящего коридора (не лестницы) той же ширины, что и входная лестница, высотой почти в семь футов. Как я уже знал по отверстию, проделанному в двери, он был доверху забит камнем и щебнем — вероятно, той самой крошкой, что осталась от его же вырубки. Эта засыпка, как и закладка прохода, ясно хранила следы того, что гробницу вскрывали и вновь закрывали не один раз: нетронутая часть состояла из чистой белой крошки, смешанной с пылью, а потревоженная — главным образом из темного кремня. Было видно, что сквозь первоначальную засыпку, в верхнем углу с левой стороны, прорыт неровный лаз, и по положению он совпадал с отверстием в двери.

Расчищая коридор, мы находили в щебне нижних слоев черепки, оттиски печатей с сосудов, алебастровые сосуды, целые и разбитые, расписные глиняные вазы, множество обломков более мелких вещей и бурдюки для воды — ими, очевидно, носили воду для штукатурки дверных проходов. Все это ясно говорило о грабеже, и мы смотрели на эти находки с тревогой. К ночи мы

расчистили немалую часть коридора, но второго прохода или камеры пока не было видно.

Следующий день (26 ноября) стал днем из дней — самым чудесным из всех, что мне довелось прожить, и, конечно, подобного ему я уже не надеюсь увидеть. Все утро продолжалась расчистка — поневоле медленная из-за хрупких вещей, смешанных с засыпкой. Затем, в середине дня, в тридцати футах от наружной двери, мы наткнулись на второй запечатанный проход, почти точное подобие первого. Оттиски печатей здесь были менее отчетливы, но все же в них можно было узнать печати Тутанхамона и царского некрополя. И здесь на штукатурке ясно виднелись следы вскрытия и повторной заделки. К этому времени мы были твердо убеждены, что нам предстоит вскрыть тайник, а не гробницу. Устройство лестницы, входного коридора и дверей очень живо напоминало нам тайник с вещами Эхнатона и Тии, найденный Дэвисом совсем рядом с нашим нынешним раскопом, а то, что и там встречались печати Тутанхамона, казалось почти верным доказательством правоты нашей догадки. Скоро нам предстояло это узнать. Перед нами был запечатанный проход, а за ним — ответ на вопрос.

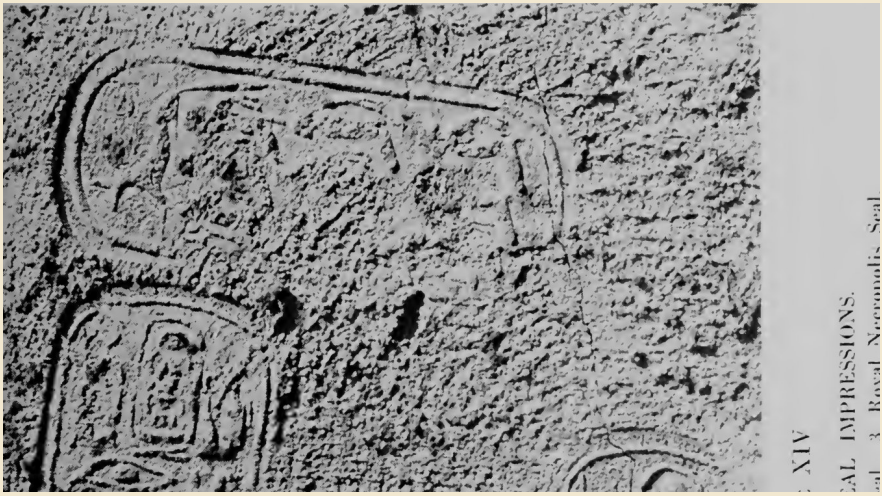

Таблица XIV. Образцы оттисков печатей. 1 и 2. Печать Тутанхамона. 3. Царская печать некрополя

Медленно — отчаянно медленно, как казалось нам, следившим за работой, — убирали остатки щебня, загромождавшие нижнюю часть прохода, пока наконец вся дверь не открылась перед нами целиком. Решающая минута настала. Дрожащими руками я проделал крошечное отверстие в верхнем левом углу. Темнота и пустота, насколько доставал железный щуп, показывали, что за дверью пусто, а не засыпано, как в только что расчищенном коридоре. На случай скопившихся вредных газов мы проверили воздух свечой, а затем, немного расширив отверстие, я просунул в него свечу и заглянул внутрь; лорд Карнарвон, леди Эвелин и Каллендер стояли рядом, с тревогой ожидая приговора. Сначала я ничего не видел — горячий воздух, выходивший из камеры, колебал пламя свечи, — но вскоре, когда глаза привыкли к свету, из тумана медленно стали проступать подробности: странные животные, статуи и золото — повсюду блеск золота. На мгновение — остальным, стоявшим рядом, оно, должно быть, показалось

вечностью — я онемел от изумления, и когда лорд Карнарвон, не в силах больше выносить неизвестность, тревожно спросил: «Вы что-нибудь видите?» — я едва смог выговорить: «Да, чудесные вещи». Затем, расширив отверстие еще немного, чтобы смотреть могли мы оба, мы просунули внутрь электрический фонарик.

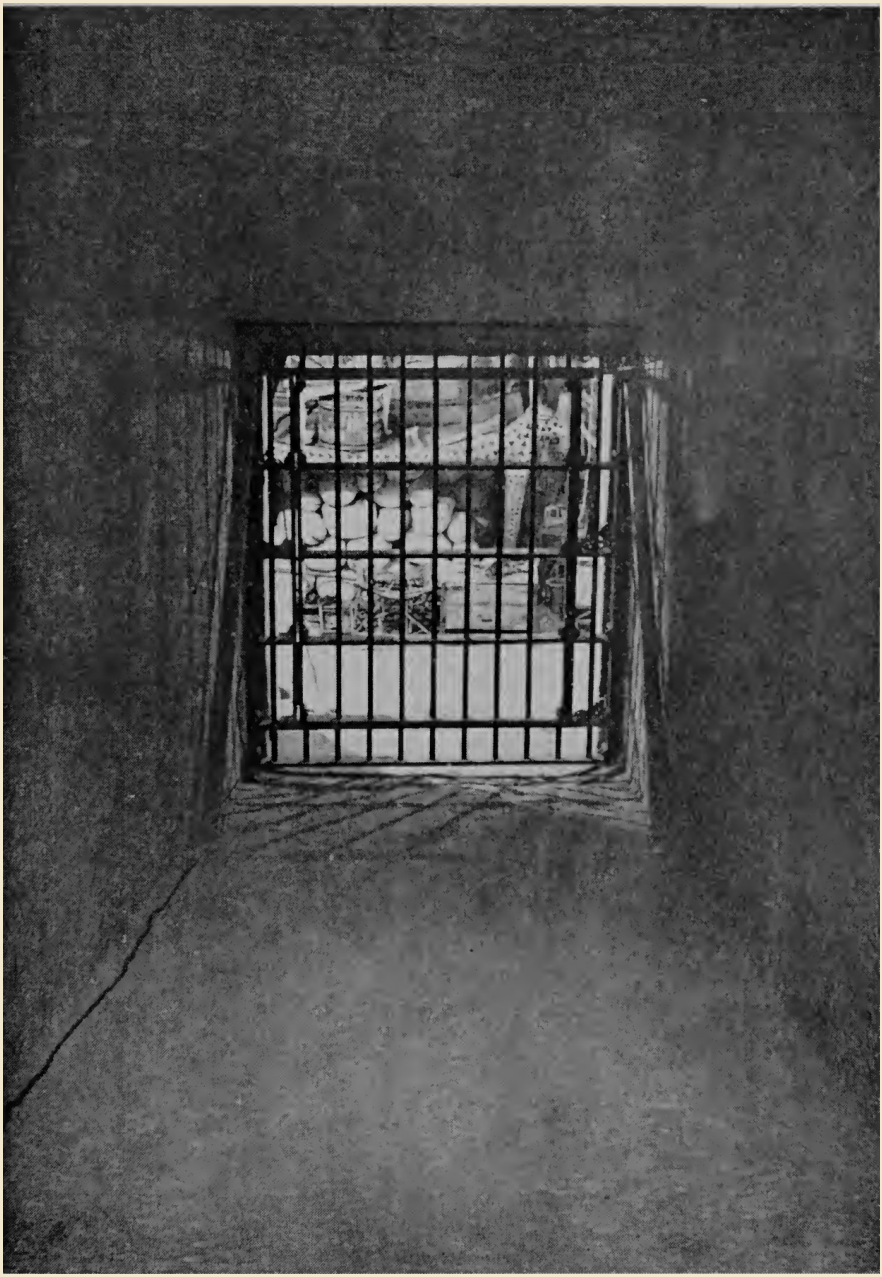

Таблица XV. Вид передней камеры из коридора сквозь стальную решетку

ГЛАВА VI. ПЕРВОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ

✦

Мне думается, большинство археологов признается, что испытывает благоговейный трепет — почти смущение, — когда вскрывает камеру, которую закрыли и запечатали благочестивые руки столько веков назад. На мгновение время как мера человеческой жизни теряет смысл. Три, а может быть, и четыре тысячи лет прошло с тех пор, как нога человека в последний раз ступала по полу, на котором стоите вы, — и все же, замечая вокруг следы недавней жизни — наполовину полную чашу раствора для заделки двери, закопченный светильник, отпечаток пальца на свежевыкрашенной поверхности, прощальную гирлянду, оброненную на пороге, — вы чувствуете, что все это могло быть только вчера. Самим воздухом, не изменившимся за века, вы дышите вместе с теми, кто уложил мумию на покой. Такие маленькие, сокровенные подробности уничтожают время, и вы чувствуете себя непрошеным гостем.

Таково, пожалуй, первое и главное ощущение, но за ним стремительно, одно за другим, приходят другие: восторг открытия, лихорадка ожидания, почти непреодолимое, рожденное любопытством желание сломать печати и поднять крышки ларцов; мысль — чистая радость для исследователя, — что вы вот-вот впишете в историю новую страницу или разрешите какой-нибудь научный вопрос; и — почему бы не признаться? — напряженное ожидание искателя сокровищ. Действительно ли эти мысли проносились у нас в голове в ту минуту, или я придумал их после? Не могу сказать. Именно то, что я обнаружил в

своей памяти пустоту, а вовсе не желание эффектно закончить главу, и вызвало это отступление.

Поистине, никогда еще за всю историю раскопок не открывалось столь поразительного зрелища, какое показал нам свет нашего фонарика. Некоторое представление о нем читатель может получить по снимкам на таблицах XVI–XX, но они сделаны позже, когда гробница была уже открыта и в ней провели электрический свет. Пусть он вообразит, какими эти вещи предстали нам, когда мы смотрели на них сверху через смотровое отверстие в заложенном проходе и переводили луч фонарика — первый свет, пронзивший тьму камеры за три тысячи лет, — с одной группы предметов на другую, тщетно пытаясь осмыслить лежавшее перед нами сокровище. Впечатление было ошеломляющим, подавляющим. Наверное, мы никогда не представляли себе отчетливо, что ожидаем или надеемся увидеть, но уж точно никогда не мечтали ни о чем подобном: целая комната — казалось, целый музей — вещей, одни знакомые, другие такие, каких мы никогда не видели, громоздились одна на другой в кажущемся бесконечным изобилии.

Понемногу картина прояснялась, и мы стали различать отдельные предметы. Прежде всего, прямо напротив нас — мы все время чувствовали их присутствие, но не решались в них поверить — стояли три больших позолоченных ложа, бока которых были вырезаны в виде чудовищных зверей со странно вытянутыми телами — такими они и должны были быть, чтобы служить своему назначению, — но с головами поразительной жизненности. Жутковато смотреть на таких зверей и в любое время, а увиденные так, как увидели их мы, — когда их блестящие позолоченные бока выхватывал из тьмы наш электрический фонарик, словно луч театрального прожектора, а головы

отбрасывали на стену позади причудливые искаженные тени, — они казались почти страшными. Затем, справа, наше внимание приковали две статуи: две фигуры царя в человеческий рост, черные, стоявшие друг против друга, словно часовые, в золотых передниках, в золотых сандалиях, с булавой и посохом, со священной коброй-хранительницей на лбу.

Таблица XVI. Передняя камера изнутри: северный конец

Таковы были главные предметы, которые сразу бросились в глаза. Между ними, вокруг них, нагроможденные на них, лежали бесчисленные другие: изысканно расписанные и инкрустированные ларцы; алебастровые вазы, иные с прекрасной сквозной резьбой; странные черные ковчеги, и из открытой дверцы одного выглядывала большая позолоченная змея; букеты цветов или листьев; кровати; стулья с прекрасной резьбой;

золотой инкрустированный трон; груда любопытных белых яйцевидных ящичков; посохи всевозможных форм и узоров; прямо у нас под глазами, на самом пороге камеры, — прекрасная чаша в виде лотоса из просвечивающего алебастра; слева — беспорядочная груда опрокинутых колесниц, сверкающих золотом и инкрустацией; а из-за них выглядывало еще одно изображение царя.

Вот лишь некоторые из предметов, лежавших перед нами. Заметили ли мы тогда их все, сказать наверняка не могу: мы были слишком взволнованы и растеряны, чтобы что-то точно запомнить. Вскоре до наших ошеломленных умов дошло, что во всем этом скоплении предметов нет ни гроба, ни следа мумии, и давний спорный вопрос — гробница или тайник? — снова занял нас. Имея его в виду, мы еще раз осмотрели открывшуюся картину и впервые заметили, что между двумя черными статуями-часовыми справа есть еще один запечатанный проход. Понемногу нам открылось объяснение. Мы стояли лишь на пороге нашего открытия. Увиденное нами было всего лишь передней камерой. За охраняемой дверью должны были находиться другие камеры, возможно, целая их череда, и в одной из них, вне всякой тени сомнения, мы найдем фараона, покоящегося во всем великолепии своего погребального убранства.

Мы увидели достаточно, и голова у нас пошла кругом при мысли о предстоящей работе. Мы заделали отверстие, заперли деревянную решетку, поставленную у первого входа, оставили на страже наших рабочих, сели на ослов и поехали домой вниз по Долине, странно молчаливые и притихшие.

Любопытно было, когда мы вечером обсуждали случившееся, обнаружить, как расходятся наши представления об увиденном. Каждый заметил что-то, чего не заметили другие, а на следующий

день нас поразило, как много бросающихся в глаза вещей мы пропустили. Разумеется, больше всего занимала нас запечатанная дверь между статуями, и мы до глубокой ночи гадали, что может за ней скрываться. Одна камера с саркофагом царя? Это было самое меньшее, чего можно было ожидать. Но почему только одна? Почему не череда коридоров и камер, ведущих, как и положено в Долине, к самому сокровенному святилищу — погребальной камере? Могло быть и так, хотя по плану гробница совсем не походила на другие. Видения камеры за камерой, и каждая заставлена вещами, как та, что мы видели, проносились в воображении, и у нас захватывало дух. Потом снова пришла мысль о грабителях. Удалось ли им проникнуть за этот третий проход — издали он казался совершенно нетронутым, — и если да, то каковы наши шансы найти мумию царя невредимой? Думаю, в ту ночь мы все почти не спали.

На следующее утро (27 ноября) мы рано были на месте: дел было много. Прежде чем продолжать осмотр, надо было обзавестись более подходящим освещением, и Каллендер начал прокладывать провода, чтобы подключить нас к главной осветительной сети Долины. Пока шли эти приготовления, мы тщательно описали оттиски печатей на внутреннем проходе, а затем целиком разобрали его закладку. К полудню все было готово, и лорд Карнарвон, леди Эвелин, Каллендер и я вошли в гробницу и тщательно осмотрели первую камеру (впоследствии названную передней камерой). Накануне вечером я написал мистеру Энгельбаху, главному инспектору Службы древностей, сообщил ему о ходе расчистки и просил приехать для официального осмотра. К сожалению, в это время он был по служебным делам в Кене, и вместо него приехал местный инспектор древностей Ибрагим-эфенди.

При свете наших мощных электрических ламп многое, что накануне оставалось неясным, стало понятно, и мы смогли точнее оценить размеры открытия. Первой нашей целью, естественно, была запечатанная дверь между статуями, и тут нас ждало разочарование. Издали она казалась совершенно нетронутой закладкой, но при внимательном осмотре выяснилось, что внизу была проделана небольшая брешь — как раз такая, чтобы пролез мальчик или худощавый мужчина, — а затем отверстие заделали и снова запечатали. Значит, первыми мы не были. И здесь воры нас опередили, и оставалось лишь узнать, сколько вреда они имели возможность или время причинить.

Первым естественным побуждением было сломать дверь и сразу во всем разобраться, но это грозило серьезно повредить многие предметы в передней камере, а на такой риск мы никак не были готовы пойти. Не могли мы и убрать эти предметы с дороги: прежде чем что-либо тронуть, необходимо было составить план и полную фотографическую опись, а это работа, требующая немалого времени, даже будь у нас достаточно снаряжения, чтобы выполнить ее немедленно, — а его у нас не было. С неохотой мы решили отложить вскрытие этой внутренней запечатанной двери, пока не освободим переднюю камеру от всего ее содержимого. Так мы не только обеспечили бы полную научную запись о внешней камере, которую были обязаны сделать, но и расчистили бы место для разборки закладки двери — дела в лучшем случае щекотливого.

Отчасти удовлетворив любопытство насчет запечатанного прохода, мы могли теперь обратиться к остальной части камеры и подробнее рассмотреть находившиеся в ней предметы. Это было поистине поразительное переживание. Здесь, в этой маленькой камере, тесно стояли десятки предметов, любой из которых в

обычных условиях привел бы нас в восторг и считался бы щедрой наградой за целый сезон работ. Одни принадлежали к хорошо знакомым нам типам; другие были новыми и странными, и среди них встречались целые, совершенные образцы вещей, о виде которых мы до сих пор лишь догадывались по крошечным обломкам, найденным в других царских гробницах.

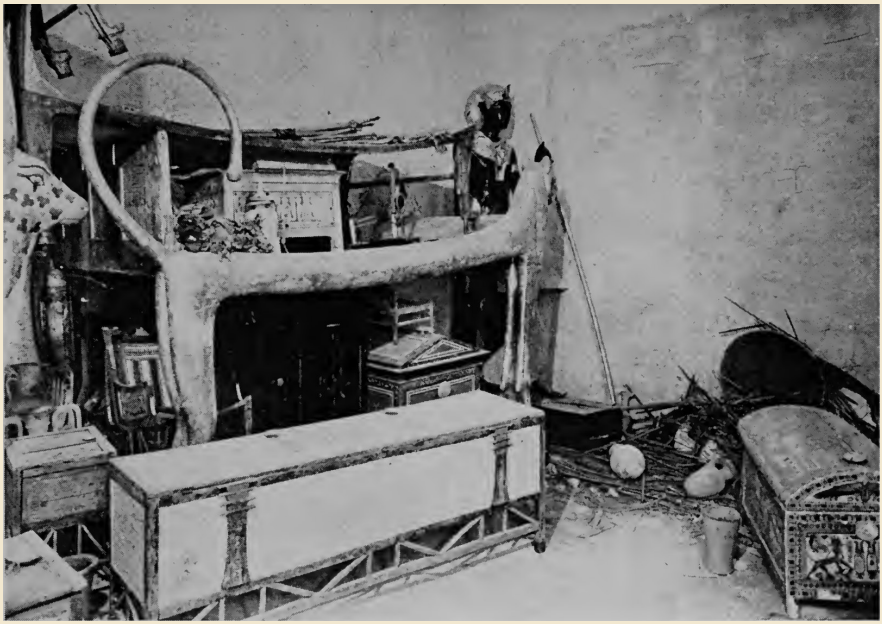

Таблица XVII. Передняя камера изнутри: ложе с головами львов

Но поражало это открытие не одним лишь количеством. Время, к которому относится гробница, во многом самое занимательное во всей истории египетского искусства, и мы были готовы увидеть прекрасные вещи. К чему мы не были готовы, так это к поразительной живости и одушевленности, отличавшей некоторые предметы. Они открыли нам в египетском искусстве возможности, о которых мы не подозревали, и даже при этом

беглом предварительном осмотре мы поняли, что изучение находок потребует пересмотра, если не полного переворота, всех наших прежних представлений. Впрочем, это дело будущего. Точнее оценить художественное достоинство вещей мы сможем, когда расчистим всю гробницу и все ее содержимое окажется перед нами.

Одно из первого, что мы заметили при осмотре: все крупные предметы и большая часть мелких носили имя Тутанхамона. Его же печати стояли и на самой внутренней двери, а значит, вне всякой тени сомнения, ему же принадлежала и мумия, которая должна была лежать за ней. Затем, пока мы еще в волнении подзывали друг друга от одного предмета к другому, пришло новое открытие. Заглянув под самое южное из трех больших лож, мы заметили в стене маленькое неровное отверстие. Здесь был еще один запечатанный проход и в нем грабительский лаз, который, в отличие от прочих, так и не заделали. Осторожно мы подползли под ложе, просунули в отверстие переносную лампу — и перед нами открылась еще одна камера, несколько меньше первой, но заставленная вещами еще теснее.

Состояние этой внутренней комнаты (впоследствии названной боковой камерой) просто не поддается описанию. В передней камере после посещения грабителей была сделана какая-то попытка навести порядок, но здесь все оставалось в беспорядке, в каком они все бросили. Не требовалось большого воображения, чтобы представить их за работой. Один — места, вероятно, не хватило бы больше чем для одного — пролез в камеру и затем торопливо, но планомерно перерыл все ее содержимое: опустошал ящики, отбрасывал вещи в сторону, громоздил их одну на другую и время от времени передавал предметы через отверстие товарищам, чтобы те рассмотрели их получше во внешней камере.

Перевернул он все почти так же основательно, как землетрясение. Свободным не осталось ни дюйма пола, и, когда придет время расчистки, будет очень непросто понять, с чего начать. До сих пор мы не пытались войти в эту камеру, а лишь осмотрели ее снаружи. Прекрасные вещи есть и в ней — по большей части мельче, чем в передней камере, но многие изысканной работы. Особенно запомнились мне несколько: расписной ларец, по-видимому, ничуть не уступающий красотой ларцу в передней камере; удивительное кресло из слоновой кости, золота, дерева и кожи; алебастровые и фаянсовые вазы прекрасной формы; доска для игры из резной и раскрашенной слоновой кости.

Думаю, открытие этой второй камеры, со всем ее тесным содержимым, несколько отрезвило нас. До сих пор нами владело волнение, не оставлявшее времени на размышления, но теперь мы впервые начали понимать, какой огромный труд нам предстоит и какую ответственность он налагает. Это была не обычная находка, с которой можно управиться за один обычный сезон; не было и примера, который показал бы нам, как с ней обращаться. Дело выходило за пределы всякого опыта, сбивало с толку, и на мгновение казалось, что сделать предстоит больше, чем под силу человеку.

Таблица XVIII. Передняя камера изнутри: ложе Хатхор

Кроме того, размеры открытия застали нас врасплох, и мы совершенно не были готовы справиться с множеством лежавших перед нами предметов, многие из которых были в непрочном состоянии и требовали тщательной укрепляющей обработки, прежде чем к ним можно будет прикоснуться. Бесчисленное множество дел надо было сделать, прежде чем вообще приступить к расчистке. Надо было запасти огромное количество консервирующих средств и упаковочных материалов; получить совет знатоков о том, как лучше обходиться с некоторыми предметами; устроить лабораторию — безопасное и укрытое место, где предметы можно было бы обрабатывать, вносить в каталог и упаковывать; сделать тщательный план в масштабе и полную фотографическую опись, пока все еще стоит на своих местах; соорудить темную комнату для фотографических работ.

Это были лишь некоторые из стоявших перед нами задач. Ясно было, что прежде всего нужно обезопасить гробницу от грабежа; после этого мы могли со спокойной душой обдумывать планы — планы, которые, как мы теперь понимали, потребуют не одного сезона, а наверняка двух, а может быть, трех или четырех. У входа в коридор у нас стояла деревянная решетка, но этого было мало, и я снял мерки с внутреннего прохода, чтобы заказать решетчатую дверь из толстых стальных прутьев. Пока ее не изготовят — а для этого, как и по другим причинам, мне непременно нужно было съездить в Каир, — нам предстояло еще раз взять на себя труд засыпать гробницу.

Тем временем весть об открытии разнеслась, как лесной пожар, и о нем ходили самые невероятные и фантастические слухи; один рассказ, которому немало верили местные жители, гласил, будто в Долине сели три аэроплана и улетели неизвестно куда, груженные сокровищами. Чтобы по возможности опередить эти слухи, мы решили сделать две вещи: во-первых, пригласить лорда Алленби и глав заинтересованных ведомств посетить гробницу, а во-вторых, послать в «Таймс» достоверный отчет об открытии. Соответственно, 29-го состоялось официальное открытие гробницы, на котором присутствовали леди Алленби (лорд Алленби, к сожалению, не смог выехать из Каира), губернатор провинции Абд эль-Азиз-бей Яхья, мамур округа Мохамед-бей Фахми и ряд других египетских именитых лиц и чиновников; а 30-го мистер Тоттенхэм, советник министерства общественных работ, и мсье Пьер Лако, генеральный директор Службы древностей, не сумевшие приехать накануне, провели свой официальный осмотр. На официальном открытии присутствовал и мистер Мертон, корреспондент «Таймс», и он отправил ту депешу, которая наделала столько шума на родине.

3 декабря, закрыв входной проход тяжелыми бревнами, мы засыпали гробницу до уровня поверхности. Лорд Карнарвон и леди Эвелин уехали 4-го в Англию, чтобы завершить там разные дела перед возвращением позже в этом сезоне; а 6-го, оставив Каллендера стеречь гробницу в мое отсутствие, я последовал за ними в Каир, чтобы сделать покупки.

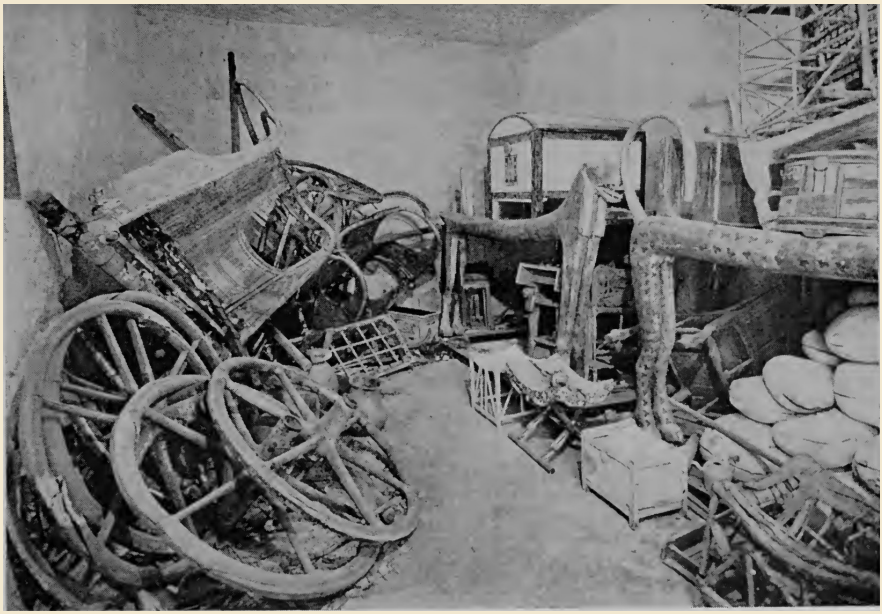

Таблица XIX. Передняя камера изнутри: южный конец, ложе Таурт и колесницы

Первой моей заботой была стальная дверь, и я заказал ее в то же утро, как приехал, с обещанием, что ее доставят через шесть дней. Остальные покупки я делал не спеша, и набор получился пестрый: фотографические принадлежности, химикаты, автомобиль, всевозможные упаковочные ящики, тридцать два тюка миткаля,

больше мили ваты и столько же хирургических бинтов. В этих двух важных статьях я твердо решил не испытывать недостатка.

Находясь в Каире, я успел оценить положение, и мне становилось все яснее, что для того, чтобы работа в гробнице была выполнена как следует, нужна помощь — и притом в большом объеме. Вопрос был в том, к кому за ней обратиться. Первая и самая насущная нужда была в фотографии: ничего нельзя было трогать, пока не составлена полная фотографическая опись, а это задача, требующая высочайшего технического мастерства. Через день-другой после приезда в Каир я получил поздравительную телеграмму от мистера Литгоу, хранителя Египетского отдела музея Метрополитен в Нью-Йорке, чья концессия в Фивах лежала совсем рядом с нашей, отделенная от нее лишь естественной горной стеной, и в ответе я не без робости спросил, нельзя ли — хотя бы на первое, неотложное время — заручиться помощью мистера Гарри Бертона, их мастера фотографии. Он тотчас ответил телеграммой, и эта телеграмма заслуживает того, чтобы остаться в памяти как образец бескорыстного научного содружества: «Буду только рад помочь чем угодно. Пожалуйста, рассчитывайте на Бертона и любых других сотрудников нашего штата».

Впоследствии это предложение было весьма великодушно подтверждено попечителями и директором музея Метрополитен, и по возвращении в Луксор я договорился с моим другом мистером Уинлоком, руководителем нью-йоркских раскопок на той концессии, — ему-то и пришлось на деле поступиться своим ради этого уговора, — не только о том, что к нам перейдет мистер Бертон, но и о том, что мистер Холл и мистер Хаузер, рисовальщики экспедиции, уделят столько своего времени, сколько понадобится, чтобы сделать крупномасштабный чертеж

передней камеры и ее содержимого. Мог помочь и еще один сотрудник нью-йоркского штата, мистер Мейс, руководитель их раскопок на поле пирамид в Лиште, и по предложению мистера Литгоу он телеграфом предложил свою помощь. Таким образом, не меньше четырех сотрудников нью-йоркского штата были полностью или частично заняты в работах этого сезона. Без этой щедрой помощи было бы невозможно справиться с огромным объемом предстоявшей нам работы.

В Каире мне выпала и еще одна удача. Мистер Лукас, директор Химического отдела египетского правительства, брал трехмесячный отпуск перед уходом с государственной службы по выслуге лет, и на эти три месяца он великодушно предложил предоставить в наше распоряжение свои познания в химии; излишне говорить, что я поспешил принять это предложение. Этим завершился состав нашего постоянного рабочего штата. Кроме того, доктор Алан Гардинер любезно взялся разбирать все надписи, какие могли быть найдены, а профессор Брестед за два своих приезда очень помог нам в трудном деле — выяснить историческое значение оттисков печатей с дверей.

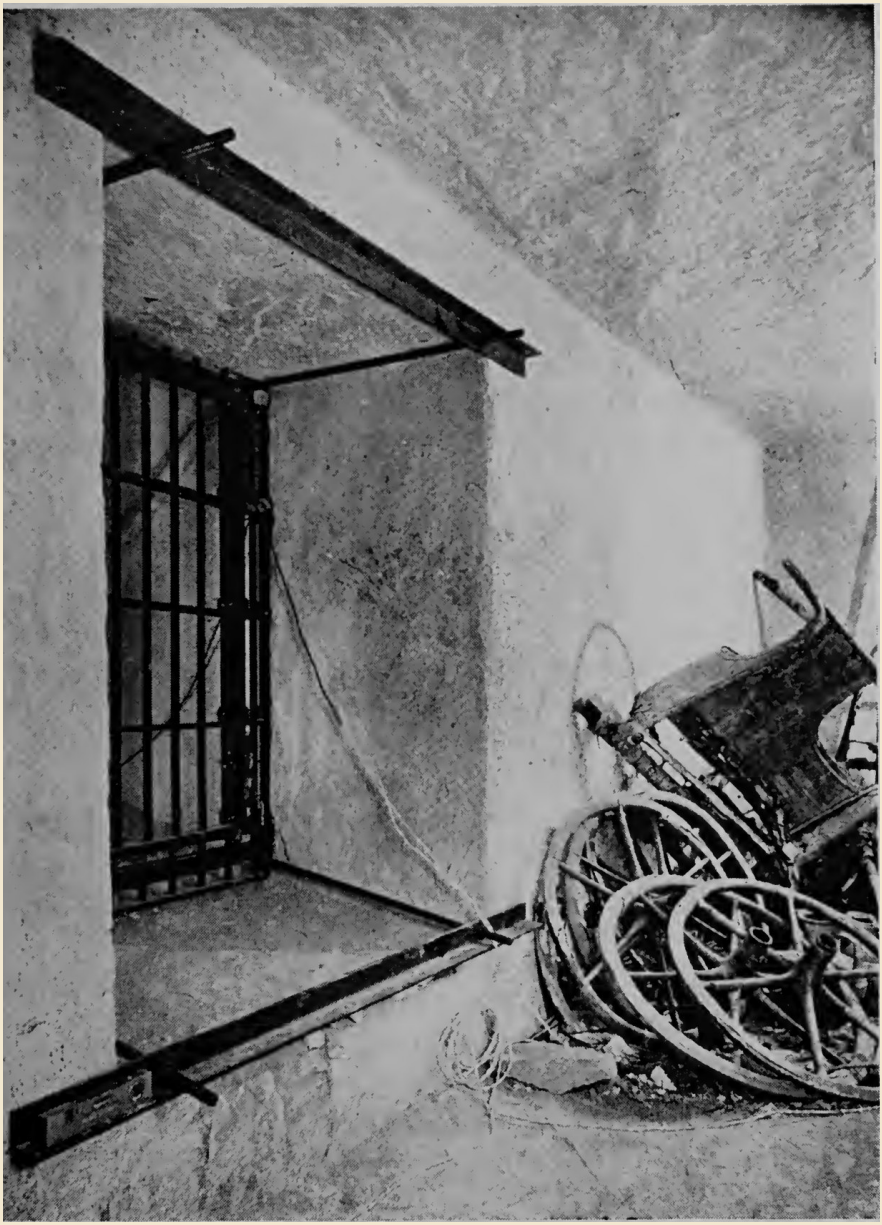

Таблица XX. Передняя камера изнутри: вход со стальной дверью

К 13 декабря стальная дверь была готова, а я закончил покупки. Я вернулся в Луксор, и 15-го все благополучно прибыло в Долину; доставку грузов очень ускорила любезность служащих Египетских государственных железных дорог, позволивших отправить их скорым поездом, а не медленным товарным. 16-го мы снова открыли гробницу, 17-го стальная дверь была установлена в проходе камеры, и мы были готовы начать работу. 18-го работа действительно началась: Бертон делал первые пробные снимки в передней камере, а Холл и Хаузер приступили к плану. Двумя днями позже приехал Лукас и сразу начал опыты с консервирующими составами для разных родов предметов.

22-го, после многочисленных настойчивых просьб, разрешение осмотреть гробницу получила печать — и европейская, и египетская, — и такая же возможность была предоставлена ряду именитых жителей Луксора, огорченных тем, что их не пригласили на официальное открытие. В тот раз удалось пригласить лишь очень немногих, так как в очень тесном пространстве трудно было обеспечить сохранность предметов. 25-го приехал Мейс, а двумя днями позже, когда снимки и планы достаточно продвинулись, из гробницы вынесли первый предмет.

ГЛАВА VII. ОБЗОР ПЕРЕДНЕЙ КАМЕРЫ

✦

В этой главе мы хотим подробно осмотреть предметы передней камеры, и читатель получит о них лучшее представление, если мы будем вести осмотр по порядку, а не метаться взад и вперед из одного конца в другой, как, разумеется, метались мы сами в первом волнении открытия. Комната была невелика, примерно 26 футов на 12, и ступать приходилось осторожно: хотя чиновники расчистили для нас посередине узкий проход, один неверный шаг или поспешное движение могли непоправимо повредить какую-нибудь из хрупких вещей, окружавших нас.

Прямо перед нами, на пороге — чтобы войти в камеру, через нее пришлось перешагнуть, — лежала прекрасная чаша желаний, изображенная на таблице XLVI. Она была из чистого полупрозрачного алебастра, с ручками в виде цветков лотоса по обеим сторонам, на которых стоят коленопреклоненные фигурки — знаки Вечности. Повернув у входа направо, мы увидели сначала большой цилиндрический сосуд из алебастра, затем два погребальных букета из листьев — один прислонен к стене, другой упал, — а перед ними, выдвинувшись в камеру, расписной деревянный ларец (см. таблицу XXI). Этот ларец, вероятно, займет место среди величайших художественных сокровищ гробницы; при первом посещении мы с трудом могли от него оторваться. Вся его наружная поверхность была покрыта левкас, и по этой подготовленной основе шел ряд ярко раскрашенных, изысканно выписанных изображений: на выпуклых панелях крышки — сцены охоты, на боковых стенках — сцены сражений, на торцах —

царь в образе льва, попирающий врагов. Иллюстрации на таблицах L–LIV дают лишь слабое понятие о тонкости этой живописи, которая намного превосходит все, что Египет до сих пор дал в этом роде. Никакая фотография не передаст ее как следует: даже в подлиннике, чтобы по достоинству оценить мелкие подробности — например, точечную прорисовку львиных шкур или украшение конской сбруи, — необходимо увеличительное стекло.

Таблица XXI. Расписной ларец (№ 21) на месте

Есть и еще одна замечательная черта в росписях этого ларца. Мотивы египетские, исполнение египетское, и все же они оставляют впечатление чего-то странно неегипетского, и хоть убей не объяснишь, в чем именно разница. Они напоминают и о

другом — например, о лучших персидских миниатюрах, — и в них смутно чудится Беноццо Гоццоли, быть может, из-за веселых пучков цветов, заполняющих пустые места. Содержимое ларца было престранной мешаниной. Сверху лежали пара сандалий из тростника и папируса и царское одеяние, сплошь покрытое узором из бисера и золотых блесток. Под ними были другие украшенные одеяния, к одному из которых было пришито более трех тысяч золотых розеток, три пары придворных сандалий, богато отделанных золотом, позолоченный подголовник и разные другие вещи. Это был первый ларец, который мы открыли, и пестрота его содержимого — не говоря уже о том, как все это было смято и свалено в кучу, — порядком озадачила нас. Причина стала вполне ясна позднее, как мы покажем в следующей главе.

Далее, минуя несколько мелких, неважных предметов, мы подошли к торцовой (северной) стене камеры. Здесь был дразнящий запечатанный проход, а по обе стороны от него, охраняя вход, стояли уже описанные деревянные статуи царя в человеческий рост. Странными и величественными казались эти фигуры уже тогда, когда мы впервые их увидели, окруженные и наполовину скрытые другими предметами; теперь же, когда они стоят в опустевшей камере и ничто перед ними не отвлекает взгляда, а за ними, сквозь открытый проход, наполовину виден золотой ковчег, впечатление от них почти мучительно сильное. Первоначально они были окутаны льняными покрывалами, и это тоже, должно быть, усиливало действие. И еще одно, притом любопытное, наблюдение об этой торцовой стене. В отличие от остальных стен камеры, она вся была покрыта штукатуркой, и внимательный осмотр показал, что сверху донизу это лишь заслон, простая перегородка.

Повернувшись теперь к длинной (западной) стене камеры, мы увидели, что все пространство вдоль нее занимают три больших ложа с боковинами в виде животных — странные предметы обстановки, известные нам по росписям гробниц, но ни разу еще не виданные нами в подлиннике. Первое было с львиными головами, второе — с коровьими, а у третьего была голова составного зверя, наполовину гиппопотама, наполовину крокодила. Каждое для удобства переноски было сделано из четырех частей: рама самого ложа крепилась крюками и скобами к боковинам-животным, а лапы животных вставлялись в открытое основание. Как обычно у египетских кроватей, у каждого была панель в ногах, а в изголовье ничего. Над этими ложами, под ними и вокруг них, тесно прижатые друг к другу, а кое-где и шатко громоздясь одно на другом, стояло множество мелких вещей, из которых здесь хватит места упомянуть лишь самые важные.

Так, на самом северном из лож — львином — стояла кровать из черного дерева, плетенная шнуром, с панелью, на которой прелестно вырезаны домашние боги, а на ней, в свою очередь, лежали несколько богато украшенных посохов, колчан со стрелами и несколько сложных луков. Один из луков был обтянут золотом и украшен полосами надписей и изображениями животных в технике зерни почти невообразимой тонкости — шедевр ювелирного искусства. Другой, двойной сложный лук, оканчивался с обоих концов резной фигуркой пленника, причем шеи фигурок служили зарубками для тетивы: выходило, что всякий раз, натягивая лук, царь брал на тетиву пару пленников. Между кроватью и ложем стояли четыре светильника-факельницы из бронзы и золота, совершенно нового типа, и у одного в масляной чашке еще сохранился факел из скрученного

льна; изящно сделанный алебастровый сосуд для возлияний; и ларец со сдвинутой набок крышкой, украшенный панелями из яркого бирюзово-голубого фаянса и золота. Этот ларец, как мы узнали позже в лаборатории, содержал немало интересных и ценных вещей, среди прочего жреческое одеяние из шкуры леопарда, украшенное золотыми и серебряными звездами и позолоченной головой леопарда, инкрустированной цветным стеклом; очень большого и прекрасно сделанного скарабея из золота и синего стекла цвета лазурита; пряжку из листового золота, украшенную сценами охоты, выложенными из мельчайших зерен; скипетр из цельного золота и стекла цвета лазурита (таблица XXIII); ярко окрашенные фаянсовые ожерелья и бусы; и горсть массивных золотых перстней, завязанных в складку льняной ткани, — о них речь впереди.

Под ложем, на полу, стоял большой сундук, в котором восхитительно сочетались черное дерево, слоновая кость и красное дерево; в нем находились несколько маленьких сосудов из алебастра и стекла; два черных деревянных ковчежца, в каждом из которых была позолоченная фигура змеи — эмблема и штандарт десятого нома Верхнего Египта (Афродитополя); прелестный маленький стульчик с декоративными панелями из черного дерева, слоновой кости и золота, пригодный разве что для ребенка; два складных табурета с утиными головами, инкрустированных слоновой костью; и алебастровая шкатулка с врезанным орнаментом, заполненным красками.

Длинный ящик из черного дерева и белого крашеного дерева, на решетчатой подставке, с откидной крышкой на петлях, стоял отдельно на полу перед ложем. Содержимое его было странной смесью. Сверху, скомканные и запиханные вместо упаковки, лежали рубашки и немало царского белья, а внизу, более или

менее аккуратно разложенные по дну, — посохи, луки и множество стрел, у которых все наконечники были отломаны и похищены ради металла. Первоначально в ящике, вероятно, были только посохи, луки и стрелы — не только те, что лежали поверх описанной выше кровати, но и многие другие, разбросанные по разным углам камеры. Некоторые посохи были замечательной работы. Один оканчивался изгибом, на котором вырезаны фигуры двух пленников со связанными руками и переплетенными ногами, африканца и азиата; лица их сделаны соответственно из черного дерева и слоновой кости. Вторая фигура, работа почти до боли жизненная, показана на таблице LXX. Другой посох был очень эффектно украшен узором из крошечных чешуек радужных надкрылий жуков, а на некоторых был накладной узор из разноцветной коры. Вместе с посохами лежали плеть из слоновой кости и четыре локтевые меры. Слева от ложа, между ним и следующим, стояли туалетный столик и группа чудесных сосудов для благовоний из резного алебастра (см. таблицу XXII).

Таблица XXII. Группа алебастровых сосудов

Довольно о первом ложе. Второе, коровье, — оно стояло прямо против нас, когда мы вошли в камеру, — было заставлено еще теснее. На нем, ненадежно опираясь, стояла еще одна деревянная кровать, выкрашенная белым, а на ней, в свою очередь, держались плетеный тростниковый стул, на удивление современный на вид и по замыслу, и табурет из черного и красного дерева. Под кроватью, прямо на раме ложа, находились, среди прочего, белый узорный табурет, любопытная круглая шкатулка, облицованная слоновой костью и черным деревом, и пара позолоченных систров — музыкальных инструментов, которые обычно связывают с Хатхор, богиней радости и пляски[1] (таблица XXIII). Внизу середину занимала груда яйцевидных деревянных футляров с уложенными в них утками и разной другой жертвенной снедью.

[1] Это два из свойств Хатхор. Есть и многие другие.

На полу перед ложем стояли два деревянных ящика — на крышке одного свободно лежали ожерелье и связка колец, — большой табурет из тростника и меньший, из дерева и тростника. У большего из двух ящиков оказалось любопытное и разнообразное содержимое. Надпись иератикой на крышке называет семнадцать предметов цвета лазурита, а внутри было шестнадцать сосудов для возлияний из синего фаянса, семнадцатый же нашелся позже в другой части камеры. Кроме того, туда были небрежно брошены еще несколько фаянсовых чашек; пара бумерангов из электрума, оправленных на концах синим фаянсом; прелестная маленькая шкатулка из резной слоновой кости; кальцитовое цедилко для вина; очень сложное одеяние гобеленового тканья; и большая часть корселета. Этот корселет — о нем нам придется подробно рассказать в главе X — состоял из нескольких тысяч кусочков золота, стекла и фаянса, и нет сомнения, что, когда его очистят и

соберут, он станет самой великолепной вещью такого рода, какую когда-либо создал Египет.

Между этим ложем и третьим, небрежно опрокинутое набок, лежало великолепное кресло из кедра, богато и тонко украшенное резьбой и золотом (см. таблицу LX).

Мы подходим теперь к третьему ложу с его парой странных составных зверей с открытыми пастями, с зубами и языками из слоновой кости. На нем в одиночестве стоял большой сундук с округлой крышкой, с рамой из черного дерева и панелями, выкрашенными белым. Первоначально это был сундук для белья. В нем еще оставалось немало одежды — набедренных повязок и прочего, — по большей части сложенной и скатанной в аккуратные узелки[2]. Под этим ложем стояло еще одно из величайших художественных сокровищ гробницы — пожалуй, величайшее из извлеченных до сих пор, — трон, сверху донизу покрытый золотом и богато украшенный инкрустацией из стекла, фаянса и камня (см. таблицу XXIV). Его ножки в виде звериных лап были увенчаны львиными головами, пленяющими своей силой и простотой. Подлокотниками служили великолепные крылатые змеи в коронах, а между перекладинами, поддерживавшими спинку, были шесть кобр-хранительниц, вырезанных из дерева, позолоченных и инкрустированных. Но главная слава трона — панель спинки, и я без колебаний утверждаю, что это самая прекрасная вещь, найденная до сих пор в Египте. Фотография, которая без цвета дает лишь очень неполное представление о ее красоте, помещена на таблице II.

[2] При первом входе в гробницу мы приняли их за свитки папируса.

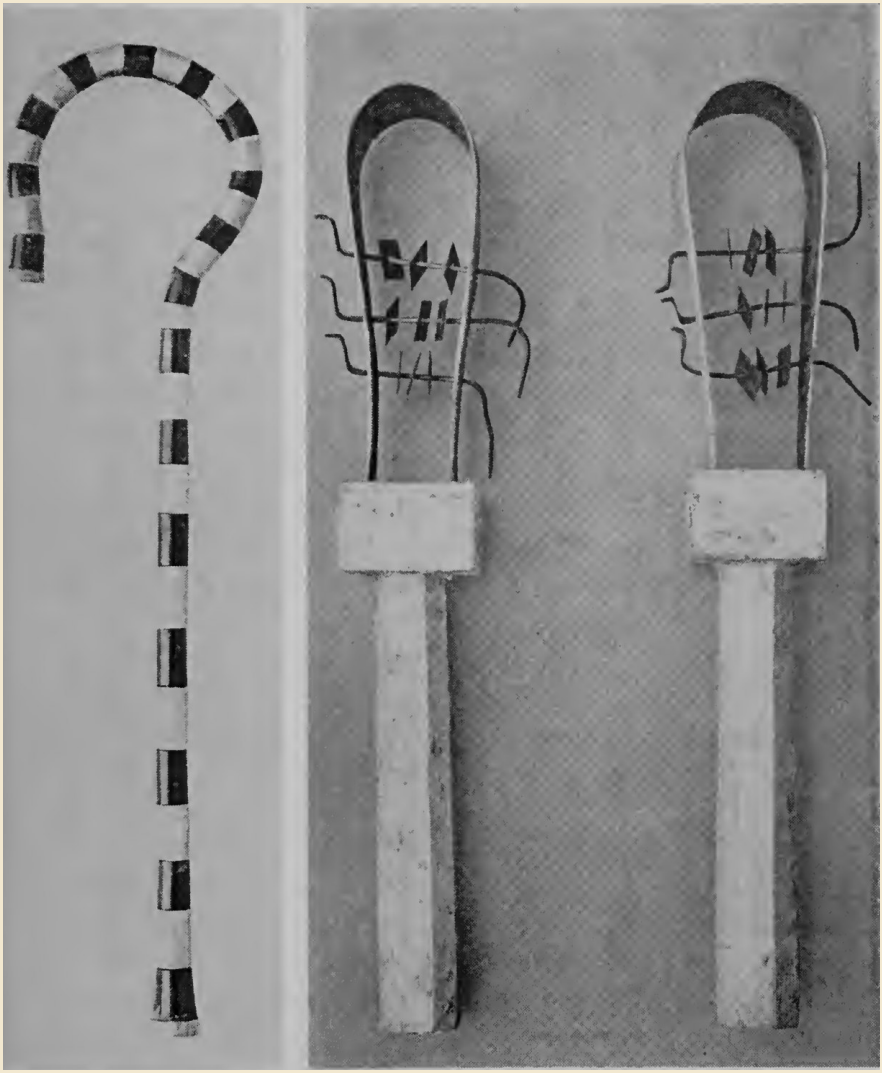

Таблица XXIII. а) Царский скипетр из золота и синего стекла цвета лазурита; б) два систра из позолоченного дерева и бронзы

Перед нами один из залов дворца — комната, украшенная колоннами, обвитыми цветочными гирляндами, фризом из уреев

(царских кобр) и нижним поясом из обычных «нишевых» панелей. Сквозь отверстие в кровле солнце посылает вниз свои животворные, охраняющие лучи. Сам царь в непринужденной позе сидит на троне с подушкой, небрежно закинув руку за его спинку. Перед ним стоит юная царица и, по-видимому, завершает его туалет: в одной руке у нее маленький сосуд с благовонием или умащением, а другой она осторожно умащает ему плечо или добавляет капельку благовония на его ожерелье. Простая домашняя сценка — но сколько в ней жизни и чувства, какое ощущение движения!

Краски панели необычайно живы и выразительны. Лицо и другие открытые части тела у царя и царицы — из красного стекла, головные уборы — из яркого фаянса цвета бирюзы. Одеяния — из серебра, потускневшего от времени до изысканного матового налета. Короны, ожерелья, шарфы и прочие украшения на панели все инкрустированы: цветным стеклом и фаянсом, сердоликом и составом, до сих пор неизвестным, — полупрозрачным волокнистым кальцитом с подложенной под него цветной пастой, точь-в-точь похожим на стекло миллефиори. Фоном служит листовое золото, которым покрыт трон. В первоначальном виде, когда золото и серебро были свежи и новы, трон, должно быть, ослеплял — слишком ослеплял, вероятно, для глаза европейца, привыкшего к серому небу и блеклым тонам; теперь же, когда сплав немного потускнел и смягчил краски, он являет необычайно привлекательное и гармоничное сочетание цветов.

Помимо художественных достоинств, трон — важный исторический документ: изображения на нем наглядно показывают политические и религиозные колебания царствования. По первоначальному замыслу — о чем

свидетельствуют человеческие руки на солнечном диске панели спинки — они основаны на чистом почитании Атона в духе Телль-эль-Амарны. Картуши же любопытным образом смешаны. В одних имя Атона стерто и заменено формой с именем Амона, в других Атон остался нетронутым. Странно, по меньшей мере, что вещь, несущая столь явные знаки ереси, была открыто погребена здесь, в оплоте веры Амона, и, быть может, не случайно на этой части трона сохранились остатки льняной обертки. По-видимому, возвращение Тутанхамона к старой вере не было вполне делом убеждения. Возможно, он счел трон слишком ценным, чтобы его уничтожить, и держал его в одном из внутренних покоев дворца; а может быть, изменения в именах Атона было достаточно, чтобы успокоить ревнителей веры, и таиться не было нужды.

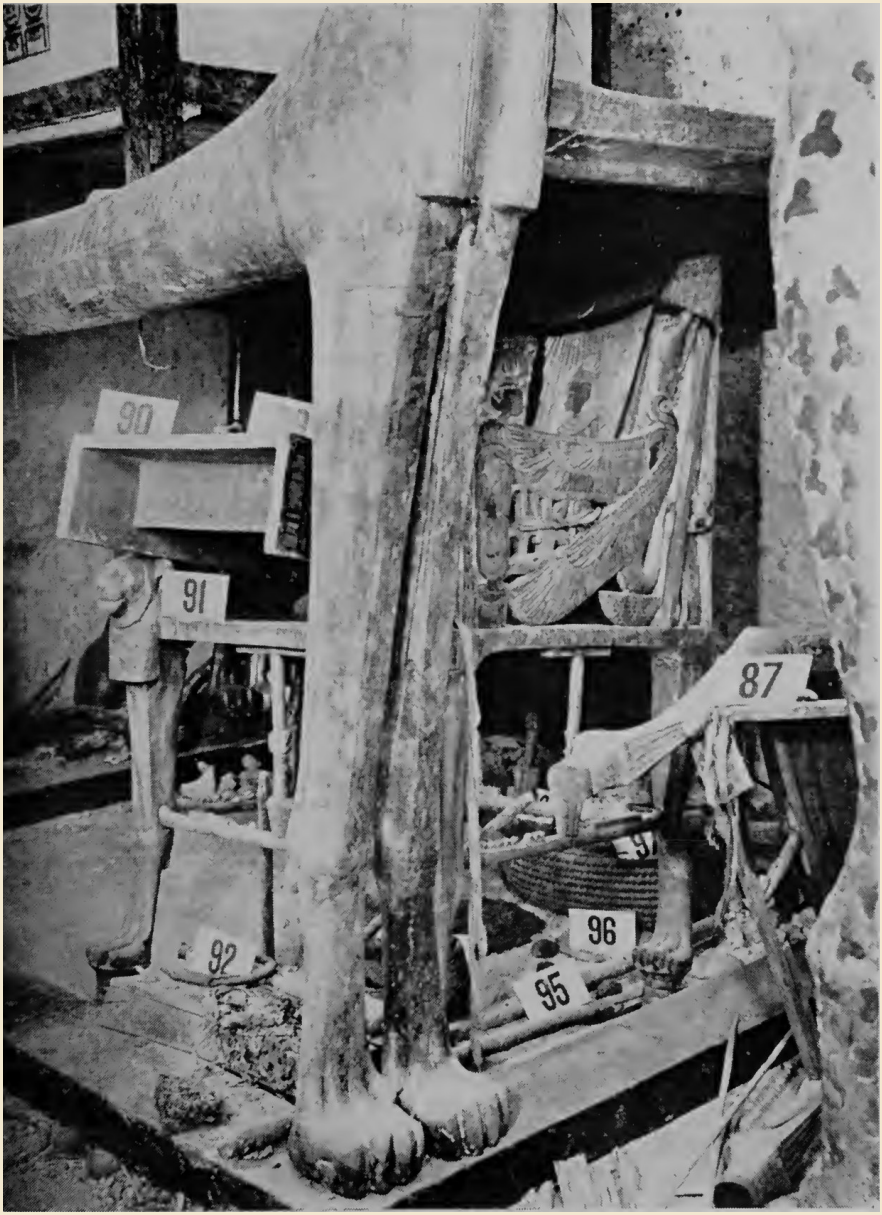

Таблица XXIV. Трон и скамеечка для ног под ложем Таурт

На сиденье трона лежала скамеечка для ног, некогда стоявшая перед ним, — из позолоченного дерева и темно-синего фаянса, с панелями сверху и по бокам, на которых изображены пленники, связанные и распростертые. На Востоке это был очень распространенный образ: «доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих», — поет псалмопевец; и можно не сомневаться, что в иных случаях образ становился действительностью.

Перед ложем стояли два табурета: один из простого дерева, выкрашенный белым, другой — из черного дерева, слоновой кости и золота, с ножками в виде утиных голов и сиденьем, сделанным наподобие шкуры леопарда, с когтями и пятнами из слоновой кости, — лучший известный нам образец такого рода. За ним, у южной стены камеры, стояли несколько важных предметов. Первым был ящик в форме ковчега с двустворчатыми дверцами, запиравшимися задвижками из черного дерева. Он был целиком обшит толстым листовым золотом, и на золоте тонким низким рельефом был выполнен ряд маленьких панелей (показанных на таблице LXVIII), где с милой простотой изображены сцены повседневной жизни царя и царицы. Во всех этих сценах главная нота — дружеская близость мужа и жены, та непринужденная сердечность, что отличает школу Телль-эль-Амарны, и неудивительно было бы обнаружить, что и здесь картуши были изменены с Атона на Амона. Внутри ковчега был пьедестал — значит, первоначально в нем стояла статуэтка; вполне возможно, золотая, — вещь, к несчастью, слишком заметная, чтобы грабители ее пропустили. В ковчеге было также ожерелье из огромных бусин — золотых, сердоликовых, из зеленого полевого шпата и синего стекла — с большой золотой подвеской в виде очень редкой богини-змеи, и немалые части

корселета, о котором мы уже говорили, описывая один из прежних ящиков.

Рядом с этим ковчегом стояла большая статуэтка-ушебти царя, резная, позолоченная и раскрашенная, а чуть дальше, выглядывая из-за опрокинутого кузова колесницы, — статуя необычной формы, ровно срезанная по пояс и по локти. Она была точно в человеческий рост, а тело ее выкрашено белым, явно наподобие рубашки; можно почти не сомневаться, что это манекен, на который примеряли царские одеяния и, возможно, ожерелья (таблица XXV). В этой же части камеры находились еще один туалетный ларец и разрозненные части позолоченного балдахина, или ковчега. Они были чрезвычайно легкой конструкции и сделаны так, чтобы быстро собираться. Балдахин, вероятно, был походным: его везли в свите царя, куда бы тот ни отправлялся, и мгновенно ставили, чтобы укрыть его от солнца.

Остальную часть южной стены и всю восточную, вплоть до входа, занимали части не менее чем четырех колесниц. Как видно на фотографии, они были свалены в страшном беспорядке: грабители, очевидно, ворочали их так и этак, стараясь завладеть наиболее ценными частями покрывавшего их золотого убранства. Впрочем, не на них одних лежит за это ответственность. Входной коридор был слишком узок, чтобы пропустить колесницы целиком, поэтому, чтобы внести их в камеру, оси нарочно распилили пополам, колеса сняли и сложили вместе, а разобранные кузова поставили отдельно.

Таблица XXV. Манекен царя. Фигура из резного дерева, покрытая левкас и раскрашенная. Вероятно, ею пользовались для царских украшений или одеяний

Сборка и восстановление этих колесниц — огромная предстоящая нам работа, но результат будет так великолепен, что оправдает любое потраченное на них время. Сверху донизу они покрыты золотом, и каждый дюйм его украшен — то чеканными узорами и сценами по самому золоту, то инкрустацией из цветного стекла и камня. Деревянные части колесниц в хорошем состоянии и требуют лишь небольшой обработки, но с конской сбруей и прочими кожаными частями дело обстоит совсем иначе: недубленая кожа от сырости превратилась в черный, неприглядный клей. К счастью, эти кожаные части почти всегда были обложены золотом, а по этому золоту, хорошо сохранившемуся, мы надеемся восстановить упряжь. Вперемешку с частями колесниц лежало множество разных мелких предметов, среди них алебастровые сосуды, еще посохи и луки, расшитые бисером сандалии, корзины и набор из четырех опахал от мух из конского волоса с рукоятями из позолоченного дерева в виде львиных голов.

Мы совершили теперь полный обход передней камеры — довольно, казалось бы, обстоятельный, — и все же, заглянув в свои записи, видим, что из шести-семи сотен предметов, которые она содержала, упомянули едва ли сотню. Лишь полный каталог, переписанный с наших учетных карточек, дал бы верное представление о размахе открытия, а в настоящем томе это,

разумеется, невозможно. Здесь мы должны ограничиться более или менее кратким описанием главных находок, а подробное изучение предметов оставить для будущих изданий. Да и вообще такой отчет сейчас был бы невозможен: если обойтись с материалом так, как он того заслуживает, впереди у нас месяцы, а может быть, и годы восстановительной работы. Надо помнить и о том, что до сих пор мы имели дело лишь с одной камерой. Внутренние камеры еще не тронуты, и мы надеемся найти среди их содержимого сокровища, намного превосходящие те, о которых идет речь в этом томе.

ГЛАВА VIII. РАСЧИСТКА ПЕРЕДНЕЙ КАМЕРЫ

✦

Убирать предметы из передней камеры было все равно что играть в гигантские бирюльки. Они стояли так тесно, что сдвинуть один, не рискуя всерьез повредить другие, было крайне трудно, а кое-где они так безнадежно перепутались, что приходилось придумывать сложную систему подпорок и упоров, чтобы удержать на месте один предмет или группу предметов, пока убирали другой (см. таблицу XXVI). В такие минуты жизнь превращалась в кошмар. Страшно было пошевелиться — вдруг заденешь подпорку и все рухнет. Часто нельзя было и сказать без пробы, выдержит ли тот или иной предмет собственный вес. Некоторые вещи были в прекрасном состоянии, такие же крепкие, как в день, когда их сделали, но другие — в самом ненадежном, и постоянно вставал вопрос: лучше ли обработать предмет закрепляющим составом на месте или подождать, пока им можно будет заняться в более удобной обстановке лаборатории. Когда было можно, выбирали второе, но бывали случаи, когда вынести предмет без обработки значило почти наверняка его погубить.

Были, например, сандалии из узорного бисера, нити которых совершенно истлели. На полу камеры они казались вполне целыми, но стоило попытаться поднять одну — и она рассыпалась от прикосновения, и в награду за труды у вас в руке оставалась горсть бессмысленных бусин. Это был явный случай для обработки на месте: спиртовка, немного парафина, час-другой на затвердевание — и сандалию можно было вынуть целой и

обращаться с ней совершенно свободно. Или погребальные букеты (см. таблицу XXVII): без обработки они бы просто перестали существовать; после трех-четырех опрыскиваний раствором целлулоида они хорошо выдержали перемещение и были затем упакованы почти без повреждений. Иногда, особенно с большими предметами, оказывалось лучше применить в гробнице местную обработку — ровно такую, чтобы предмет можно было безопасно доставить в лабораторию, где были возможны более решительные меры. Каждый предмет был отдельной задачей, и, как я уже сказал, бывали случаи, когда лишь опыт мог показать, какая обработка нужна.

Работа шла медленно, мучительно медленно, да еще и выматывала нервы, потому что все время ощущалось тяжкое бремя ответственности. Его должен ощущать каждый раскопщик, если у него есть хоть какая-то археологическая совесть. Найденные вещи — не его собственность, чтобы обращаться с ними как вздумается или пренебрегать ими по своему выбору. Это прямое наследие прошлого нынешнему веку, а он лишь избранный посредник, через чьи руки они проходят; и если по небрежности, нерадивости или невежеству он уменьшит сумму знаний, которые можно было бы из них извлечь, он знает, что виновен в археологическом преступлении первой величины. Уничтожить свидетельство так мучительно легко — и так безнадежно непоправимо. Устав или торопясь, вы уклонитесь от скучной расчистки или сделаете ее вяло, кое-как — и, может быть, упустите единственную возможность, которая когда-либо представится, получить какое-то важное знание.

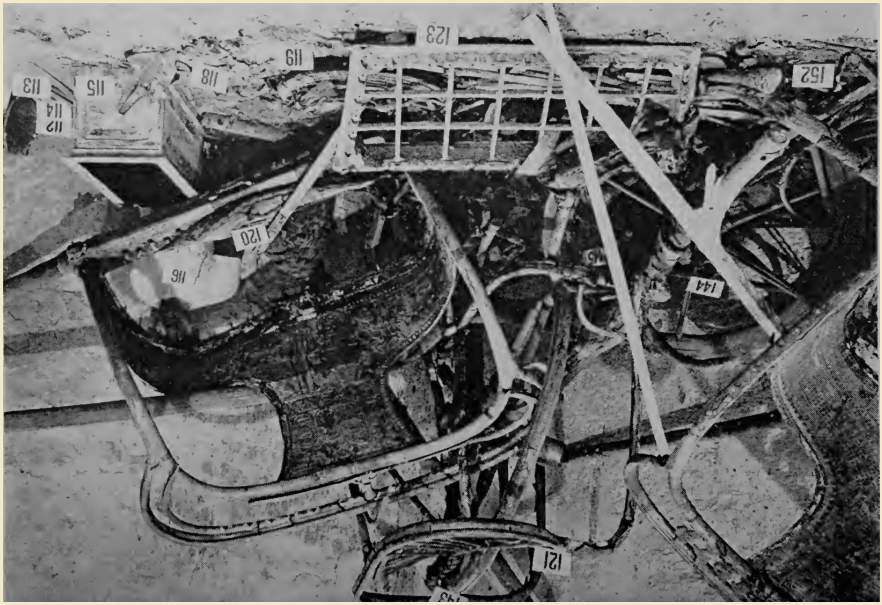

Таблица XXVI. Колесницы: снимок показывает ход расчистки

Слишком многие — в том числе, к сожалению, и некоторые археологи, — по-видимому, думают, что предмет, купленный в лавке торговца, столь же ценен, как найденный при настоящих раскопках, и что, пока предмет не очищен, не внесен в книги, не помечен инвентарным номером и не поставлен в опрятную музейную витрину, он вообще не годится для изучения. Большей ошибки не бывало. Работа в поле важнее всего, и можно с полной уверенностью сказать, что, если бы все раскопки велись правильно, систематически и добросовестно, наши знания о египетской археологии были бы по меньшей мере на 50 процентов больше нынешних. В запасниках наших музеев есть бесчисленные бесхозные предметы, которые дали бы нам ценные сведения, если бы только могли рассказать, откуда они взялись, и

ящик за ящиком обломков, которые можно было бы восстановить, будь сделано несколько записей в момент находки.

Если же на раскопщике всегда лежит тяжкое бремя ответственности, легко понять, что чувствовали мы на этот раз. Нам выпала честь найти самое значительное собрание египетских древностей, какое когда-либо видел свет, и мы должны были показать, что достойны этого доверия. Столько всего могло пойти не так! Например, постоянной тревогой была опасность кражи. Вся округа была взбудоражена гробницей; ходили всевозможные невероятные рассказы о золоте и драгоценностях в ней, и, как показывал прошлый опыт, вполне возможна была серьезная попытка ночного нападения на гробницу. Опасность крупной кражи была устранена, насколько это в человеческих силах, сложной системой охраны: в Долине днем и ночью находились три независимые группы стражей, каждая подотчетная своему начальству, — правительственная стража Службы древностей, отряд солдат, присланный мудиром Кены, и отборная группа самых надежных людей из нашего собственного штата. Кроме того, у входа в коридор стояла тяжелая деревянная решетка, а у внутреннего прохода — массивные стальные ворота, и то и другое запиралось четырьмя цепями на висячих замках; а чтобы с последними никогда не вышло ошибки, ключи постоянно хранились у одного определенного члена европейского персонала, который не расставался с ними ни на миг, даже чтобы одолжить их коллеге. От мелких или случайных краж мы оберегались тем, что всю работу с предметами выполняли сами.

Другой и, пожалуй, еще большей причиной тревоги было состояние многих предметов. Для некоторых было очевидно, что само их существование зависит от бережного обращения и правильной закрепляющей обработки, и бывали минуты, когда у

нас замирало сердце. Были и другие заботы — например, посетители, но о них я еще немало скажу позднее, — и, боюсь, к тому времени, как с передней камерой было покончено, наши нервы, не говоря уже о нашем терпении, были совершенно издерганы. Но вот я говорю о конце, когда мы еще и не начали. Надо начать сначала. Терять терпение еще рано.

Таблица XXVII. Погребальный букет

Очевидно, первой и главнейшей нашей нуждой была фотография. Прежде чем что-либо делать или что-либо сдвигать, нужно было получить ряд предварительных снимков, сделанных панорамой, чтобы показать общий вид камеры. Для освещения у нас были две передвижные электрические лампы на стойках силой в 3000 свечей, и при них велась вся фотографическая работа в гробнице. Выдержки, естественно, были довольно долгими, но свет был на редкость ровный, гораздо ровнее, чем дала бы вспышка — опасное средство в столь заставленной камере — или отраженный солнечный свет, а других возможностей не было. К нашему счастью, поблизости была пустая гробница без надписей — гробница-тайник Эхнатона, открытая Дэвисом. Мы получили от правительства разрешение использовать ее как темную комнату, и там обосновался Бертон. В некоторых отношениях это было не слишком удобно, но стоило мириться с небольшими неудобствами ради того, чтобы темная комната была так близко: при пробных снимках он мог перебежать туда и проявить пластинку, не сдвигая камеру с места. К тому же эти его периодические перебежки из гробницы в гробницу, должно быть, были сущим подарком для толпы любопытных, дежуривших над гробницей: зимой выпадало немало дней, когда ничего другого занимательного у них не было.

Следующим нашим шагом, после того как предварительные снимки были сделаны, было придумать надежный способ учета содержимого камеры, потому что впоследствии совершенно

необходимо было иметь под рукой средство точно установить, из какой части гробницы взят тот или иной предмет. Разумеется, каждый предмет или тесно связанная группа предметов получали свой номер по каталогу, и номер этот надежно прикрепляли к предмету, когда его выносили из камеры; но этого было мало, потому что номер мог и не указывать места. По возможности номера должны были идти в определенном порядке, начиная от входа и систематически обходя камеру, но было совершенно ясно, что многие предметы, пока скрытые, обнаружатся в ходе расчистки и их придется нумеровать вне очереди. Мы обошли это затруднение так: на каждый предмет ставили печатный номер и фотографировали предметы небольшими группами. Каждый номер был виден хотя бы на одном снимке, так что, печатая снимки в нескольких экземплярах, мы смогли приложить к записям о каждом отдельном предмете в наших картотеках отпечаток, который с первого взгляда показывал его действительное место в гробнице.

Так обстояло дело с работой внутри гробницы — пока все шло хорошо. Вне ее нам предстояло решить еще более трудную задачу — найти достаточное место для работы и хранения предметов по мере их выноса. Три вещи были совершенно необходимы. Во-первых, нам нужно было много места. Предстояло распаковывать ящики, делать записи и обмеры, проводить починку, испытывать разные закрепляющие составы, и, очевидно, нам потребовалось бы немало столов, не говоря уже об обычном месте для хранения. Во-вторых, нужно было помещение, которое можно было сделать недоступным для воров: по мере выноса вещей лаборатория стала бы почти таким же источником опасности, как и сама гробница. Наконец, нам нужно было уединение. Эта потребность может показаться менее очевидной, чем другие, но мы предвидели — и

события зимы подтвердили нашу правоту, — что, если мы не укроемся от мест, где обычно бывают посетители, нас превратят в балаганное зрелище и мы вообще не сможем работать. В конце концов мы решили задачу, получив от правительства разрешение занять гробницу Сети II (№ 15 по каталогу Долины). Она, безусловно, отвечала третьему из наших требований. Туристы обычно ее не посещают, а ее положение — она укрыта в углу, в самом конце Долины, — как нельзя лучше подходило для нашей цели. Дальше нее гробниц не было, так что, никого не стесняя, мы могли закрыть для обычного движения ведущую к ней тропу и тем обеспечить себе полное уединение.

Были у нее и другие преимущества. Прежде всего, нависающие скалы так хорошо ее защищали, что солнце ни в какое время дня не заглядывало в ее двери, и в ней было сравнительно прохладно даже в самую жаркую летнюю пору. Перед ней было также немало открытого места, которое мы позже приспособили под фотографическую мастерскую под открытым небом и под плотницкую. В смысле места мы были несколько стеснены: гробница так длинна и узка, что всю работу приходилось вести в ее верхней части, а нижняя годилась только для хранения. Был у нее и тот недостаток, что она довольно далеко от места работ. Но это были лишь мелкие помехи по сравнению с настоящими преимуществами, которые давала гробница. У нас было достаточно места, было уединение, а безопасность мы обеспечили, поставив стальные ворота на многих висячих замках весом в полторы тонны.

Еще одно обстоятельство, касающееся лабораторной работы, читателю следует иметь в виду. Мы были в пятистах милях от всего на свете, и, если бы у нас кончились закрепляющие материалы, получение нового запаса могло бы сильно затянуться.

Каирские магазины давали нам большую часть нужного, но некоторые химикаты мы еще до конца зимы выбрали в Каире подчистую, а иные вещи поначалу можно было достать только в Англии. Поэтому требовались постоянная забота и предусмотрительность, чтобы не допустить нехватки и вызванной ею остановки работы.

К 27 декабря все приготовления были закончены, и мы могли приступить к самому выносу предметов. Мы работали с твердым разделением труда. Первым шел Бертон со снимками пронумерованных групп предметов; за ним Холл и Хаузер с планом камеры в масштабе, где каждый предмет вычерчивался в проекции; Каллендер и я делали предварительные записи и расчистку и следили за переноской предметов в лабораторию; а там их принимали Мейс и Лукас, отвечавшие за подробное описание, починку и сохранение.

Первым вынесли расписной деревянный ларец. Затем, продвигаясь с севера на юг и тем оттягивая черный день, когда придется взяться за сложную путаницу колесниц, мы понемногу освобождали большие ложа от окружавших их предметов. Каждый предмет, когда его выносили, клали на мягкие деревянные носилки и надежно привязывали к ним бинтами. Таких носилок требовалось огромное количество, потому что, во избежание лишней перекладки, они почти всегда оставались при предмете насовсем и повторно не использовались. Время от времени, когда набиралось достаточно заполненных носилок — в среднем примерно раз в день, — составлялся караван и под охраной отправлялся в лабораторию. Этой минуты и ждала толпа зрителей над гробницей. Появлялись блокноты репортеров, во все стороны щелк, щелк, щелк — щелкали фотоаппараты, и приходилось расчищать проход, чтобы процессия могла пройти.

Думаю, прошлой зимой в Долине извели больше пленки, чем за любой такой же срок с тех пор, как изобрели фотоаппарат. Однажды нам в лаборатории понадобился для опытов кусок старой ткани от мумийных пелен; его прислали нам на носилках, и, пока он до нас добрался, его сфотографировали восемь раз!

Вынос и перевозка мелких предметов были делом сравнительно простым, но совсем иначе обстояло с ложами и колесницами. Каждое из лож было сделано из четырех частей — двух боковин-животных, самой кровати и основания, в гнезда которого вставлялись лапы животных. Они явно были слишком велики, чтобы пройти через узкий входной коридор, и, должно быть, их внесли в гробницу частями и собрали там. И действительно, полоски более нового золота вокруг стыков показывают, где повреждения, полученные при переноске, были заделаны уже после того, как ложа поставили на место. Было ясно, что, чтобы вынести ложа из гробницы, их надо снова разобрать; дело нелегкое, потому что за три тысячи лет бронзовые крюки, естественно, накрепко засели в скобах и не поддавались. В конце концов мы разобрали их почти без повреждений, но для этого понадобились пятеро из нас. Двое держали среднюю часть ложа, двое отвечали за целость животных, а пятый, работая снизу, рычагом осторожно приподнимал крюки один за другим. Даже в разобранном виде боковым животным было тесновато в коридоре, и с ними нужно было обращаться очень бережно. Тем не менее мы вынесли их все без происшествий и сразу упаковали в ящики, приготовленные для них прямо у входа в гробницу.

Труднее всего было вынести колесницы, сильно пострадавшие от того обращения, которому они подверглись. Внести их в гробницу целиком с самого начала было невозможно — они были слишком широки для входного коридора, — и пришлось снять

колеса и отпилить оси с одного конца. Грабители, очевидно, сдвигали их с места и переворачивали вверх дном, а при последующей уборке части были кое-как сложены одна на другую. Египетские колесницы очень легкой конструкции, и грубое обращение, которое эти колесницы претерпели, сделало их крайне трудными для переноски. Было и еще одно осложнение: части упряжи были сделаны из невыделанной кожи. А такая кожа от сырости быстро превращается в клей, это здесь и произошло: черная липкая масса, оставшаяся от сбруи, стекла и накапала повсюду — не только на другие части самих колесниц, но и на предметы, не имевшие к ним никакого отношения. Так кожа почти целиком погибла, но, к счастью, как я уже говорил, для восстановления у нас есть золотое убранство, которым она была покрыта.

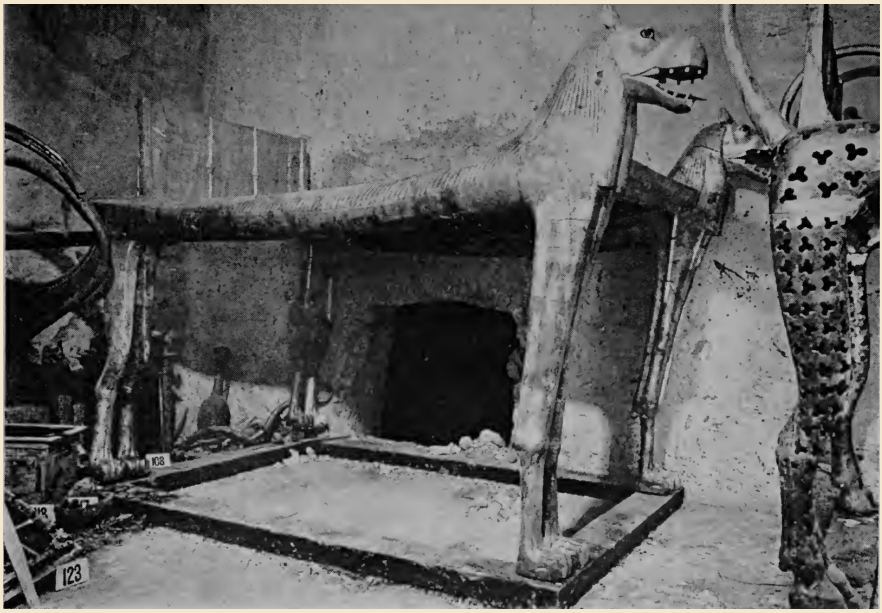

Таблица XXVIII. Ложе Таурт (виден лаз грабителей в боковую камеру)

Всего на расчистку передней камеры ушло семь недель, и как же мы были благодарны, когда она закончилась, и притом без всякой беды. Однажды мы все же испугались. Два-три дня небо было очень темным, и казалось, что нас ждет одна из сильных бурь, которые изредка случаются в Фивах. В таких случаях дождь льет потоками, и, если буря затягивается, все русло Долины превращается в бурный поток. Никакая сила на свете не уберегла бы тогда нашу гробницу от затопления, но, к счастью, хотя где-то в округе, должно быть, прошел сильный дождь, на нас упало лишь несколько капель. Некоторые корреспонденты дали волю воображению, описывая эту грозившую бурю. Вследствие этого и других искаженных известий мы получили довольно загадочную телеграмму, присланную, по-видимому, ревностным любителем оккультного. Она гласила: «В случае новой беды полейте порог молоком, вином и медом». К сожалению, у нас не было с собой ни вина, ни меда, так что выполнить указание мы не смогли. Однако, несмотря на нашу нерадивость, новой беды мы избежали. Быть может, нас лечили заочно.

В ходе расчистки мы, естественно, собрали немало свидетельств о действиях первых грабителей гробницы, и здесь, пожалуй, самое подходящее место, чтобы изложить выводы, к которым мы пришли.

Прежде всего, по оттискам печатей на внешнем проходе мы знаем, что все ограбление произошло в течение очень немногих лет после погребения царя. Мы знаем также, что грабители проникали в гробницу по меньшей мере дважды. На полу входного коридора и лестницы лежали разбитые, разбросанные предметы, доказывающие, что во время первой попытки коридор между внутренней и внешней запечатанными дверями был пуст. Пожалуй, не исключено, что это первое ограбление произошло

сразу после погребальных обрядов. После этого коридор был целиком засыпан камнями и щебнем, и последующие попытки делались через лаз, прорытый в верхнем левом углу этой засыпки. При этой последней попытке воры проникли во все камеры гробницы, но лаз их был узок, и вынести они, понятно, могли лишь мелкие вещи.

Теперь о свидетельствах внутри гробницы — какой ущерб они успели нанести. Начать с того, что передняя и боковая камеры были оставлены в странно различном состоянии. В боковой, как мы описали в предыдущей главе, все было перевернуто и не оставалось ни дюйма свободного пола. Было совершенно ясно, что грабители перевернули все вверх дном и что нынешнее состояние камеры в точности то, в каком они ее оставили. Передняя камера выглядела совсем иначе. Некоторый беспорядок, правда, был, но беспорядок упорядоченный, и, если бы не свидетельства ограбления — лаз и вновь запечатанные проходы, — с первого взгляда можно было бы подумать, что ограбления вовсе не было, а беспорядок возник из-за небрежности во время похорон.

Однако, когда мы начали расчистку, быстро стало ясно, что эта сравнительная упорядоченность — следствие наспех проведенной уборки и что грабители хозяйничали здесь не меньше, чем в боковой камере. Части одного и того же предмета находились в разных углах камеры; предметы, которым следовало быть в ящиках, лежали на полу или на ложах; на крышке одного из ящиков лежало целое, но смятое ожерелье; за колесницами, в совершенно недоступном месте, лежала крышка ящика, а сам ящик был далеко, у самой внутренней двери. Совершенно ясно, что грабители разбросали вещи здесь так же, как в боковой камере, а кто-то пришел после них и привел камеру в порядок.

Позже, распаковывая ящики, мы нашли еще более убедительные косвенные свидетельства. Один из них — длинный белый ящик в северном конце камеры — был наполовину заполнен посохами, луками и стрелами, а сверху на них было туго набито вперемешку царское белье. Между тем у всех стрел были отломаны металлические наконечники, и несколько наконечников нашлись брошенными на полу. Другие посохи и луки, явно принадлежавшие этому ящику, тоже были разбросаны по камере. В другом ящике лежали несколько украшенных одеяний, скомканных и засунутых как попало, а вперемешку с ними — несколько пар сандалий. Содержимое было набито так туго, что металлический ремешок для пальцев одной сандалии проткнул насквозь ее собственную кожаную подошву и вошел в подошву другой, лежавшей под ней. В третьем ящике драгоценности и крошечные статуэтки были уложены поверх фаянсовых сосудов для возлияний. Иные же были наполовину пусты или содержали лишь мешанину обрывков ткани.

Был, кроме того, верный признак, что этот беспорядок — следствие поспешной переупаковки и не имеет ничего общего с первоначальным устройством ящиков: на крышках нескольких из них были аккуратные маленькие надписи, ясно указывающие, что должно в них лежать, и лишь в одном случае надпись хоть как-то соответствовала действительному содержимому. Эта надпись требовала «17 (неизвестных предметов) цвета лазурита». В ящике было шестнадцать сосудов для возлияний из темно-синего фаянса, а семнадцатый лежал на полу камеры поодаль. В конечном счете, при окончательном изучении материала, эти надписи будут очень ценны. Во многих случаях мы сможем распределить предметы по ящикам, где они первоначально лежали, и будем точно знать, чего недостает.

Лучшее же свидетельство дало очень сложное одеяние из фаянса, золота и инкрустации, соединявшее в одно целое корселет, ожерелье-воротник и пектораль. Большая его часть найдена в ящике с только что упомянутыми фаянсовыми сосудами; пектораль и большая часть воротника были засунуты в малый золотой ковчег; отдельные куски оказались еще в нескольких ящиках и были разбросаны по всему полу. Пока ничто не указывает, какому из ящиков оно первоначально принадлежало и принадлежало ли вообще какому-либо из них. Вполне возможно, что грабители вынесли его из самой внутренней камеры на лучший свет передней и там нарочно разорвали на части.

Имеющиеся у нас факты позволяют теперь восстановить весь ход событий. Сначала в верхнем левом углу первой запечатанной двери пробили отверстие, ровно такое, чтобы пролез человек, и начали рыть лаз; копавшие работали цепочкой, передавая камни и корзины с землей назад, из рук в руки. Семи-восьми часов работы могло хватить, чтобы добраться до второй запечатанной двери; дыра в ней — и они внутри. Затем в полутьме начались лихорадочные поиски добычи. Естественной их целью было золото, но оно должно было быть в удобной для переноски форме, и, наверное, им было мучительно видеть, как оно поблескивает вокруг на обложенных золотом вещах, которые нельзя унести и некогда ободрать. Да и в тусклом свете, при котором они работали, они не всегда могли отличить подлинное от поддельного, и многие вещи, принятые ими за чистое золото, при ближайшем рассмотрении оказывались лишь позолоченным деревом и с досадой отбрасывались. С ящиками обошлись очень круто. Все без исключения их вытащили на середину комнаты и перерыли, а содержимое раскидали по всему полу. Какие ценности

они в них нашли и унесли, мы, быть может, никогда не узнаем, но поиски их могли быть лишь поспешными и поверхностными, потому что многие вещи из чистого золота они пропустили. Одну очень ценную вещь они, как мы знаем, все же захватили. В малом золотом ковчеге стоял пьедестал из позолоченного дерева, сделанный для статуэтки, и на нем еще остались отпечатки ее ступней (таблица XXIX). Самой статуэтки не было, и почти нет сомнения, что она была из чистого золота и, вероятно, очень похожа на золотую статуэтку Тутмоса III в образе Амона из собрания Карнарвона.

Таблица XXIX. Пьедестал исчезнувшей статуэтки в малом золотом ковчеге

Затем, основательно обшарив переднюю камеру, воры принялись за боковую: пробили в ее проходе дыру, ровно такую, чтобы пролезть, и перевернули и перерыли ее содержимое так же основательно, как во внешней камере.

Потом, и, по-видимому, не раньше, они обратились к погребальной камере и проделали совсем маленькое отверстие в запечатанном проходе, отделявшем ее от передней. Какой ущерб они там нанесли, мы узнаем в свое время, но, насколько можно судить сейчас, он меньше, чем во внешних камерах. Возможно, их и в самом деле спугнули именно на этом этапе, и есть очень любопытная маленькая улика, которая, кажется, подтверждает это предположение.

Читатель, быть может, помнит, что в описании предметов передней камеры (глава VII) мы упомянули, что в одном из ящиков была горсть перстней из чистого золота, завязанных в складку ткани. Как раз такие вещи и привлекают вора: стоили они немало, а спрятать их было очень легко. Всякий, кто бывал в Египте, помнит, что, если дать феллаху денег, он обычно развяжет край своего головного платка, положит монеты в складку, обернет ее два-три раза, чтобы монеты держались плотно, и наконец закрепит получившийся мешочек узлом. Эти перстни были завязаны точно так же — та же свободная складка ткани, то же закручивание в мешочек, тот же свободный узел. Несомненно, это сделал один из воров. Он воспользовался не своим головным платком — феллах того времени такого не носил, — а одним из царских шарфов, подобранным в гробнице, и завязал в него

перстни, чтобы удобнее было нести (таблица XXX). Как же тогда драгоценный узелок с перстнями остался в гробнице, а не был унесен? Это последнее, что вор мог бы забыть, а при внезапной тревоге узелок был не настолько тяжел, чтобы помешать бегству, как бы поспешно оно ни было. Мы почти вынуждены заключить, что воров либо застали в гробнице, либо настигли при бегстве — во всяком случае, выследили, когда часть добычи еще была при них. Если так, этим объясняется и присутствие некоторых других драгоценностей и золотых вещей, слишком ценных, чтобы их бросить, и слишком крупных, чтобы их не заметить.

Таблица XXX. Добыча грабителей: восемь золотых перстней, завязанных в шарф

Как бы то ни было, весть об ограблении дошла до ушей чиновников, ведавших гробницей, и они пришли туда, чтобы расследовать дело и исправить ущерб. Почему-то они, похоже,

торопились почти так же, как воры, и их восстановительная работа была выполнена весьма небрежно. Боковую камеру они вовсе оставили в покое, не потрудившись даже заделать дыру в проходе. В передней мелкие предметы, которыми был усеян пол, смели, связали в узлы и запихнули — другого слова не подберешь — обратно в ящики, не пытаясь ни разобрать материал, ни разложить предметы по тем ящикам, для которых они первоначально предназначались. Одни ящики набили туго, другие оставили почти пустыми, а на одно из лож положили два больших узла ткани, в которые было завернуто всякое добро. И даже не все мелкие вещи были подобраны. Посохи, луки и стрелы остались лежать разрозненными группами; на крышку ящика бросили смятое ожерелье с подвесками и связку фаянсовых колец; а на полу, по одной с каждой стороны камеры, лежала пара хрупких сандалий из бисера. Крупные предметы небрежно задвинули к стенам или поставили один на другой. Уважения не было оказано ни самим предметам, ни царю, которому они принадлежали, и невольно спрашиваешь себя, зачем они вообще взялись за уборку, если убирали так плохо. Одно надо поставить им в заслугу. Они ничего не взяли себе, хотя легко могли бы. В этом можно быть вполне уверенным, судя по ценным предметам, маленьким и легко скрываемым, которые они уложили обратно в ящики.

Покончив с передней камерой — во всяком случае, настолько, насколько собирались, — они заделали дыру в самом внутреннем проходе, заштукатурили ее и оттиснули на ней царскую печать некрополя. Затем, возвращаясь назад, закрыли и запечатали дверь передней камеры, засыпали лаз грабителей в засыпке коридора и восстановили внешний проход. Какие еще меры они приняли, чтобы преступление не повторилось, мы не знаем, но, вероятно, они глубоко засыпали весь вход в гробницу, скрыв его

из виду. Лучшие политические условия в стране, может быть, и предотвратили бы новое ограбление на время, но в конечном счете лишь незнание места могло спасти гробницу от дальнейших попыток грабежа; и совершенно несомненно, что с этого повторного закрытия и до нашего открытия ничья рука не касалась печатей на двери.

ГЛАВА IX. ПОСЕТИТЕЛИ И ПЕЧАТЬ

✦

Археология в ярком свете всеобщего внимания — опыт новый и для большинства из нас довольно ошеломляющий. Прежде мы занимались своим делом спокойно и вполне счастливо, сами глубоко им увлеченные, но не ожидая от других людей ничего, кроме прохладной вежливости; и вот вдруг оказывается, что мир интересуется нами, и интерес этот так силен и так жаден до подробностей, что к нам приходится посылать особых корреспондентов на больших окладах — брать у нас интервью, сообщать о каждом нашем шаге и поджидать за углом, чтобы врасплох выведать у нас какую-нибудь тайну. Это, как я сказал, нас несколько ошеломляет, чтобы не сказать смущает, и порой мы спрашиваем себя, как и почему все это вышло. Спрашивать мы можем, но, думаю, точно ответить на этот вопрос было бы трудно кому угодно. Надо полагать, что в ту пору, когда было сделано открытие, публика глубоко устала от известий о репарациях, конференциях и мандатах и жаждала новой темы для разговоров. К тому же мысль о зарытом сокровище привлекает почти каждого из нас. Какова бы ни была причина или сочетание причин, совершенно ясно одно: как только было напечатано первое сообщение «Таймс», никакая сила на земле уже не могла укрыть нас от яркого света гласности, который обрушился на нас. Мы были беспомощны, и оставалось лишь приспособиться как можно лучше.

Неудобная сторона всего этого очень скоро дала себя знать вполне определенно. Со всех концов земного шара посыпались

телеграммы. Через неделю-другую за ними последовали письма — целый поток переписки, который не иссякает и поныне. Иные из этих писем поразительны. Начавшись с поздравлений, поток перешел к предложениям помощи — от составления планов гробницы до услуг личного камердинера; к просьбам о сувенирах — даже несколько песчинок с места над гробницей были бы приняты с величайшей благодарностью; к баснословным денежным предложениям — от прав на киносъемку до авторских прав на фасоны одежды; к советам о сохранении древностей и о том, как лучше всего умилостивить злых духов и духов стихий; к газетным вырезкам; к брошюрам; к письмам, задуманным как шутка; к суровым обвинениям в святотатстве; к заявлениям о родстве — вы, конечно, тот самый кузен, что жил в Кэмбервелле в 1893 году и о котором мы с тех пор ничего не слышали; и так далее, и так далее. Подобные письма приходили к нам по десять-пятнадцать в день всю зиму напролет. Их набрался целый мешок, и, будь у кого-нибудь время ими заняться, из них вышло бы любопытное психологическое исследование. Как, например, понять человека, который всерьез спрашивает, не проливает ли открытие гробницы свет на жестокости, которые приписывали бельгийцам в Конго?

Следом явились наши друзья — газетные корреспонденты; они во множестве съехались в Долину царей и посвятили все свои светские таланты — а таланты эти были немалые — тому, чтобы развеять последние остатки одиночества и пустынной скуки, какие у нас еще могли сохраниться. Свое дело они, несомненно, делали весьма основательно, ибо каждый был обязан перед самим собой и перед своей газетой ежедневно добывать сведения, и мы в Египте очень обрадовались, узнав о решении лорда Карнарвона передать все дело гласности в руки «Таймс».

Таблица XXXI. Посетители над гробницей

Но, пожалуй, самым серьезным из всех затруднений, какие принесла нам известность, была неодолимая притягательность гробницы для посетителей. Дело не в том, что мы хотели что-то скрывать или имели что-нибудь против посетителей как таковых, — по правде говоря, мало что бывает приятнее, чем показывать свою работу людям, способным ее оценить, — но по мере того, как развивались события, стало совершенно ясно: если не принять мер, чтобы умерить этот поток, мы проведем весь сезон, водя экскурсии, и вовсе не сделаем никакой работы. Для Долины царей это, несомненно, была новая глава в ее истории. Туристов она знала всегда, но до сих пор их посещение было деловым предприятием, а не светским приемом в саду. Вооружившись путеводителями, они добросовестно осматривали столько гробниц, сколько позволяло время или их драгоман, наскоро обедали, и их спешно увозили осматривать новые достопримечательности в другом месте.

В эту зиму и о драгоманах, и о расписаниях одинаково забыли, и многие обычные достопримечательности остались непосещенными. Гробница притягивала, как магнит. Паломничество начиналось с самого раннего утра. Посетители приезжали на ослах, в повозках для езды по песку и в парных экипажах и располагались в Долине как дома на весь день. Вокруг верхнего края гробницы шла низкая стенка, и здесь каждый занимал себе место и устраивался в ожидании, что что-нибудь произойдет. Иногда это случалось, чаще нет, но на их терпении это, по-видимому, никак не сказывалось. Там они просиживали все утро — читали, беседовали, вязали, фотографировали гробницу и друг друга — и бывали вполне довольны, если под конец им

удавалось хоть что-нибудь мельком увидеть. Всякий раз поднималось великое волнение, когда наверх передавали, что из гробницы что-то будут выносить. Книги и вязанье откладывались в сторону, вся батарея фотоаппаратов приводилась в боевую готовность и наводилась на входной коридор. Иногда мы всерьез тревожились, как бы вся стенка не рухнула и толпа посетителей не свалилась в устье гробницы. Сверху, должно быть, и правда было внушительное зрелище, когда такие необычные предметы, как большие позолоченные звери от лож, медленно выходили из темноты на дневной свет. Мы, выносившие их, слишком тревожились за их сохранность в узком коридоре, чтобы самим думать о подобном, но сперва затаенный вздох, а затем быстрый гул возгласов давали нам понять, какое впечатление это производило на зрителей наверху.

Против этих случайных посетителей, довольствовавшихся тем, что смотрели сверху, ничего нельзя было возразить, и всякий раз, когда было возможно, мы нарочно для них выносили вещи из гробницы непокрытыми. Настоящие затруднения нам доставило множество людей, которым по той или иной причине приходилось показывать саму гробницу. Эта трудность подступала к нам так постепенно и незаметно, что долгое время никто из нас не понимал, к чему это неизбежно приведет, а в конце концов работа почти остановилась. Вначале у нас, разумеется, бывали официальные осмотры со стороны чиновников соответствующего ведомства. Их мы, естественно, приветствовали. Точно так же мы всегда рады были принять других археологов. Они имели право посетить гробницу, и мы с удовольствием показывали им все, что там можно было увидеть. До сих пор никаких затруднений не было, и их никогда бы и не было. Беда началась с рекомендательных писем. Их писали

буквально сотнями — наши друзья (мы и не подозревали прежде, как их у нас много), друзья наших друзей, люди, имевшие на нас настоящие права, и люди, не имевшие никаких; писали из дипломатических соображений министры или чиновники ведомств в Каире; не говоря уже о рекомендациях, написанных самими просителями, которые либо прямо требовали допуска в гробницу, либо весьма ясно и изобретательно доказывали, как неразумно было бы им отказать. Один изобретательный человек даже перехватил мальчика-рассыльного с телеграммой и попытался под предлогом ее доставки пройти внутрь. Желание посетить гробницу стало у туристов неотвязной мыслью, и в гостиницах Луксора вопрос о том, как этого добиться, сделался постоянной темой разговоров. Те, кто видел гробницу, открыто этим хвалились, а для многих из тех, кто не видел, стало делом самолюбия так или иначе раздобыть рекомендацию. Дошло до того, что некоторые туристические конторы в Америке даже помещали объявления о поездке в Египет ради осмотра гробницы.

Таблица XXXII. Ложе Таурт выносят из гробницы

Все это, как нетрудно представить, ставило нас в очень неловкое положение. Были посетители, которых по дипломатическим соображениям мы обязаны были допустить, и другие, которым мы не могли отказать, не нанеся серьезной обиды не только им самим, но и тем, кто их рекомендовал. Где было провести черту? Очевидно, что-то надо было предпринять, ибо, как я сказал, вся работа в гробнице быстро приходила к остановке. В конце концов мы разрешили затруднение тем, что попросту уехали. Через десять дней после вскрытия запечатанного прохода мы засыпали гробницу, заперли лабораторию на замки и засовы и исчезли на неделю. Это дало полный перерыв. Когда мы возобновили работу, сама гробница была уже наглухо засыпана, и мы взяли за твердое правило вовсе не допускать посещений лаборатории.

Весь этот вопрос о посетителях довольно щекотлив. Мы уже навлекли на себя из-за него немало неприятностей, и нас обвиняли в невнимательности, невежливости, себялюбии, неучтивости и еще во многом другом; поэтому, пожалуй, стоит ясно изложить, в чем состоят трудности. Их две. Во-первых, присутствие множества посетителей создает серьезную опасность для самих предметов — опасность, которой мы, отвечающие за них, не имеем права их подвергать. Да и как могло бы быть иначе? Гробница мала и загромождена, и рано или поздно — а в прошлом году это случалось не раз — неверный шаг или поспешное движение посетителя причинит какому-нибудь предмету совершенно непоправимый вред. Посетитель в этом не виноват: он не знает и не может знать точного положения и состояния каждого предмета. Виноваты мы — в том, что позволили ему там находиться. Хуже всего то, что чем сильнее посетитель

заинтересован и увлечен, тем вероятнее, что именно он и причинит вред: он волнуется и, восхищаясь одним предметом, легко может отступить назад и задеть другой или наткнуться на него. Даже если никакого прямого вреда не причинено, прохождение больших групп посетителей через гробницу поднимает пыль, а это само по себе вредно для предметов.

Такова первая и очевидная опасность. Вторая, вызванная потерей рабочего времени, которую причиняют посетители, не так бросается в глаза, но в некоторых отношениях еще серьезнее. Отдельному посетителю это покажется страшным преувеличением: он или она удивится, какое значение для работы всего сезона могли иметь те полчаса, которые они у нас отняли. Совершенно верно, если говорить только об этом получасе, но как же быть с остальными девятью посетителями или группами посетителей, которые приходят в тот же день? По строгому счету он и они заняли пять часов нашего рабочего дня; на деле же гораздо больше пяти, ибо в коротких промежутках между посетителями невозможно сосредоточиться на сколько-нибудь серьезной работе. Практически потерян целый день. А ведь в прошлом сезоне было много дней, когда к нам действительно приходило по десять групп посетителей, и, уступи мы каждому требованию, избегая всякой возможности кого-нибудь обидеть, не было бы ни одного дня, когда это число не было бы далеко превзойдено. Иначе говоря, целыми неделями не делалось бы никакой работы. Как оно вышло на деле прошлой зимой, мы отдали посетителям четверть нашего рабочего сезона. Из-за этого нам пришлось затянуть работу на жаркое время на целый месяц дольше, чем мы рассчитывали, а жару в Долине в мае нельзя ожидать спокойно, и она отнюдь не располагает к хорошей работе.

Однако на кону стояло гораздо больше, чем наши личные неудобства: возникала прямая опасность для самих предметов. Хрупкие древности чрезвычайно чувствительны к любой перемене температуры, и за ними нужно следить с величайшим вниманием. В нашем случае перемена от спертого воздуха передней камеры к переменчивой температуре снаружи и к сухому, продуваемому воздуху гробницы, служившей нам лабораторией, была весьма ощутимой, и на некоторые предметы она подействовала. Было чрезвычайно важно наносить укрепляющие составы при первой же возможности, а в некоторых случаях требовалась пробная обработка, за которой нужно было очень внимательно следить. Опасность постоянных помех очевидна, и мне незачем на этом останавливаться. Что подумал бы химик, если бы вы попросили его прервать тонкий опыт, чтобы показать вам лабораторию? Что почувствовал бы хирург, если бы вы прервали его посреди операции? А каково было бы больному? Да если уж на то пошло, что сказал бы делец — и чего бы он только не сказал! — если бы в течение утра к нему одна за другой приходили десять групп посетителей и каждая ожидала, что ей покажут всю контору?

А ведь права археологии на внимание, несомненно, ничуть не меньше, чем права любой другой отрасли научного исследования или даже — осмелюсь ли сказать? — чем права самого искусства делать деньги. Почему же оттого, что мы ведем свою работу в безлюдных местах, а не в многолюдном городе, нас должны считать неучтивыми за то, что мы возражаем против постоянных помех? Полагаю, причина в том, что, по общему мнению, археология — вовсе не работа. Раскопки представляются чем-то вроде развлечения для туриста высшего разряда, которое ведется на собственные деньги раскопщика, если он достаточно богат, или

на чужие, если ему удастся уговорить людей их пожертвовать, а ему остается лишь наслаждаться жизнью в прекрасном зимнем климате и платить артели местных рабочих, чтобы они находили для него вещи. За это мнение во многом ответствен археолог-любитель — человек, который редко что-нибудь делает своими руками и сплошь и рядом отсутствует в ту минуту, когда совершается само открытие. Жизнь серьезного руководителя раскопок часто однообразна и, как я надеюсь показать в следующей главе, полна труда не меньше, чем жизнь любого другого члена общества.

Таблица XXXIII. Древности под охраной везут в лабораторию

Я написал на эту тему больше, чем намеревался, но для нас это поистине очень серьезное дело. В этой гробнице нам выпала такая возможность, какой не было еще ни у одного археолога, но если мы хотим использовать ее сполна — а не сумей мы этого, мы

заслужим справедливый упрек всех будущих поколений археологов, — совершенно необходимо, чтобы нам дали вести работу без помех. Ведь не все наши посетители увлечены археологией или хотя бы немного ею интересуются. Слишком многих приводит простое любопытство или, хуже того, желание посетить гробницу потому, что так принято. Им хочется иметь возможность пространно рассказывать о ней друзьям дома или похвалиться перед менее удачливыми туристами, которым не удалось раздобыть рекомендацию. Можете ли вы представить себе что-нибудь более досадное, чем, целиком погрузившись в трудную задачу, отдать полчаса драгоценного времени посетителю, который пустил в ход все мыслимые связи, чтобы добиться допуска, а затем услышать, как он, уходя, вполне внятно говорит: «Ну, в конце концов, смотреть-то было особенно не на что»? Так и случилось прошлой зимой — и не однажды.

В предстоящем сезоне смотреть посетителям будет, во всяком случае, гораздо меньше. Попасть в погребальную камеру будет совершенно невозможно, ибо каждый свободный дюйм пространства займут леса, а разборка ковчега, часть за частью, будет слишком тонким делом, чтобы допускать помехи. В лаборатории мы предполагаем заниматься одновременно только одним предметом, который будет упакован и отправлен, как только мы с ним закончим. Шесть витрин с предметами из гробницы уже выставлены в Каирском музее, и мы горячо просим путешественников в Египет довольствоваться ими и тем, что можно увидеть снаружи гробницы, и не стремиться непременно попасть в саму гробницу. Те, кто по-настоящему интересуется археологией ради нее самой, первыми поймут, что просьба эта разумна. Что же до остальных, кому любопытно лишь мимоходом, кто смотрит на гробницу как на одно из зрелищ, а на Тутанхамона

— просто как на тему для разговора, то особых прав в этом деле у них нет, и считаться с их желаниями мы не обязаны. Каковы бы ни были наши открытия в следующем сезоне, мы надеемся, что нам позволят заниматься ими надлежащим образом и с подобающим достоинством.

ГЛАВА X. РАБОТА В ЛАБОРАТОРИИ

✦

Эта глава посвящается тем — а их много, — кто думает, будто руководитель раскопок проводит время, греясь на солнце, приятно развлекаясь видом того, как на него работают другие, а от скуки его время от времени избавляют корзины, полные прекрасных древностей, которые поднимают ему посмотреть из недр земли. На деле жизнь его совсем иная, и так как мало кто знает ее подробности, стоит дать здесь общий ее очерк, прежде чем перейти к лабораторной работе прошлого сезона. Заодно это поможет объяснить, почему эта тщательная лабораторная работа была необходима.

Прежде всего надо ясно понять, что никогда не бывает и речи о том, чтобы руководителю раскопок приносили посмотреть корзины с предметами: первое и самое важное правило раскопок состоит в том, что археолог должен извлечь из земли каждую древность собственными руками. Слишком многое от этого зависит. Не говоря уже о вреде, который могут причинить неловкие пальцы, очень важно увидеть предмет на месте, *in situ*, чтобы извлечь все возможные свидетельства из положения, в котором он лежит, и из его связи с соседними предметами. Например, здесь вполне могут оказаться данные для датировки. Сколько вещей хранится в музеях с расплывчатыми ярлыками вроде «вероятно, Среднее царство», а ведь по предметам, вместе с которыми их нашли, их легко можно было бы точно отнести к той династии, к которой они принадлежат, или даже к царствованию определенного царя. Кроме того, нужно будет закрепить

свидетельства о расположении — свидетельства, которые могут показать, для чего был сделан тот или иной предмет, или дать подробности для его окончательного восстановления.

Возьмем, к примеру, мелкие обломки зазубренного кремня, которые в огромных количествах находят на местах городов Среднего царства. Мы можем догадаться об их назначении, и с ярлыком «кремни от серпов» они составляют небезынтересный музейный материал. А теперь найдите, как это удалось мне, целый серп, лежащий в земле, причем его деревянные части в таком состоянии, что одно прикосновение уничтожит всякий след того, что это вообще был серп. Перед вами два пути. Осторожным обращением и с помощью укрепляющих составов вы, может быть, сумеете извлечь серп из земли целым или, если он для этого слишком разрушен, по крайней мере снимете размеры и сделаете записи, которые позволят вам изготовить дерево заново. В обоих случаях вы получаете цельный музейный предмет, который для археологии стоит в тысячу раз больше горсти разрозненных кремневых обломков, доставшихся бы вам иначе. Это простой пример важности полевых свидетельств; другие, более разительные примеры нам предстоит привести, когда мы перейдем к разным видам материала.

Еще одно, прежде чем идти дальше. Отмечая точное положение предмета или группы предметов, нередко можно получить данные, которые позволят найти подобные предметы в другом месте. Хороший пример — закладные клады. При каждой постройке закладные клады располагались по определенной системе, и, найдя один, нетрудно указать, где искать остальные.

Итак, руководитель раскопок должен видеть каждый предмет на месте, должен сделать тщательные записи, прежде чем его сдвинут, и, если нужно, тут же применить укрепляющую

обработку. Очевидно, при таких условиях вам совершенно необходимо не отрываться от своих раскопок. О поездках для отдыха и выходных днях не может быть и речи. Пока работа идет, вы должны весь день находиться на месте и быть доступны в любой час. Ваши рабочие должны в любую минуту знать, где вас найти, и совершенно ясно понимать, что весть о находке надо передать вам без малейшего промедления.

При важном открытии вы, вероятно, узнаете, что что-то случилось, еще до того, как вам доложат, ибо — особенно в Египте — весть разнесется почти мгновенно и окажет любопытное психологическое действие на всю вашу артель рабочих. Они станут работать иначе — не обязательно усерднее, но иначе, и гораздо молчаливее. Обычные рабочие песни смолкнут. О находке поменьше вы часто догадаетесь заранее по поведению того, кто несет весть. Ничто не заставит его подойти прямо к вам и открыто сказать, что он нашел. Он во что бы то ни стало должен сделать из этого тайну, а потому держится поблизости с весьма многозначительным видом, тем самым оповещая всех вокруг о том, что случилось, а в конце концов привлекает к себе еще больше внимания, отзывая вас в сторону и сообщая новость шепотом. Даже тогда трудно добиться от него чего-нибудь, кроме самых смутных сведений, и, вероятно, лишь дойдя до самого места, вы точно узнаете, что найдено. Во многом это объясняется тем, что египтянин любит таинственность ради нее самой. Тот же человек при первой возможности расскажет друзьям все о находке, но по правилам игры полагается делать вид, будто в ту минуту они ничего не должны о ней знать. Отчасти же — волнением. Не то чтобы его по-настоящему занимали сами предметы: он смотрит на них как на своего рода лотерею. Большинство руководителей раскопок работает по системе,

известной как бакшиш, то есть платит рабочим сверх жалованья вознаграждение за всякую находку. Порядок этот не идеален, но у него два преимущества: он помогает обеспечить сохранность предметов, особенно мелких, которые легко спрятать и которые могут оказаться для вас всего ценнее для датировки; и он делает людей усерднее в работе и бережнее в том, как они ее выполняют, поскольку награда дается больше за бережное обращение, чем за ценность предмета.

По этим и многим другим причинам, которые можно было бы назвать, вам совершенно необходимо держаться поближе к работе, и, даже если в данную минуту ничего не находят, времени для праздности у вас будет немного. Начать с того, что каждую гробницу, каждую постройку, даже каждую разрушенную стену нужно занести в записи, а если вы имеете дело с шахтными гробницами, это может потребовать немалых гимнастических упражнений. Глубина шахт бывает от десяти до ста двадцати футов, и однажды я подсчитал, что за один сезон поднялся, перехватывая руками, на полмили по канату. Затем фотография. Каждый предмет, имеющий хоть какую-то археологическую ценность, нужно сфотографировать, прежде чем его сдвинут, а во многих случаях приходится делать серию снимков, чтобы отметить разные стадии расчистки. Многие из этих снимков никогда не понадобятся, но заранее никогда нельзя знать, не возникнет ли какой-нибудь вопрос, при котором, казалось бы, бесполезный негатив станет свидетельством величайшей ценности. Фотография совершенно необходима во всех отношениях, и это, пожалуй, самая требовательная из всех обязанностей руководителя раскопок. На одной работе мне случалось за один день сделать и проявить целых пятьдесят негативов.

Всякий раз, когда возможно, эти особые отрасли работы — съемку плана и фотографию — следует поручать отдельным знатокам. Тогда у руководителя появится время посвятить себя тому, что можно назвать тонкостями раскопок. Он сможет, как выразился один мой собрат-раскопщик, «поиграть со своей работой». На всяких раскопках постоянно возникают загадки и задачи, и только постоянно обходя место, рассматривая его со всех точек зрения и изучая при всяком освещении, можно прийти к решению некоторых из них. Смысл сочетания стен, свидетельства перестройки здания или изменения замысла первоначального зодчего, значение перепада уровней там, где остатки позднего времени легли поверх остатков более раннего, смысл какой-нибудь особенности в поверхностном мусоре или в напластованиях холма — эти и десятки других вопросов встают перед руководителем раскопок, и от его умения ответить на них зависит, состоится ли он как археолог.

Кроме того, освободившись от труда по съемке и фотографии, он сможет уделить больше времени и мысли общей организации работы и тем самым добиться значительной экономии и времени, и денег. Не одна сотня фунтов была потрачена впустую из-за отсутствия системы, и не одному руководителю раскопок пришлось расчищать собственные отвалы, потому что он с самого начала не проявил небольшой предусмотрительности. Вопрос о распределении рабочих требует тщательного внимания, и больших потерь труда можно избежать, перемещая людей с места на место точно тогда и туда, где они нужны, и никогда не оставляя на каком-либо участке больше людей, чем действительно нужно, чтобы работа шла гладко. Число рабочих, за которыми руководитель раскопок может уследить в одиночку, зависит, естественно, от условий работы. На большом и более или менее

малонаходочном деле, например при расчистке пирамиды, он может присматривать почти за любым числом людей. На скальных гробницах он сможет, пожалуй, поспевать за пятьюдесятью; на неглубоких же погребениях — например, на додинастическом кладбище — и десяток рабочих будет держать его в постоянном напряжении. Число людей, которых можно занять, зависит также во многом от типа памятника и строения местности, где ведутся раскопки.

Вот что касается работы под открытым небом, собственно ведения раскопок. Есть множество и других дел, и свободные часы и вечера у руководителя будут очень плотно заняты, если он хочет не отставать от своей работы. Его записи, текущие планы и регистрация предметов должны вестись без всякого отставания. Надо проявить снимки, сделать отпечатки и вести реестр как негативов, так и отпечатков. Будут сломанные предметы, которые надо починить, предметы в хрупком состоянии, которые надо обработать, восстановления, которые надо обдумать, и бусы, которые надо нанизать заново. Затем идет съемка в помещении, ибо каждый отдельный предмет нужно сфотографировать в масштабе, а в некоторых случаях — с нескольких точек. Список можно было бы продолжать почти бесконечно, и в него вошел бы ряд дел, которые, казалось бы, имеют к археологии самое отдаленное отношение, — например, ведение счетов, лечение рабочих и улаживание их споров. У рабочих, естественно, один выходной день в неделю, и руководитель раскопок, весьма вероятно, начнет сезон с мыслью, что и он будет отдыхать раз в неделю. Обычно ему приходится отказаться от этой мысли после первой же недели, ибо он увидит в свободном дне слишком хорошую возможность нагнать множество дел, которые от него убежали вперед, чтобы ее упустить.

Такова в общих чертах жизнь руководителя раскопок. Есть некоторые подробности его работы, особенно касающиеся записей и первой помощи по сохранению разных видов предметов, на которых нам хотелось бы остановиться несколько подробнее. Об этих вещах обычный читатель, вероятно, знает мало, а наше описание лабораторной работы прошлого сезона хорошо их покажет.

Дерево, например, редко бывает в хорошем состоянии и ставит много задач. Главные его враги — сырость и термиты, и при неблагоприятных условиях от дерева не останется ничего, кроме кучки черной пыли или оболочки, которая рассыпается от прикосновения. В первом случае самое большее, что вы можете сделать, — отметить в записях, что здесь было дерево, но во втором обычно удается извлечь кое-какие сведения. Размеры, безусловно, можно снять; а написанные краской остатки надписи, которая может сообщить вам имя владельца предмета и которую стерло бы одно дуновение ветра или одно прикосновение к поверхности, можно скопировать, если взяться за дело без промедления. Бывают, далее, случаи, когда деревянная рама или основа предмета истлела, оставив рассыпанные остатки украшения — слоновой кости, золота, фаянса или чего-нибудь еще, — которое первоначально покрывало его поверхность. Тщательно записав точное взаимное положение этих осыпавшихся украшений, а затем подогнав и сложив их, часто можно установить точный размер и форму предмета. Затем, наложив подлинное украшение на новую деревянную основу, вы получите вместо разрозненного собрания обломков слоновой кости, золота и фаянса, ни на что не пригодных, предмет, который во всех практических отношениях не хуже нового. Сохранить дерево, если только оно не дошло до самой последней стадии

разрушения, всегда возможно, пропитав его расплавленным парафином; так предмет, который иначе распался бы на куски, можно сделать совершенно прочным и годным к тому, чтобы брать его в руки.

Состояние дерева, естественно, зависит от места, и, к нашему счастью, Луксор в этом отношении, пожалуй, самое благоприятное место во всем Египте. С деревом из нашей гробницы у нас были затруднения, но вызваны они были не тем состоянием, в каком мы его нашли, а последующей усушкой из-за перемены воздуха. Для предмета из простого дерева это не так страшно, но египтяне очень любили покрывать дерево тонким слоем левкаса и по этой подготовленной поверхности писать сцены или накладывать тонкую золотую фольгу. Естественно, по мере того как дерево усыхало, покров левкаса начинал отставать и коробиться, и возникала немалая опасность потерять большие участки поверхности. Задача эта трудная. Закрепить краску или золотую фольгу на левкасе совсем нетрудно, но обычные укрепляющие составы не прикрепят левкас к дереву. И здесь, как мы покажем, мы в конце концов прибегли к парафину.

Состояние тканей бывает разным. Иногда ткань так прочна, словно только что сошла со станка, а иногда сырость превратила ее почти в подобие сажи. В нашей гробнице обращаться с тканями было значительно труднее и из-за грубого обращения, которому они подверглись, и из-за того, что очень многие одежды были покрыты украшениями из золотых розеток и бисерного шитья.

Изделия из бус сами по себе представляют сложную задачу, и, пожалуй, ни один другой материал, с которым приходится иметь дело руководителю раскопок, не испытывает его терпения так сильно. Их так много. Египтяне страстно любили бусы, и вовсе не редкость найти на одной мумии убор, состоящий из нескольких

ожерелий, двух-трех ожерелий-воротников, одного-двух поясов и полного набора браслетов для рук и для ног. В таком случае использованы многие тысячи бусин. Вот здесь и испытывается терпение, ибо при извлечении и восстановлении этих изделий каждую бусину придется взять в руки по меньшей мере дважды. Чтобы установить первоначальное расположение бусин, нужна очень тщательная работа. Нити, скреплявшие их, все истлели, но тем не менее бусины по большей части лежат в правильном взаимном положении, и, осторожно сдувая пыль, можно проследить ожерелье или воротник по всей длине и установить точный порядок бусин. Нанизывать заново можно прямо на месте, по мере того как открывается каждый участок, — на многорядном поясе у меня однажды работали одновременно двенадцать иголок с нитками, — или, что еще лучше, бусины можно переносить одну за другой на кусок картона, покрытый тонким слоем пластилина. Преимущество этого способа в том, что для недостающих или сомнительно расположенных бусин можно оставлять промежутки нужной длины.

В очень сложных предметах, где невозможно нанизывать бусины по мере того, как их находят, надо делать тщательные записи, а перенизывать позднее — не в точном порядке, бусина за бусиной, а по первоначальному узору и замыслу. Кропотливым делом будет эта перенизка, и, вероятно, понадобится немало опытов, прежде чем вы найдете верный способ справиться с той или иной задачей. В воротнике, например, может понадобиться по три самостоятельные нити на каждую бусину, чтобы ряды ровно лежали на месте. Чтобы восстановить предмет, иногда приходится восполнять недостающие или сломанные части. Однажды я нашел набор браслетов для рук и ног, в которых ряды бусин разделялись просверленными брусочками из дерева, обтянутыми золотой

фольгой. Дерево этих разделителей совсем истлело, оставив оболочки из золотой фольги; тогда я вырезал новые кусочки дерева по форме, прожег в них отверстия раскаленной докрасна иглой и обтянул новые брусочки подлинным золотом. Такие восстановления, основанные на действительных данных, вполне законны и стоят затраченного труда. Вы получите для своего музея вместо подноса бусин, ни о чем не говорящих, или, что еще хуже, совершенно произвольного и вымышленного восстановления предмет, привлекательный сам по себе и обладающий весьма значительной археологической ценностью.

С папирусом часто трудно обращаться, и при его обработке натворено больше бед, чем в любой другой области археологии. Если он в довольно хорошем состоянии, его нужно на несколько часов завернуть во влажную ткань, после чего его легко распрямить под стеклом. За рваные и ломкие свитки, которые при развертывании наверняка распадутся на множество мелких кусков, никогда не следует браться, если у вас нет вдоволь времени и места. Тщательная и последовательная работа обеспечит верное размещение почти всех обрывков, тогда как беспорядочная сортировка, которую ведут урывками между другими делами и, быть может, разные руки, никогда не даст удовлетворительного результата и может кончиться уничтожением многих ценных свидетельств. Если бы, например, Туринский папирус при находке обработали бережно, сколько сведений он дал бы нам и от скольких огорчений мы были бы избавлены!

Камень в поле, как правило, почти не доставляет трудностей. Известняк, несомненно, содержит соль, которую нужно из него вымочить, но этой задачей можно заняться позднее, в музее, и здесь на ней задерживаться незачем. Точно так же предметы из

фаянса, глиняные сосуды и металлические вещи обычно можно оставить для позднейшей обработки. Нас здесь занимает только работа, которую необходимо выполнить на месте.

На каждой стадии этой предварительной работы надо делать подробные и обильные записи. Трудно сделать их слишком много, ибо, хотя что-то может быть вполне ясно вам в данную минуту, из этого вовсе не следует, что оно останется ясным, когда придет время разбирать материал. При работе в гробнице как можно больше записей следует сделать, пока все еще лежит на месте. Затем, когда вы начинаете расчистку, карточка и карандаш должны быть под рукой, и каждое новое свидетельство нужно записывать, как только вы на него наткнетесь. Так часто тянет отложить запись, пока не закончишь работу, которой занят, но это опасно. Что-нибудь помешает, и весьма вероятно, что именно эта запись так и не будет сделана.

Теперь перейдем в лабораторию и применим на деле кое-что из того, о чем мы рассуждали. Читатель помнит, что для нас была выбрана гробница Сети II (№ 15 по списку гробниц Уилкинсона), и здесь мы обосновались со своими карточками для записей и укрепляющими составами. Гробница была длинная и узкая, так что для работы годился только первый отсек, а внутренняя, более темная часть служила лишь складом. Поступавшие предметы оставляли, не снимая с носилок, в средней части и накрывали, пока они не понадобятся. Каждый по очереди переносили в рабочий отсек для осмотра. Там, после того как с поверхности сметали пыль, на карточки заносили размеры, полные археологические записи и копии надписей. Затем следовали необходимая починка и укрепляющая обработка, после чего предмет выносили прямо за вход, чтобы сделать масштабные

снимки. Наконец, пройдя все эти стадии, предмет убирали в самую глубь гробницы ожидать окончательной упаковки.

В большинстве случаев окончательной обработки не предпринимали. Это было явно невозможно, ибо, чтобы использовать материал полностью, потребуются месяцы, а вероятно, и годы восстановительной работы. Все, что мы могли здесь сделать, — это провести предварительную обработку, во всяком случае достаточную, чтобы предмет мог без опасности перенести дорогу. Окончательные восстановления придется делать в музее, и для них нужны гораздо лучше оснащенная лаборатория и гораздо больший штат опытных помощников, чем мы когда-либо могли бы надеяться собрать в Долине царей.

По мере того как сезон продвигался и лаборатория все больше заполнялась, следить за работой становилось все труднее, и только пристальное внимание к мелочам и строгое соблюдение вполне определенного порядка действий позволили нам избежать путаницы. Как только поступал предмет, его регистрационный номер отмечали в книге поступлений, и в той же книге вели запись последовательных стадий его обработки. Каждый из основных предметов получил свой регистрационный номер еще в гробнице, но по мере того как их разбирали в лаборатории, понадобилась сложная система дополнительной нумерации. Ящик, например, мог содержать пятьдесят предметов, каждый из которых всегда должен был быть ясно опознаваем, и их мы различали буквами алфавита или, где нужно, сочетаниями букв. Требовалась постоянная осторожность, чтобы эти более мелкие предметы не разлучались со своими ярлыками, особенно когда обработка затягивалась. Нередко случалось, что составные части одного предмета, разбросанные по гробнице, были записаны под двумя или более номерами, и тогда в записях были

нужны перекрестные ссылки. Заполненные карточки раскладывали по картотечным шкафам, и в этих шкафах к концу сезона у нас была полная история каждого предмета из гробницы, включая:

(1) Размеры, масштабные чертежи и археологические записи.

(2) Записи о надписях, сделанные доктором Аланом Гардинером.

(3) Записи Лукаса о примененной укрепляющей обработке.

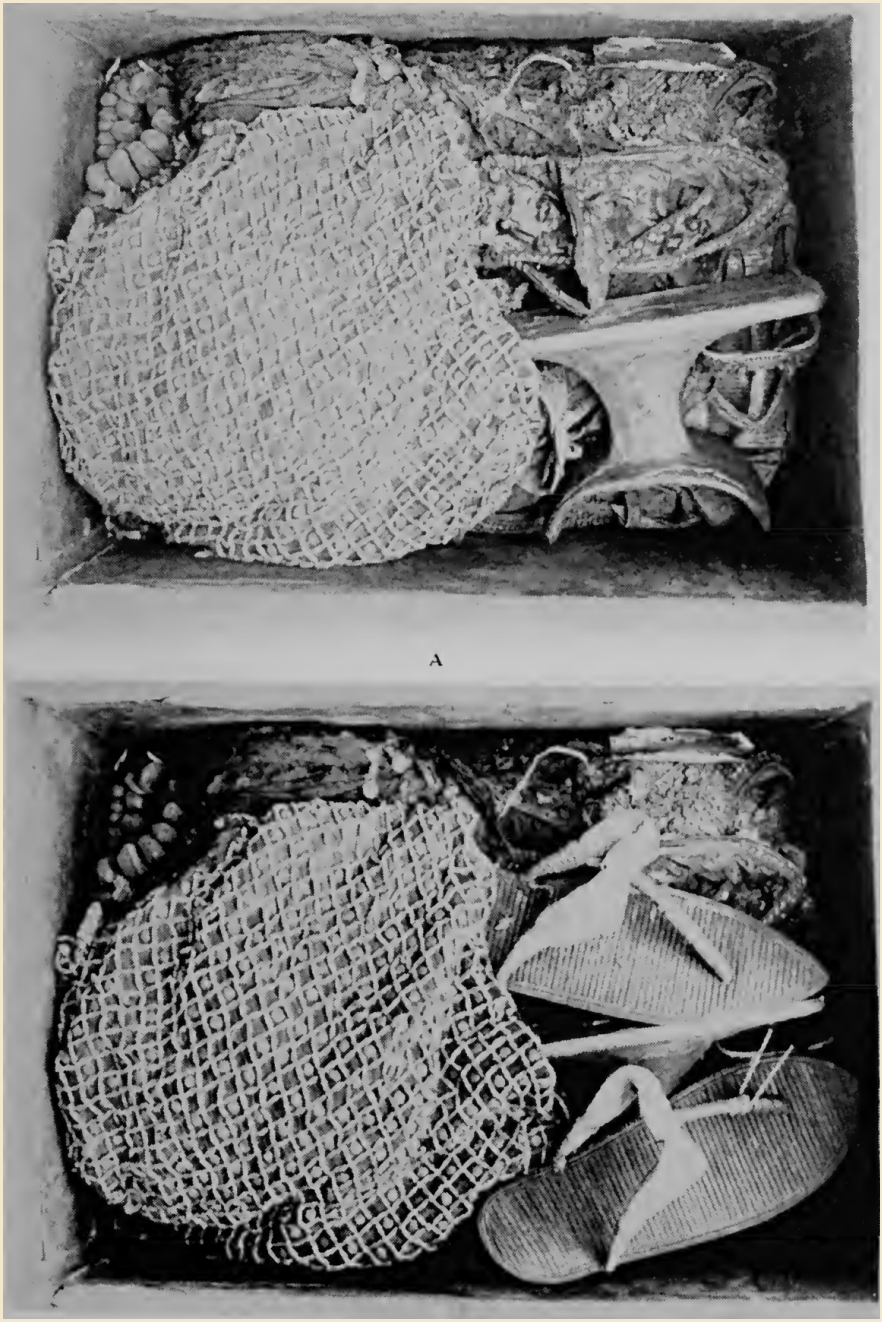
(4) Фотографию, показывающую положение предмета в гробнице.

(5) Масштабную фотографию или серию фотографий самого предмета.

(6) Для ящиков — серию снимков, показывающих разные стадии их разборки.

Такова наша система работы. Обратимся теперь к обработке некоторых отдельных древностей. Первым предметом, потребовавшим обработки в лаборатории, был чудесный расписной ларец (№ 21 по нашему реестру), и, обыщи мы всю гробницу, нам трудно было бы найти хоть один предмет, ставивший больше задач. Поэтому стоит подробно описать его обработку. Прежде всего мы позаботились о самом ларце, покрытом левкасом и сверху донизу расписанном яркими сценами. Если не считать небольшого расширения стыков из-за усушки, дерево было в превосходном состоянии; левкас немного откололся по углам и вдоль трещин, но в целом держался довольно прочно, а краска, хотя местами слегка потускнела, держалась совершенно крепко и нигде не стерлась. Казалось, обработки требовалось совсем немного. Пыль с поверхности удалили, потускнение расписных поверхностей уменьшили бензином, а весь ларец снаружи опрыскали раствором целлулоида

в амилацетате, чтобы прикрепить левкас к дереву, уделив особое внимание слабым местам у трещин. В ту минуту казалось, что больше ничего и не нужно, но это было наше первое знакомство с сочетанием дерева и левкаса из этой гробницы, и нам предстояло разочароваться. Недели через три-четыре мы заметили, что щели в стыках становятся шире, а левкас в других местах начинает коробиться. Что происходит, было вполне ясно. Из-за перемены температуры — от спертого, влажного воздуха гробницы к сухому, продуваемому воздуху лаборатории — дерево снова начало усыхать, а левкас, не поспевая за ним, стал совсем отходить от дерева. Положение было серьезное, ибо нам грозила потеря больших участков росписи. Понадобились решительные меры, и после долгого обсуждения мы решили применить расплавленный парафин. Чтобы сделать этот шаг, требовалась смелость, но результат вполне нас оправдал: парафин проник в материалы и все прочно скрепил, и краски не только не пострадали, как мы опасались, но, казалось, стали даже ярче прежнего. Позднее мы применили этот способ к ряду других предметов из дерева и левкаса и нашли его чрезвычайно удачным. Важно, чтобы поверхность была нагрета, а парафин доведен как можно ближе к точке кипения; иначе он застынет и не проникнет внутрь. За неимением печи мы нашли, что египетское солнце для этого достаточно горячо. Излишек парафина можно удалить нагреванием или бензином. У этого способа есть и другое преимущество: вздутия левкаса можно прижать на место, пока парафин еще теплый, и они будут держаться совершенно прочно. В очень тяжелых случаях может понадобиться заполнить вздутие сзади горячим парафином с помощью пипетки.

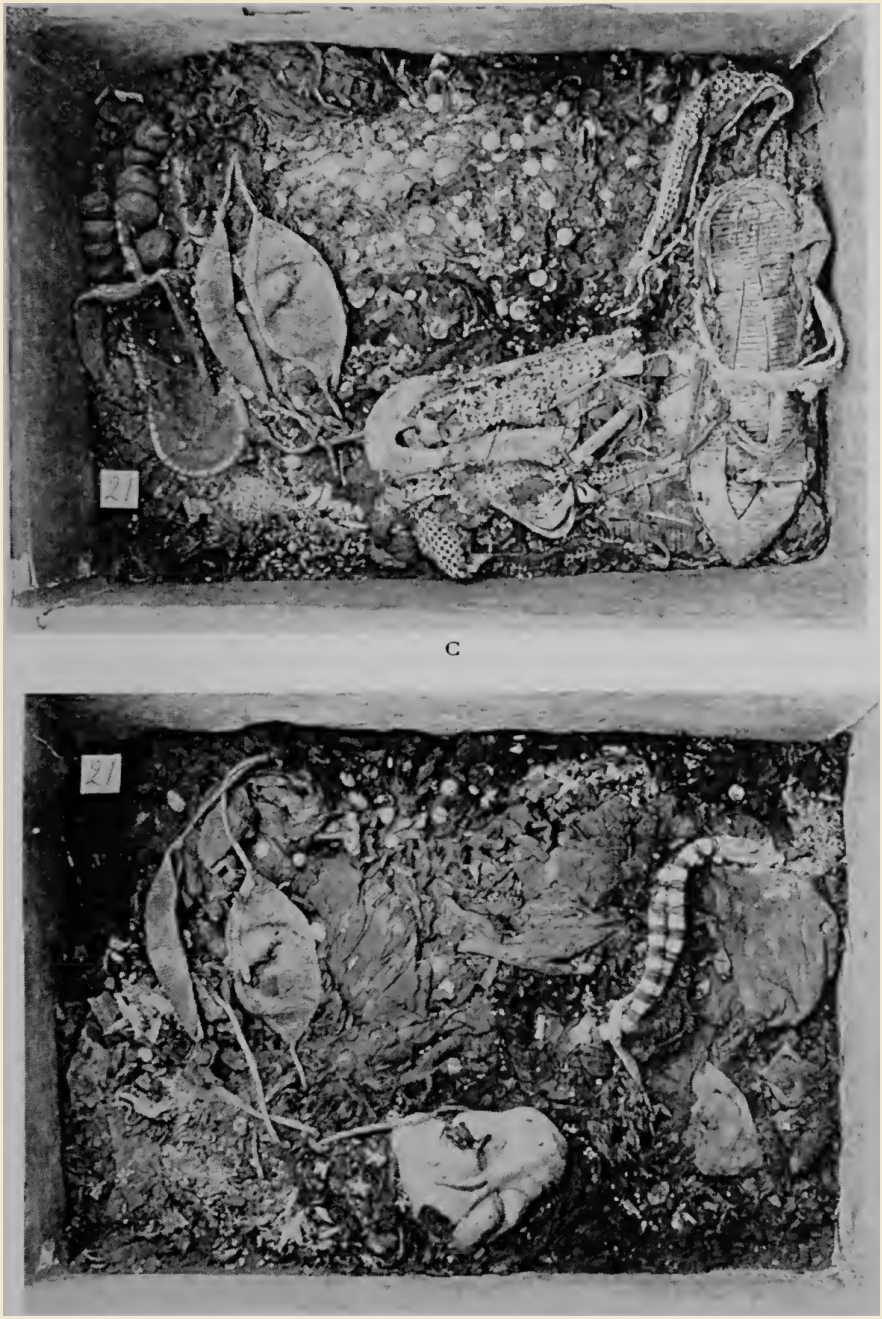

A

Таблица XXXIV. Расписной ларец № 21. Серия снимков, показывающая разборку: первая (A) и вторая (B) стадии

Вот что касается наружной стороны ларца. Теперь снимем крышку и посмотрим, что приготовила нам его внутренность. Это волнующая минута, ибо прекрасные вещи здесь повсюду, а из-за поспешной переукладки, которую провели чиновники, ничто не предупреждает заранее, каким может оказаться содержимое того или иного ящика. В данном случае читатель сам может проследить последовательные стадии расчистки по четырем снимкам на таблицах XXXIV и XXXV, и он получит некоторое представление о том, как трудно было обращаться с материалом, если я скажу, что мне понадобилось три недели упорной работы, чтобы добраться до дна ящика. Первый снимок был сделан сразу после того, как сняли крышку, прежде чем к чему-либо прикоснулись. Справа — пара сандалий из тростника и папируса в превосходном состоянии; под ними, едва видный, позолоченный подголовник, а еще ниже — беспорядочная масса ткани, кожи и золота, в которой мы пока ничего не можем разобрать. Слева, скомканное в узел, лежит великолепное царское одеяние, а в верхнем углу — грубо обработанные бусины из темной смолы. Именно одеяние поставило перед нами первую задачу, задачу, которой предстояло возникать снова и снова, — как лучше всего обращаться с тканью, которая рассыпается от прикосновения и при этом покрыта сложным и тяжелым украшением. В данном случае вся поверхность одеяния покрыта сеткой из фаянсовых бусин, и каждая вторая клетка сетки заполнена золотой блесткой. Все это — бусины и блестки — первоначально было нашито на ткань, но теперь держится свободно. Очень многие из них лежат перевернутыми: очевидно, когда нить лопнула, натяжение

ослабло и они подскочили. По краям одеяния — они внизу и на снимке не видны — идут полосы мелкого разноцветного стеклянного бисера, уложенного узорами. Верхний слой ткани был очень обманчив на вид. Он казался довольно прочным, но, если попытаться его поднять, распадался в руке на куски. Ниже, где ткань соприкасалась с другими вещами, состояние было гораздо хуже.

C

Таблица XXXV. Расписной ларец № 21. Серия снимков, показывающая разборку: третья (C) и четвертая (D) стадии

Этот вопрос о ткани и ее обработке в нашей гробнице чрезвычайно осложнялся грубым обращением, которому она подверглась. Будь она разостлана ровно или аккуратно сложена, справиться с ней было бы сравнительно просто. По правде говоря, нам было бы даже легче, если бы ее оставили разбросанной по полу камеры, как бросили ее грабители. Для наших целей ничего не могло быть хуже того, что с ней сделали при наведении порядка: разные одежды смяли, скомкали, переложили одну в другую и плотно набили в ящики вперемешку с другими, порой совсем неподходящими предметами.

С этим одеянием было бы совершенно просто сделать прочным весь верхний слой и извлечь его одним куском, но против такого способа были серьезные возражения. Во-первых, он таил в себе некоторую опасность для того, что могло лежать ниже, ибо при разборке этих ящиков нам приходилось постоянно быть настороже, чтобы, увлекшись обработкой или извлечением одного предмета, не повредить другой, еще более ценный, лежащий под ним. Кроме того, сделав прочной верхнюю часть одеяния, мы сильно уменьшили бы надежду извлечь данные о его размере и покрое, не говоря уже о подробностях украшения. Со всеми этими одеяниями перед нами стоял выбор из двух возможностей. Чем-то приходилось пожертвовать, и надо было решить, чем — тканью или украшением. С помощью укрепляющих составов вполне можно было сохранить большие куски ткани, но при этом мы неизбежно сместили бы и повредили бисерное украшение, лежавшее ниже. С другой стороны, пожертвовав тканью и осторожно выбирая ее кусок за куском, мы

могли, как правило, восстановить всю схему украшения. Этому способу мы обычно и следовали. Позднее, в музее, можно будет сделать новую одежду точного размера, на которую нанесут подлинное украшение — бисерное шитье, золотые блестки или что бы то ни было. Такие восстановления будут гораздо полезнее и гораздо ценнее для археологии, чем несколько бесформенных кусков сохраненной ткани и горсть рассыпанных бусин и блесток.

(A) The buckle of sandal (B) in elaborate gold work.

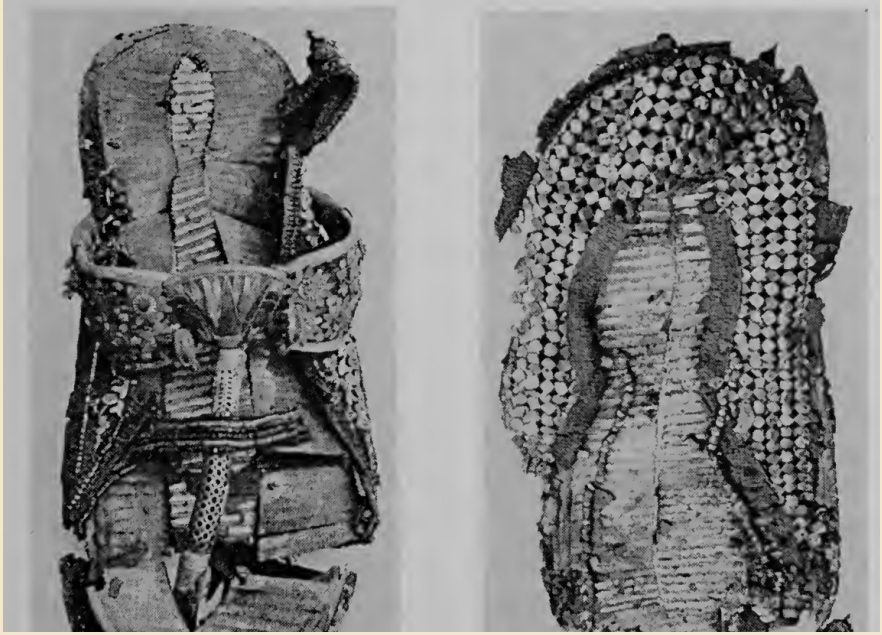

Таблица XXXVI. Парадные сандалия и туфля царя. (A) Пряжка сандалии (B) тонкой работы из золота. (B) Сандалия с ремешком для пальцев из ажурного золота. (C) Кожаная туфля с богатым золотым украшением

Размер одеяния из этого ларца можно довольно точно вычислить по украшению. У нижнего подола шла полоса из мелких бусин, уложенных узором, — узором, все подробности которого нам удалось точно установить. С этой полосы через равные промежутки свисал ряд бисерных нитей с большой подвеской на конце каждой. Таким образом, окружность подола можно вычислить, умножив расстояние между нитями на число подвесок. Это дает нам ширину одеяния. Далее можно вычислить общую площадь украшения по числу использованных золотых блесток и, разделив эту площадь на известную нам окружность внизу, получить довольно точное приближение к высоте. Это, естественно, предполагает, что одеяние везде одной ширины, — такой покрой подтверждается рядом неукрашенных одежд, точные размеры которых нам удалось снять.

Это было длинное отступление, но оно было необходимо, чтобы показать, с какой задачей нам пришлось иметь дело. Теперь можно вернуться к ларцу и по-настоящему приняться за его содержимое. Прежде всего мы вынули тростниковые сандалии, которые были в прекрасном, прочном состоянии и не доставили никаких трудностей (таблица XXXIV, B). Затем настал черед позолоченного подголовника, а потом, очень осторожно, мы извлекли одеяние. Одну большую часть его верхней поверхности нам удалось вынуть целиком с помощью раствора целлулоида, а короткие отрезки полос украшения из мелкого бисера мы

сохранили в парафине для будущих справок. Третий снимок (таблица XXXV, C) показывает то, что можно назвать вторым слоем содержимого ларца. Здесь прежде всего были три пары сандалий, вернее, если быть точным, две пары сандалий и пара туфель. Они были кожаные, богато украшенные золотом и удивительной работы (две из них показаны на таблице XXXVI). К несчастью, их состояние оставляло желать лучшего. Прежде всего они пострадали от укладки, а хуже того — часть кожи расплавилась и растеклась, склеив сандалии между собой и прикрепив их к другим предметам, так что извлечь их из ящика было чрезвычайно трудно. Погибло столько кожи, что вопрос о восстановлении стал серьезной задачей. Сохранившееся на месте золотое украшение мы закрепили раствором канадского бальзама и, сколько могли, укрепили сандалии в целом, но в конце концов, вероятно, лучше будет сделать новые сандалии и нанести на них старое украшение.

Под сандалиями лежала масса истлевшей ткани, большей частью похожей на сажу, густо усыпанной розетками и блестками из золота и серебра. Это, как ни грустно, остатки нескольких царских одеяний. Легко представить, как трудно было извлечь из нее хоть какие-то внятные данные, но некоторую помощь оказали различия в размере и форме блесток. Одежд было по меньшей мере семь. Одна — плащ из ткани в подражание шкуре леопарда, с позолоченной головой и серебряными пятнами и когтями (*см.* последний снимок серии, таблица XXXV, D); две другие были головными уборами в виде соколов с распростертыми крыльями, того типа, что показан на таблице LXXVIII. Вместе с собственно одеждами в узел были увязаны и другие предметы — два фаянсовых ожерелья-воротничка из бусин и подвесок, две шапочки или мешочка из мелкого бисера, почти совсем

распавшиеся, деревянная бирка с иератической надписью «Папирусные (?) сандалии его величества», перчатка из простого льна, краги лучника, гобеленовая ткань из цветных нитей, двойное ожерелье из крупных плоских фаянсовых бусин (*см.* таблицу XXXV, D) и несколько льняных поясов или шарфов. Под одеждами лежал слой свертков и подушечек из ткани, часть которых были набедренными повязками, а прочие — просто бинтами; а еще ниже, на дне ящика, лежали две доски с отверстиями на одном конце для подвешивания, назначение которых до сих пор неясно.

Таблица XXXVII. Ящик № 54. Вид внутренности: разрозненные части корселета лежат на фаянсовых сосудах для возлияний

За очень немногими исключениями — тростниковые сандалии тому пример — одежда в ларце была детской. Сначала мы подумали, что царь мог хранить одежду, которую носил

мальчиком; но позднее на одном из поясов и на блестках одного из одеяний мы нашли царский картуш. Значит, он носил их, уже став царем, откуда, по-видимому, следует, что он был совсем еще мальчиком, когда взошел на престол. Другое любопытное свидетельство на этот счет дает то, что на крышке одного из других ящиков есть надпись: «Боковая прядь (?) царя, когда он был мальчиком». Вопрос этот затрагивает любопытную историческую сторону, и мы с нетерпением будем ждать, когда придет время, данных о возрасте, которые даст мумия. Во всяком случае, всякий раз, когда царь появляется на погребальной утвари, он изображен едва вышедшим из отроческих лет.

Еще одно замечание об одеяниях, найденных в этом и других ящиках. Многие из них украшены узорами из цветных льняных нитей. Некоторые из этих узоров — образцы гобеленового ткачества, подобные обрывкам, найденным в гробнице Тутмоса IV[1], но были и несомненные случаи вышивки иглой. Материал из этой гробницы будет чрезвычайно важен для истории текстильного искусства, и он требует очень тщательного изучения.

[1] Картер и Ньюберри, «Гробница Тутмоса IV», табл. I и XXVIII, № 46526–46529.

Здесь у нас не хватит места, чтобы описать разборку остальных ящиков, но все они были в таком же беспорядке, и во всех была та же странная смесь не подходящих друг к другу предметов. Во многих лежало от пятидесяти до шестидесяти отдельных вещей, и каждая требовала своей регистрационной карточки; а волнений при разборке всегда хватало, ибо никогда не знаешь, не наткнешься ли вдруг на великолепного золотого скарабея, статуэтку или прекрасное ювелирное украшение. Работа, естественно, шла медленно, ибо часами приходилось кисточкой и

мехами выяснять точный порядок и расположение воротника, ожерелья или золотых украшений, покрытых, как обычно, пылью истлевшей ткани. Воротники часто доставляли хлопоты. Всего мы нашли их восемь, из листьев и цветов, того типа, что известен по Телль-эль-Амарне, и потребовалось много осторожности и терпения, чтобы установить точное расположение разных видов подвесок. Один из них показан на таблице XXXIX: он свободно разложен на матовом стекле для съемки. Им еще нужна немалая обработка, чтобы вернуть первоначальные цвета, и придется в известной мере восстановить сломанные и недостающие части, прежде чем они будут готовы к окончательной перенизке. В одном случае нам повезло: сложное трехрядное ожерелье с позолоченной пекторалью на одном конце и подвеской-скарабеем на другом лежало плашмя на дне ящика, так что мы смогли вынуть его бусина за бусиной и тут же перенизать в точном первоначальном порядке (таблица XL).

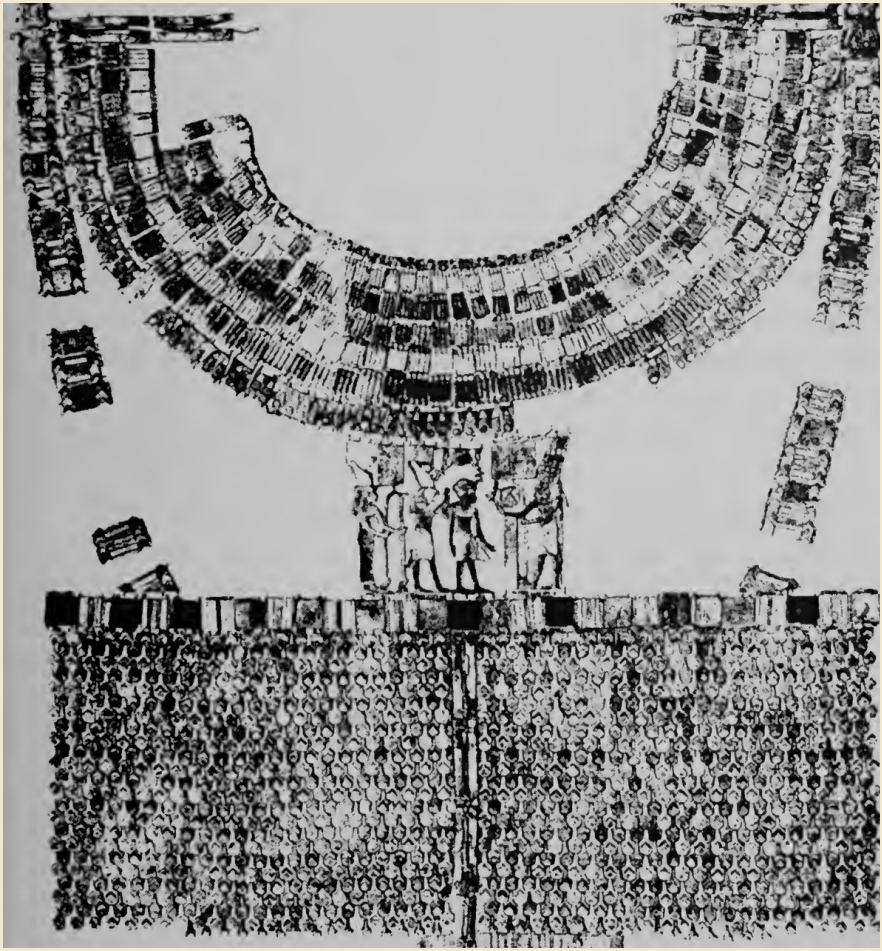

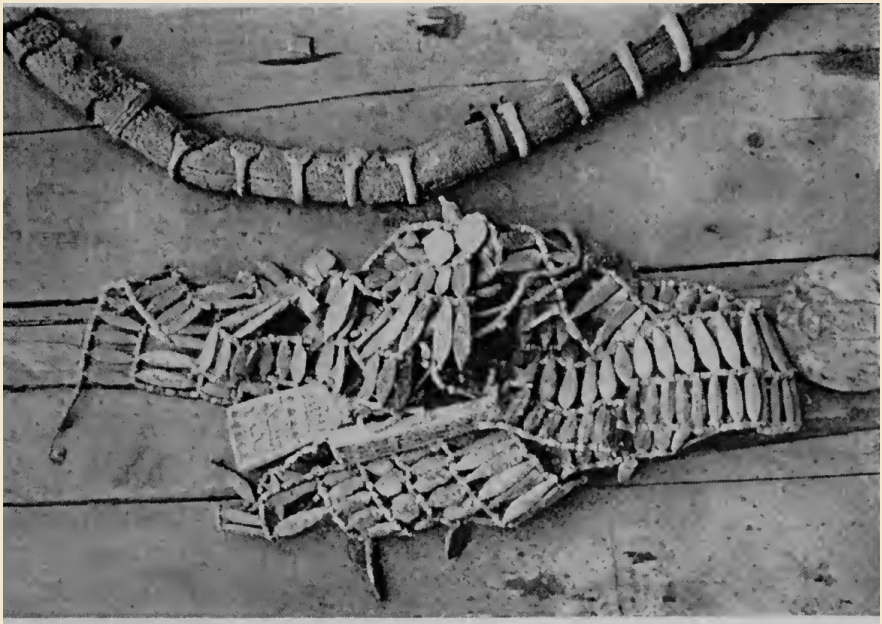
Таблица XXXVIII. Восстановление корселета

Самым сложным восстановлением, какое нам пришлось сделать, было восстановление корселета, о котором уже не раз упоминалось. Это была очень сложная вещь, состоявшая из четырех отдельных частей: собственно корселета, выложенного золотом и сердоликом, с окаймляющими полосами и наплечными лямками из золота и цветной инкрустации; воротника с условным

подражанием бусам из золота, сердолика и зеленого и голубого фаянса; и двух великолепных пекторалей из ажурного золота с цветной инкрустацией — одной для груди, другой, чтобы висеть сзади как противовес. Корселеты такого типа довольно часто изображаются на памятниках и, очевидно, нередко носились, но до сих пор нам ни разу не посчастливилось найти целый образец. К несчастью, его части были сильно разбросаны, и в восстановлении были места, в которых мы не могли быть вполне уверены. Большая часть была найдена в ящике 54, но, как мы уже говорили в главе VII, части его были также в малом золотом ковчеге и в ящиках 101 и 115, а отдельные куски нашлись разбросанными по полу передней камеры, коридора и лестницы. Было интересно выяснять, как все это сочеталось, и снимки на таблице XXXVIII показывают наше предварительное восстановление.

На таблице XXXVII мы видим собственно корселет так, как он лежал в ящике 54, на нескольких фаянсовых сосудах для возлияний. Это дало нам узор и расположение с верхней и нижней полосами из инкрустированных золотых пластинок, а также позволило установить его точную высоту в двух-трех местах и то, что высота его была не везде одинакова. Кроме того, это показало нам, что верхний ряд воротника был соединен с лямками из золотых пластинок и что золотые планки на плечах прилегали к верху лямок. Точный порядок воротника был восстановлен по частям, найденным в золотом ковчеге. Пекторали тоже лежали в золотом ковчеге, рядом с частями воротника, а что они действительно крепились к воротнику, доказал изгиб их верхних краев. Кроме плечевых, были и другие золотые планки, и просверленные в них отверстия для нитей, точно совпадающие с отверстиями в чешуйках, показали, что они должны были

принадлежать собственно корселету. Эти планки, как и плечевые, скреплялись выдвижными штифтами, которые подгоняли, когда корселет был уже надет. Наше нынешнее восстановление — чисто предварительное, собранное для съемки, но единственное действительно сомнительное место в нем — крепились ли золотые планки к переду и спинке корселета, как показано здесь, или к его бокам. Мы поместили их так потому, что планки разного размера и никаким сочетанием невозможно составить из них две равные длины, которых требовали бы бока. Перед же и спинка корселета, как нам известно, были разной длины. Ряда кусков все еще недостает, и мы надеемся, что они еще найдутся в самой внутренней камере или в боковой камере.

A

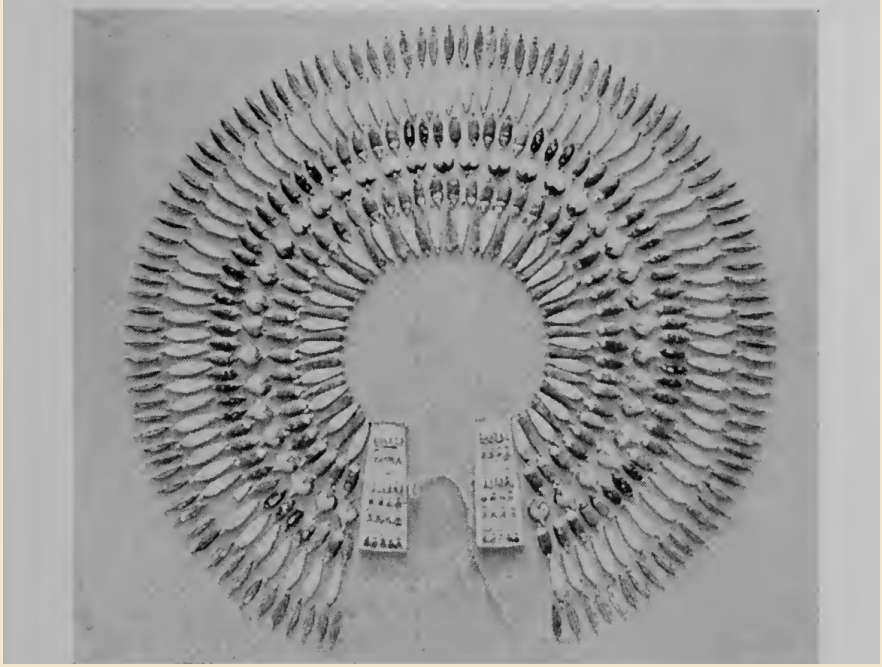

Таблица XXXIX. (A) Воротник на крышке ящика № 54. (B) Восстановленный воротник

Большая часть нашей зимней работы в лаборатории была посвящена ящикам — разборке и сортировке их беспорядочно перемешанного содержимого. С отдельными, более крупными предметами было гораздо легче. Некоторые были в очень хорошем состоянии и требовали лишь очистки поверхности и записи, но были и другие, требовавшие известного внимания, хотя бы мелкой починки, чтобы сделать их пригодными к перевозке. При всякой починке мы постоянно обращались к своему ящику с сором, сметенным с пола, — к обломкам, собранным, когда смели и просеяли последний слой пыли с пола и передней камеры, и входного коридора, — и нередко находили там кусочек инкрустации или что бы то ни было, что мы искали. За колесницы мы пока даже не пытались браться. Это придется сделать позднее в Каире, ибо они состоят из очень многих частей, и для их сортировки и обработки потребуется очень большое рабочее пространство — гораздо больше, чем мы могли бы устроить в Долине царей. Как я объяснял в начале главы, восстановление и изучение материала из этой гробницы даст работу всем нам на много лет вперед. В поле предварительная работа — это самое большее, на что мы можем надеяться.

В конце сезона встал вопрос об упаковке — всегда тревожное дело, а в этом случае вдвойне из-за огромной ценности материала. Важно было защитить предметы и от пыли, и от прямого повреждения, поэтому каждый предмет, прежде чем положить его в ящик, целиком обертывали ватой или тканью, или тем и другим. Хрупкие поверхности, такие как части трона, ножки стульев и кроватей или луки и посохи, обматывали узкими бинтами на

случай, если что-нибудь расшатается в пути. Очень хрупкие предметы вроде погребальных букетов и сандалий, которые не выдержали бы обычной упаковки, укладывали в отруби. Мы очень старались держать древности в строго разделенных группах: ткани все в одном ящике, украшения все в другом и так далее. Вполне возможно, что пройдет год или два, прежде чем некоторые ящики распакуют, и, если все предметы одного рода окажутся в одном ящике, это сбережет много времени и труда. Всего было упаковано восемьдесят девять ящиков, но, чтобы уменьшить опасность в пути, их заключили в тридцать четыре тяжелых упаковочных короба.

Затем встал вопрос о перевозке. У берега реки ждала паровая баржа, присланная Службой древностей, но между лабораторией и рекой лежали пять с половиной миль неровной дороги с неудобными поворотами и опасными уклонами. Перевезти груз можно было тремя способами — на верблюдах, на руках носильщиков и по узкоколейке Дековиля, и мы выбрали третий как наименее грозящий сотрясением коробам. Соответственно, их погрузили на несколько платформ, и к вечеру 13 мая они были готовы начать путь вниз по Долине — по той дороге, по которой они уже прошли, при совсем иных обстоятельствах, три тысячи лет назад.

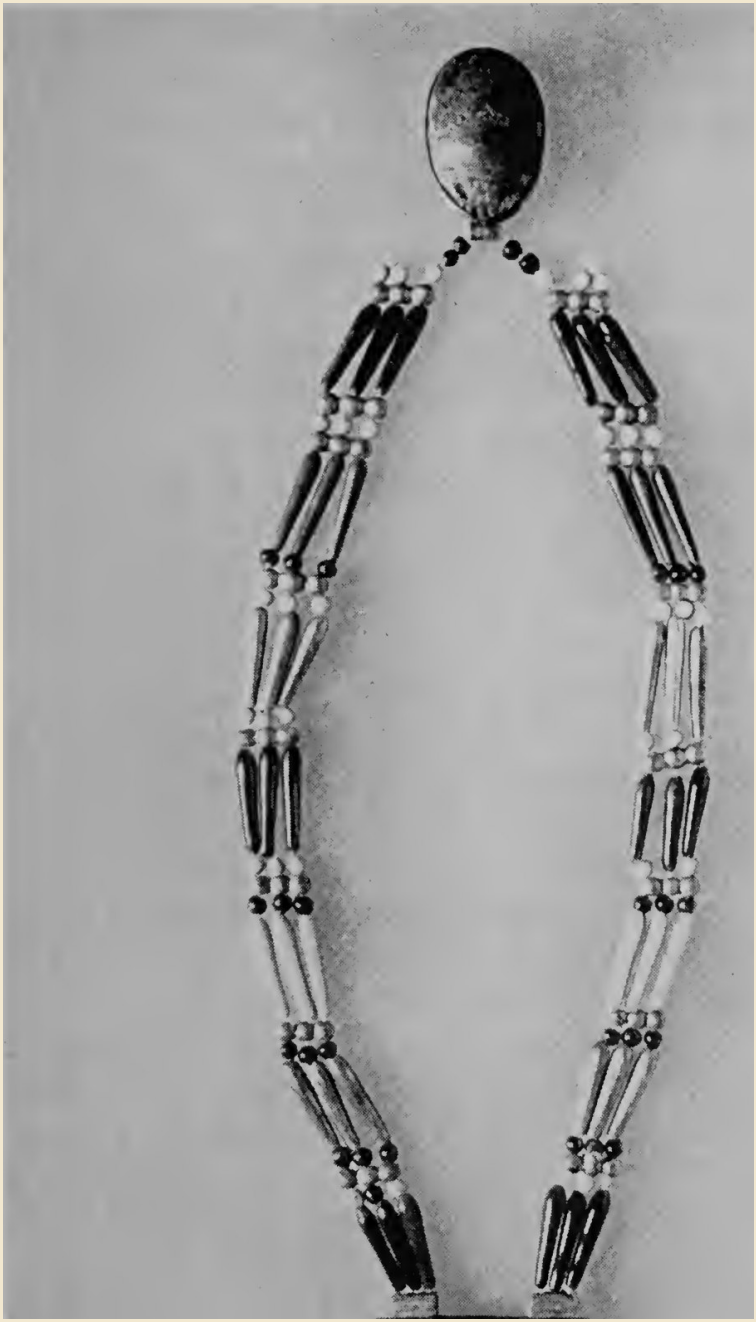

Таблица XL. Ожерелье, перенизанное в первоначальном порядке

На рассвете следующего дня платформы двинулись. Когда мы говорим о железной дороге, читатель не должен воображать, будто для нас проложили путь до самой реки, ибо на постройку постоянного пути ушло бы много месяцев. Напротив, нам приходилось укладывать его по ходу движения, перенося рельсы непрерывной цепью вперед по мере того, как продвигались платформы. Работой были заняты пятьдесят рабочих, и у каждого было свое дело: толкать платформы, укладывать рельсы или подносить запасные сзади. Звучит это как утомительный способ, но удивительно, как быстро можно покрыть расстояние. К десяти часам утра 15-го — за пятнадцать часов собственно работы — весь путь был пройден, и короба надежно уложены на баржу. На неровной дороге по Долине бывали тревожные минуты, но ничего дурного не случилось, и то, что вся операция была проведена в такой короткий срок и без малейшего происшествия, прекрасно свидетельствует о рвении наших рабочих. Добавлю, что работа шла под палящим солнцем, при температуре в тени значительно выше ста градусов, и металлические рельсы в таких условиях так раскалялись, что до них едва можно было дотронуться.

На речном пути короба охранял конвой солдат, выделенный мудиром провинции, и после семидневного плавания все благополучно прибыли в Каир. Там мы распаковали несколько наиболее ценных предметов, чтобы немедленно их выставить.

Остальные короба хранятся в музее до тех пор, пока мы не сможем взяться за окончательное восстановление.

ГЛАВА XI. ВСКРЫТИЕ ЗАПЕЧАТАННОГО ПРОХОДА

✦

К середине февраля наша работа в передней камере была закончена. Кроме двух статуй-часовых, оставленных на месте по особой причине, все ее содержимое было перенесено в лабораторию, каждый дюйм пола выметен и просеян до последней бусины, до последнего выпавшего кусочка инкрустации, и теперь камера стояла голая и пустая. Наконец мы были готовы проникнуть в тайну запечатанного прохода.

Назначен был день — пятница, 17-е, и в два часа те, кому выпала честь присутствовать при этом событии, собрались, как было условлено, над гробницей. Среди них были лорд Карнарвон, леди Эвелин Герберт, его превосходительство Абд эль-Халим-паша Сулейман, министр общественных работ, мсье Лако, генеральный директор Службы древностей, сэр Уильям Гарстин, сэр Чарлз Каст, мистер Литгоу, хранитель Египетского отдела музея Метрополитен в Нью-Йорке, профессор Брестед, доктор Алан Гардинер, мистер Уинлок, достопочтенный Мервин Герберт, достопочтенный Ричард Бетелл, мистер Энгельбах, главный инспектор Службы древностей, три египетских инспектора Службы древностей, представитель Правительственного бюро печати и сотрудники нашего штата — всего около двадцати человек. К четверти третьего все общество было в сборе, и мы, сняв пиджаки, гуськом спустились по наклонному коридору в гробницу.

Таблица XLI. Статуи-часовые, охраняющие запечатанный проход в погребальную камеру

В передней камере все было приготовлено, и тем, кто не бывал в ней с того дня, как гробницу впервые открыли, она, должно быть, показалась странным зрелищем. Статуи мы загородили досками, чтобы уберечь их от возможного повреждения, а между ними поставили небольшой помост — как раз такой высоты, чтобы можно было дотянуться до верхней части прохода: мы решили, что надежнее всего работать сверху вниз. Немного отступя от помоста шел барьер, а за ним, зная, что впереди, быть может, не один час работы, мы поставили стулья для гостей. По обе стороны были установлены стойки для наших ламп, и свет их падал прямо на проход. Оглядываясь назад, мы понимаем, какую странную, несообразную картину должна была являть собой камера, но в ту минуту, сомневаюсь, чтобы такая мысль хотя бы мелькнула у нас в голове. Мысль была одна, и только одна. Перед нами был запечатанный проход, и, открыв его, мы должны были перешагнуть через века и предстать перед царем, царствовавшим три тысячи лет назад. Когда я поднимался на помост, чувства мои были странно смешаны, и первый удар я нанес дрожащей рукой.

Первой моей заботой было найти деревянную перемычку над дверью; затем я очень осторожно отбил штукатурку и выбрал мелкие камни, составлявшие верхний слой закладки. Искушение то и дело останавливаться и заглядывать внутрь было неодолимым, и когда минут через десять работы я проделал отверстие достаточно большое, чтобы это сделать, я просунул в него электрический фонарик. Его свет открыл поразительное зрелище: там, в каком-нибудь ярде от прохода, насколько хватал глаз, преграждая вход в камеру, стояло нечто, по всему виду сплошная стена из золота. В первую минуту нельзя было понять, что это такое, и я так быстро, как только смел, принялся расширять отверстие.

Теперь это стало делом немалой трудности: камни кладки были не точно обтесанными блоками, уложенными правильными рядами один на другой, а грубыми плитами разной величины, и иные были так тяжелы, что поднять их стоило всех сил; к тому же многие из них, когда снимали лежавший сверху груз, оставались в таком шатком равновесии, что малейшее неверное движение заставило бы их соскользнуть внутрь и обрушиться на то, что находилось в камере внизу. Мы старались также сохранить оттиски печатей на толстом слое раствора с наружной стороны, и это немало затрудняло работу с камнями. Теперь мне помогали Мейс и Каллендер, и каждый камень снимали по заведенному порядку. Я осторожно приподнимал его ломом, Мейс придерживал, чтобы он не упал вперед; затем мы с ним вынимали его и передавали назад Каллендеру, тот передавал одному из старших рабочих, и так, по цепочке рабочих, камень уходил вверх по коридору и совсем из гробницы.

Стоило вынуть всего несколько камней, как тайна золотой стены разрешилась. Мы стояли у входа в настоящую погребальную камеру царя, а то, что преграждало нам путь, было стенкой огромного позолоченного ковчега, сооруженного, чтобы покрыть и защитить саркофаг. Теперь ковчег был виден из передней камеры при свете ламп на стойках, и по мере того как камень за камнем вынимали и его позолоченная поверхность понемногу открывалась взгляду, мы словно по электрическому току ощущали трепет волнения, охвативший зрителей за барьером. Снимки на таблицах XLIII и XLIV, сделанные по ходу работы, дадут читателю некоторое представление о том, что видели они на самом деле. Мы, делавшие работу, волновались, вероятно, меньше, потому что все наши силы уходили на дело, которое было у нас в руках, — снять закладку без несчастного

случая. Падение одного-единственного камня могло непоправимо повредить хрупкую поверхность ковчега, и потому, как только отверстие стало достаточно большим, мы дополнительно защитили ковчег, просунув на внутреннюю сторону закладки тюфяк и подвесив его к деревянной перемычке прохода. Два часа тяжелой работы понадобилось нам, чтобы убрать закладку — во всяком случае, столько, сколько было нужно на первое время; а однажды, уже у самого низа, нам пришлось на время приостановить работу, пока мы собирали рассыпанные бусины ожерелья, которое грабители вынесли из внутренней камеры и уронили на пороге. Это последнее было тяжким испытанием для нашего терпения: дело шло медленно, а всем нам не терпелось увидеть, что может быть внутри; но наконец и с этим было покончено, последние камни вынуты, и путь в самую внутреннюю камеру лежал перед нами открытым.

Таблица XLII. Запечатанный проход в погребальную камеру (виден заделанный лаз грабителей внизу)

Разбирая закладку прохода, мы обнаружили, что пол внутренней камеры лежит примерно на четыре фута ниже пола передней камеры, а это вместе с тем, что между дверью и ковчегом оставалось лишь узкое пространство, делало вход в нее делом отнюдь не легким. К счастью, у этого конца камеры не было мелких древностей, и я спустился вниз, а затем, взяв одну из переносных ламп, осторожно пробрался боком к углу ковчега и заглянул за него. На углу путь преграждали два прекрасных алебастровых сосуда, но я видел, что, если их убрать, у нас будет свободный проход к другому концу камеры; поэтому, тщательно отметив место, где они стояли, я поднял их — если не считать царской чаши желаний, они были тоньше работой и изящнее формой, чем все, что мы находили до сих пор, — и передал назад в переднюю камеру. Теперь ко мне присоединились лорд Карнарвон и мсье Лако, и, пробираясь по узкому проходу между ковчегом и стеной и разматывая позади себя провод нашей лампы, мы продолжили осмотр.

Вне всякого сомнения, мы стояли в погребальной камере: там, высясь над нами, стоял один из тех больших позолоченных ковчегов, под которыми покоились цари. Так огромно было это сооружение (17 футов на 11 футов при высоте 9 футов, как мы узнали потом), что оно почти целиком заполняло камеру, отделенное от стен со всех четырех сторон пространством всего фута в два, а его кровля с карнизом и валиком доходила почти до потолка. Сверху донизу он был покрыт золотом, а на боках его были вставлены панели из ярко-синего фаянса, на которых снова и снова повторялись магические знаки, призванные обеспечить его крепость и сохранность. Вокруг ковчега, прямо на полу, лежали погребальные эмблемы, а у северного конца — семь магических весел, которые понадобились бы царю, чтобы самому

переправиться через воды подземного мира. Стены камеры, в отличие от стен передней камеры, были украшены ярко расписанными сценами и надписями, блестящими по краскам, но, очевидно, выполненными несколько поспешно.

28

Таблица XLIII. Вскрытие запечатанного прохода в погребальную камеру: Карнарвон и Картер

Эти последние подробности мы, должно быть, заметили позже, потому что в ту минуту думали только о ковчеге и о том, цел ли он. Проникли ли воры внутрь и потревожили ли царское погребение? Здесь, на восточном конце, были большие створчатые двери — закрытые и задвинутые засовами, но не запечатанные, — и они должны были дать нам ответ. Мы нетерпеливо отодвинули засовы, распахнули двери — и там, внутри, оказался второй ковчег с такими же дверями на засовах, а на засовах — печать, нетронутая. Эту печать мы решили не ломать: наши сомнения разрешились, а проникнуть дальше без риска серьезно повредить памятник мы не могли. Думаю, в ту минуту нам и не хотелось ломать печать: когда открылись двери, на нас тяжело легло чувство, будто мы вторглись туда, куда не следует, и его, вероятно, усиливал почти мучительно величественный вид льняного покрова, украшенного золотыми розетками, который свисал над внутренним ковчегом. Мы чувствовали, что находимся в присутствии умершего царя и должны оказать ему почтение, и в воображении видели, как одна за другой открываются двери ковчегов, пока самый внутренний не откроет нам самого царя. Осторожно и как можно тише мы снова закрыли большие распашные двери и прошли к дальнему концу камеры.

Здесь нас ждала неожиданность: низкая дверь к востоку от погребальной камеры вела в еще одну камеру, меньше внешних и не такую высокую. Этот проход, в отличие от других, не был ни заложен, ни запечатан. С того места, где мы стояли, нам было ясно видно все, что в ней находилось, и одного взгляда было

достаточно, чтобы понять: здесь, в этой маленькой камере, лежат величайшие сокровища гробницы. Напротив входа, у дальней стены, стоял самый прекрасный памятник, какой я когда-либо видел, — такой прекрасный, что от изумления и восхищения захватывало дух. Средняя его часть состояла из большого ларца в форме ковчега, целиком покрытого золотом и увенчанного карнизом из священных кобр. Вокруг него, отдельно стоящие, возвышались статуи четырех богинь — покровительниц умерших: исполненные изящества фигуры с простертыми в защитном жесте руками, такие естественные и живые в своих позах, с таким состраданием и милосердием на лицах, что смотреть на них казалось почти святотатством. Каждая охраняла ларец с одной из четырех его сторон, но если фигуры спереди и сзади не сводили взгляда с порученного им сокровища, то две другие придавали всему еще больше трогательной жизненности: головы их были повернуты вбок, и они смотрели через плечо ко входу, словно остерегаясь внезапного вторжения. В этом памятнике есть простое величие, неодолимо захватывающее воображение, и я не стыжусь признаться, что у меня подступил ком к горлу. Это, несомненно, канопический ларец, и в нем стоят канопы, играющие столь важную роль в обряде мумификации.

В камере было и много других чудесных вещей, но в ту минуту нам трудно было их охватить взглядом — так неизбежно глаза снова и снова возвращались к прелестным маленьким фигурам богинь. Прямо перед входом лежал на своем ковчеге бог-шакал Анубис, закутанный в льняную ткань и установленный на переносных санях, а за ним — голова быка на подставке: и то и другое — эмблемы подземного мира. В южной части камеры стояло бесчисленное множество черных ковчегов и ларцов, все закрытые и запечатанные, кроме одного, в открытых дверцах

которого виднелись статуи Тутанхамона, стоящего на черных леопардах. У дальней стены были еще ящики в форме ковчегов и маленькие гробы из позолоченного дерева — в последних, несомненно, лежали погребальные статуэтки царя. Посреди комнаты, левее Анубиса и быка, стоял ряд великолепных ларцов из слоновой кости и дерева, украшенных и инкрустированных золотом и синим фаянсом; в одном из них, крышку которого мы подняли, лежало роскошное опахало из страусовых перьев с рукоятью из слоновой кости, по всему виду такое же свежее и прочное, как в тот день, когда оно вышло из рук мастера. Кроме того, в разных углах камеры стояли модели ладей с парусами и полной оснасткой, а у северной стены — еще одна колесница.

28

Таблица XLIV. Вскрытие запечатанного прохода в погребальную камеру: Картер и Мейс

Таково, по беглому осмотру, было содержимое этой самой внутренней камеры. Мы с тревогой искали следов грабежа, но на поверхности их не было. Несомненно, воры сюда входили, но больше чем открыть два-три ларца они не могли успеть. На большинстве ящиков, как уже сказано, печати до сих пор целы, и все содержимое камеры, к счастью, в отличие от вещей в передней и боковой камерах, по-прежнему стоит точно так, как его расставили при погребении.

Сколько времени занял у нас этот первый осмотр чудес гробницы, не могу сказать, но тем, кто с нетерпением ждал в передней камере, он, должно быть, показался бесконечным. Безопасно впускать можно было не больше трех человек сразу, и потому, когда лорд Карнарвон и мсье Лако вышли, остальные стали входить по двое: сначала леди Эвелин Герберт, единственная присутствовавшая женщина, с сэром Уильямом Гарстином, а затем по очереди все прочие. Любопытно было, стоя в передней камере, следить за их лицами, когда они один за другим выходили из двери. У каждого в глазах было ошеломленное, растерянное выражение, и каждый, выходя, вскидывал перед собой руки — невольный жест, говоривший, что словами не описать увиденных чудес. Они и в самом деле были неописуемы, а чувства, которые они пробудили в нас, были слишком сокровенны, чтобы ими делиться, даже если бы у нас нашлись для этого слова. Уверен, никто из присутствовавших никогда не забудет пережитого: в воображении — и не только в воображении — мы побывали на похоронах царя, давно умершего и почти забытого. В четверть третьего мы спустились в гробницу,

а когда три часа спустя, разгоряченные, запыленные и растрепанные, снова вышли на дневной свет, сама Долина, казалось, переменилась для нас и стала нам ближе и роднее. Нас словно приняли в ее почетные граждане.

17 февраля было днем, отведенным для осмотра гробницы египтологами, и, к счастью, большинство из тех, кто находился тогда в стране, смогли присутствовать. На следующий день нас почтили посещением королева Бельгии и ее сын принц Александр, приехавшие в Египет именно с этой целью; их живо занимало все, что они видели. При этом присутствовали также лорд и леди Алленби и ряд других именитых гостей. Через неделю, по причинам, изложенным в одной из прежних глав, гробницу закрыли и снова засыпали.

Таблица XLV. Ковчег в погребальной камере

Так завершилась наша предварительная работа в гробнице царя Тутанхамона за этот сезон. Теперь о том, что ждет нас впереди. Будущей зимой первой нашей задачей, трудной и тревожной, будет разборка ковчегов в погребальной камере. По свидетельству папируса Рамсеса IV вероятно, что там окажется череда не менее чем из пяти таких ковчегов, вставленных один в другой, прежде чем мы дойдем до каменного саркофага, в котором покоится царь, и в промежутках между этими ковчегами можно ожидать множества прекрасных предметов. Вместе с мумией — если, как мы надеемся и верим, ее не тронули грабители — непременно должны лежать венцы и другие царские регалии властителя Египта. Сколько времени займет эта работа в погребальной камере, мы пока сказать не можем, но закончить ее надо прежде, чем мы возьмемся за самую внутреннюю камеру, и мы сочтем себя счастливыми, если успеем расчистить обе за один сезон. Еще один сезон, несомненно, понадобится для боковой камеры с ее беспорядочной грудой вещей.

Воображение замирает при мысли о том, что еще может открыть гробница: ведь предметы, о которых шла речь в этом томе, составляют лишь четверть — и, вероятно, наименее значительную четверть — заключенных в ней сокровищ. Немало волнующих минут ждет нас еще, прежде чем мы завершим наш труд, и мы с нетерпением ждем предстоящей работы. Одна тень неизбежно должна лечь на нее, одно сожаление, которое разделит весь мир, — то, что лорду Карнарвону не суждено было увидеть, как его труд принесет полные плоды; и, завершая этот труд, мы, кому предстоит его продолжить, хотели бы посвятить его памяти лучшее, что в нас есть.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТОВ

✦

(Таблицы XLVI–LXXIX)

Таблица XLVI. Царская чаша желаний из алебастра (кальцита) в форме лотоса

Таблица XLVI

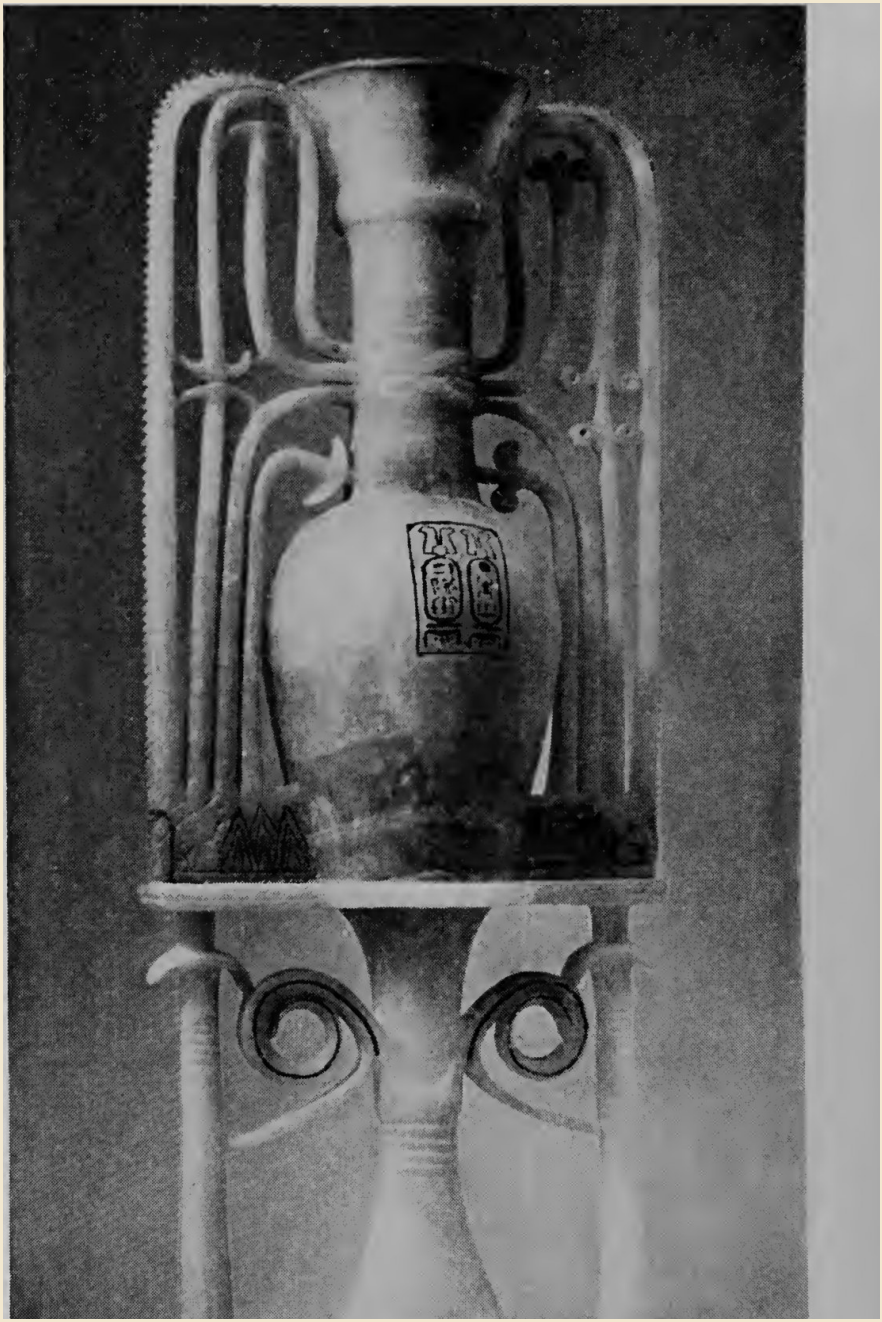
Царская чаша желаний из алебастра (кальцита) в форме лотоса

Чашу украшает венчик из цветочных чашечек и чашелистиков, выполненный низким рельефом. Ручки образованы цветками и бутонами лотоса, на которых покоится знак «Вечной жизни». На чаше начертаны тронное и личное имена царя, а надпись по краю гласит:

> «Да живет Гор „Могучий телец, прекрасный рождениями“, Обе Владычицы „Прекрасный законами, умиротворяющий Обе Земли“, Золотой Гор „Носящий венцы и умилостивляющий богов“, Царь Верхнего и Нижнего Египта, Владыка Обеих Земель, Неб-хеперу-Ра, наделенный жизнью».[1]
>
> «Да живет твой *ка*, и да проведешь ты миллионы лет, ты, любящий Фивы, сидя лицом к северному ветру, и очи твои да созерцают блаженство».[2]

[1] Титулатура Тутанхамона.

[2] Пожелание.

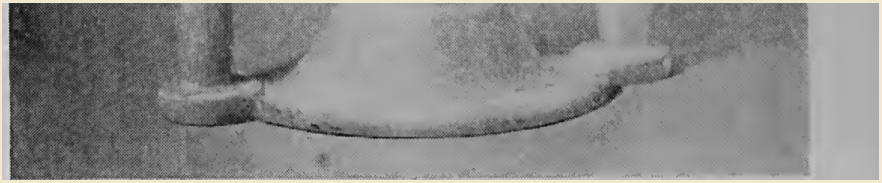
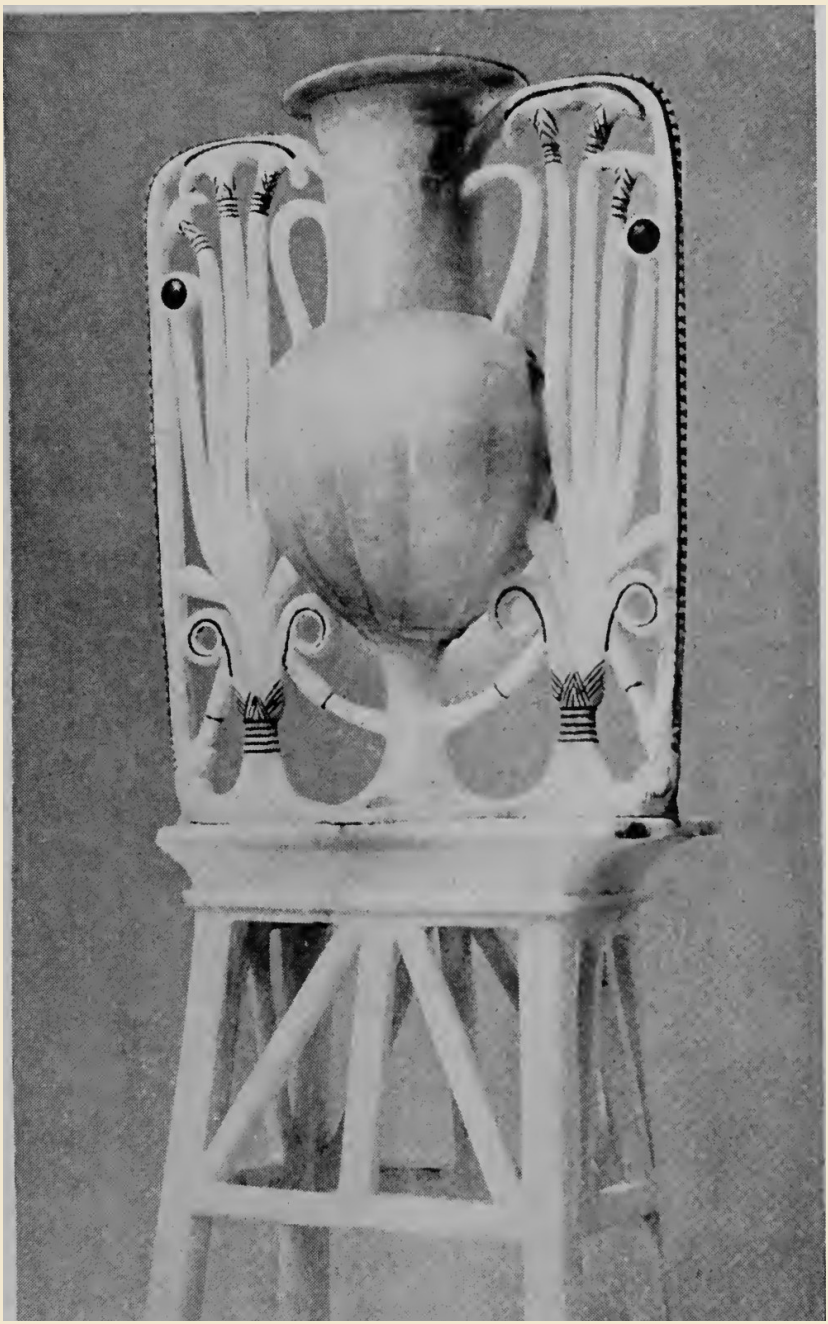

Таблица XLVII. Алебастровый (кальцитовый) сосуд для благовоний на узорной подставке

Таблица XLVII

Алебастровый (кальцитовый) сосуд для благовоний на узорной подставке

По сторонам его стоят знаки «Мириадов лет» и связки папируса и лотоса, символизирующие соединение «Обеих Земель», то есть царств Верхнего и Нижнего Египта.

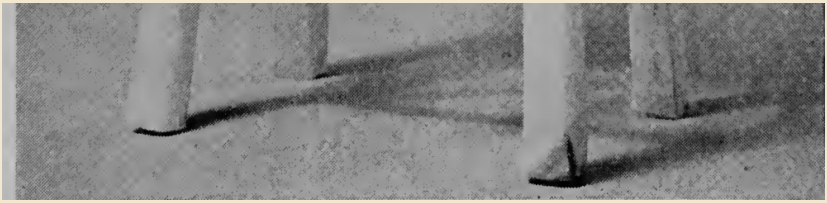

Таблица XLVIII. Алебастровый (кальцитовый) сосуд для благовоний на решетчатом постаменте

Таблица XLVIII

Алебастровый (кальцитовый) сосуд для благовоний на решетчатом постаменте

Как и предыдущий сосуд (таблица XLVII), он обрамлен по сторонам символами «Лет» и «Соединения царств». Инкрустированные выпуклые бляшки сделаны из обсидиана — вулканического стекла.

Таблица XLIX. а) Одно из царских лож, вырезанное из цельного черного дерева, с сеткой из шнура; б) ажурная панель изножья с Бесом и Таурт

Таблица XLIX

а) Одно из царских лож, вырезанное из цельного черного дерева, с сеткой из шнура

Передние и задние ножки сделаны в виде лап зверя кошачьей породы.

б) Ажурная панель изножья, из черного дерева, слоновой кости и золота, изображает Беса и Таурт — богов-покровителей домашнего очага.

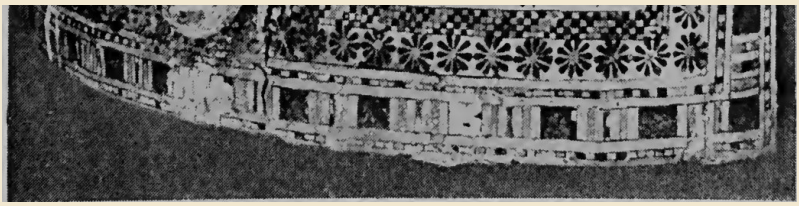

Таблица L. Сцена миниатюрной росписи на правой стороне крышки расписного ларца № 21

Таблица L

Сцена миниатюрной росписи на правой стороне крышки расписного ларца № 21

В середине мы видим царя в колеснице, стреляющего в зверей пустыни; среди них можно узнать газель, антилопу-бубала, дикого осла, страуса и полосатую гиену, бегущих от собак его величества. Позади царя изображены его опахалоносцы, придворные и телохранители. По всему полю показаны растения пустыни. (См. главу VII.)

PLATE LI

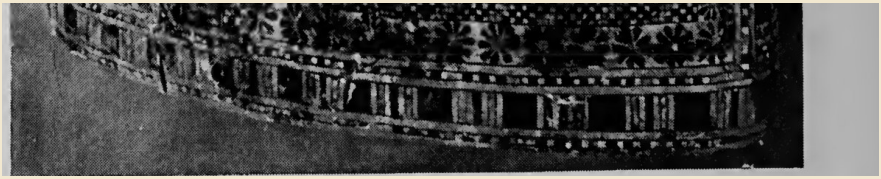
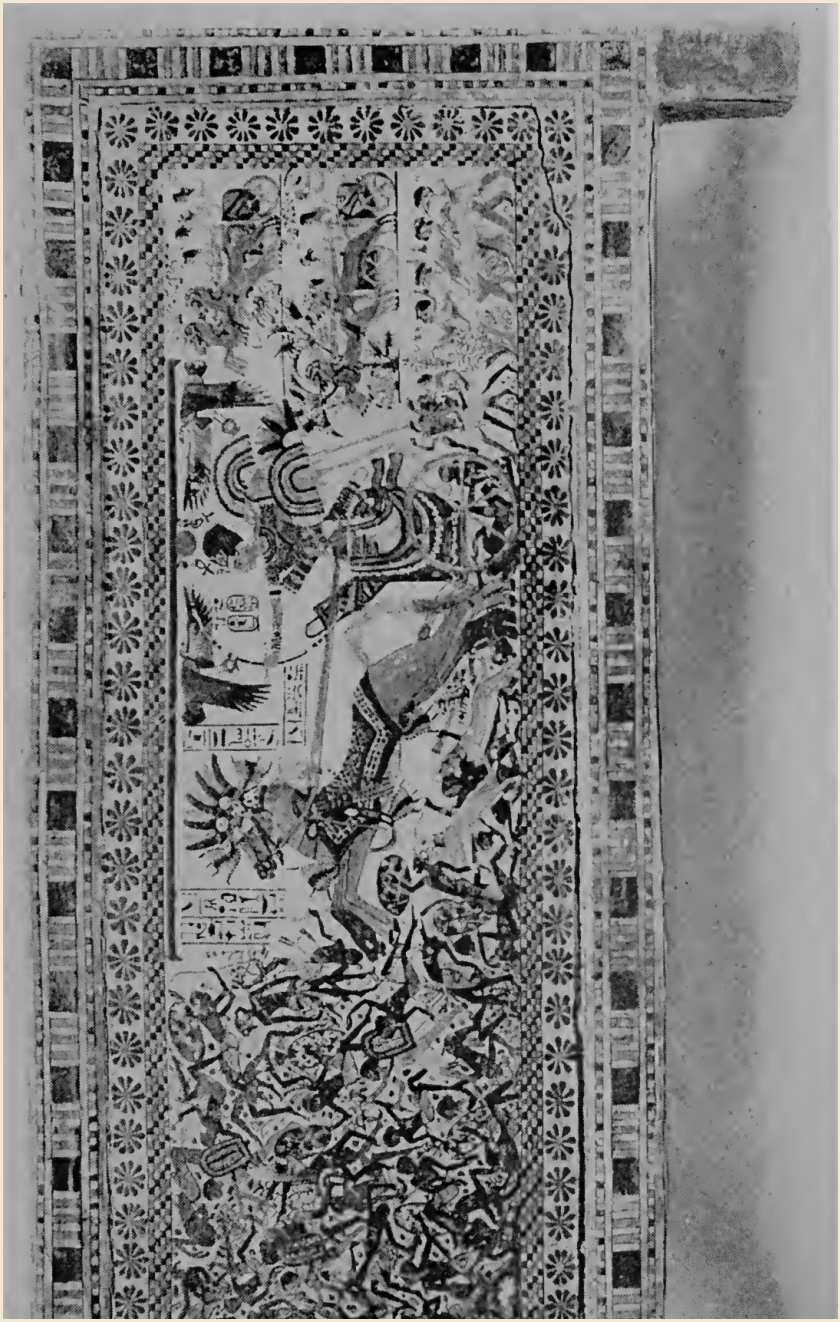

Таблица LI. Сцена миниатюрной росписи на левой стороне крышки расписного ларца № 21

Таблица LI

Сцена миниатюрной росписи на левой стороне крышки расписного ларца № 21

Композиция подобна той, что на предыдущей таблице (L), но здесь Тутанхамон охотится на львов и львиц. Тонкость деталей, чувство движения и выражение страдания у гибнущих зверей ставят эту миниатюру на первое место среди подобных ей; она намного превосходит персидские образцы. (См. главу VII.)

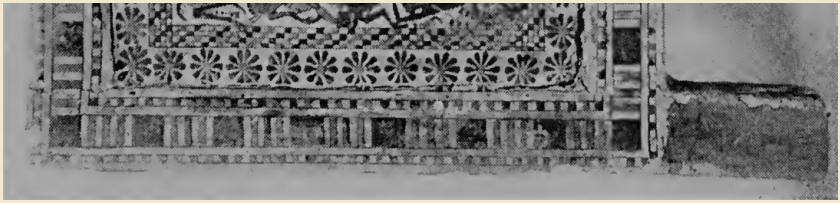

Таблица LII. Сцена миниатюрной росписи на левой боковой панели расписного ларца № 21

Таблица LII

Сцена миниатюрной росписи на левой боковой панели расписного ларца № 21

Здесь Тутанхамон изображен в боевой колеснице, одолевающим своих южных, африканских противников. Его сопровождают опахалоносцы, колесничие и лучники, а над ним — оберегающие его коршуны Нехбет и солнечный диск в кольце царских уреев, с которых свисают знаки «анх» — символы жизни. (См. главу VII.)

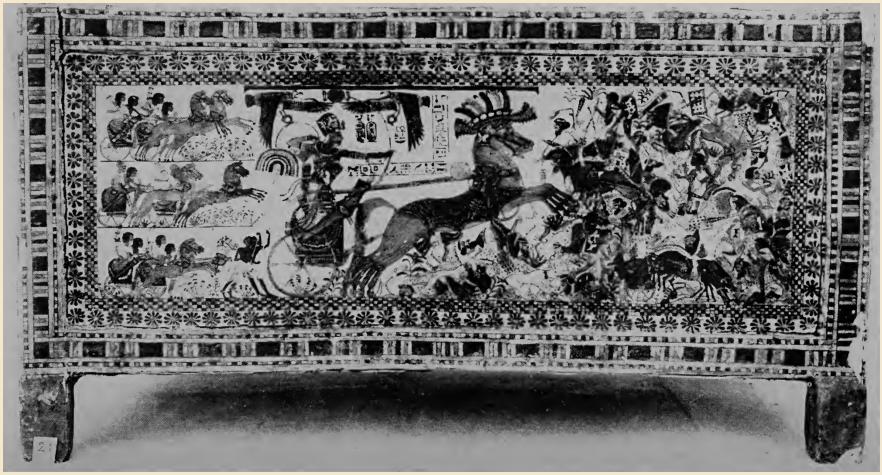
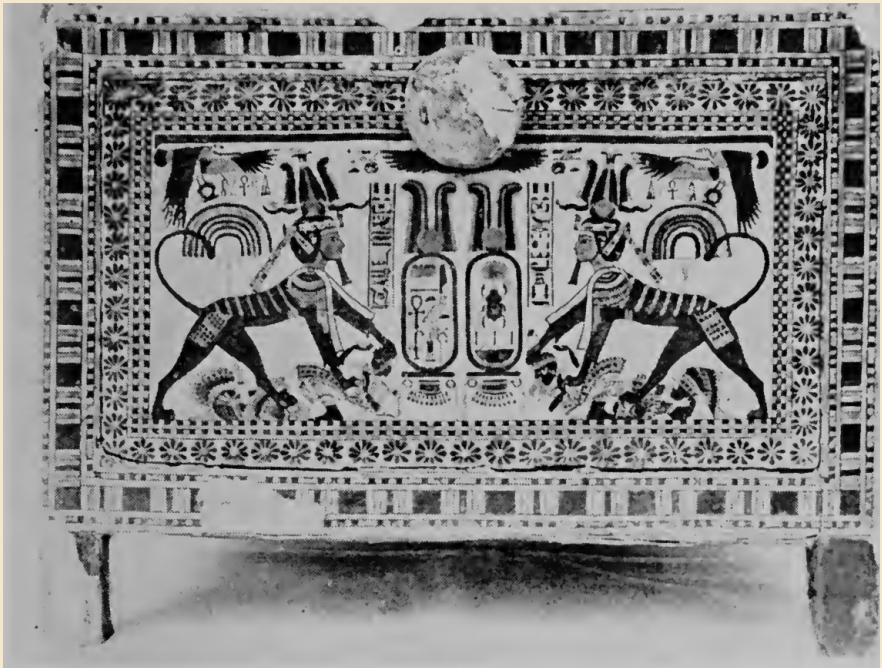

Таблица LIII. Сцена миниатюрной росписи на правой боковой панели расписного ларца № 21

Таблица LIII

Сцена миниатюрной росписи на правой боковой панели расписного ларца № 21

Орнамент здесь построен так же, как на левой боковой панели (таблица LII), только царь изображен одолевающим своих северных, азиатских противников. Вся эта масса орнамента, как и на левой панели, сложена из множества человеческих фигур в самых разных движениях — и движениях великолепных. Царь показан в колеснице: он натягивает лук, по бокам у него колчаны со стрелами, а противники падают перед ним, словно скошенные мором. (См. главу VII.)

A

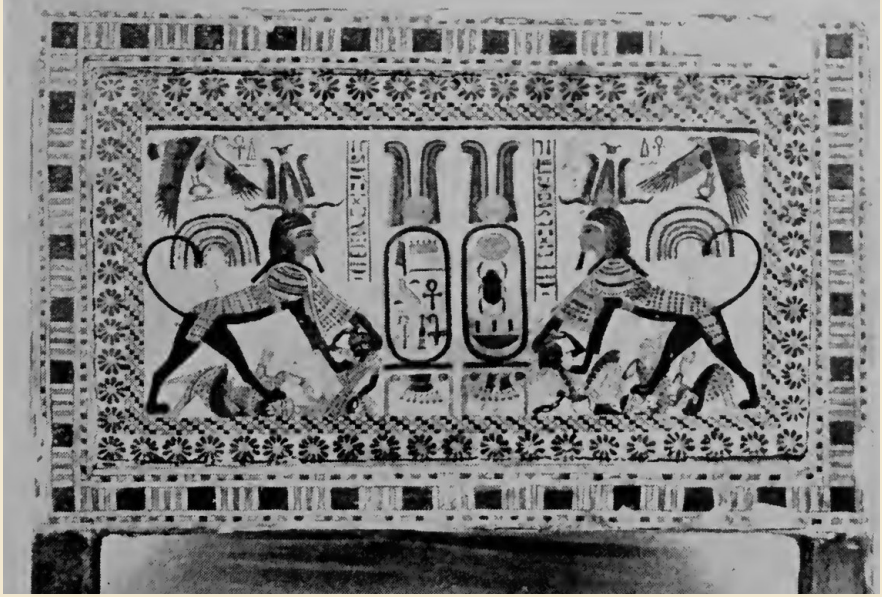

Таблица LIV. Сцены на передней (а) и задней (б) панелях расписного ларца № 21

Таблица LIV

Сцены на передней (а) и задней (б) панелях расписного ларца № 21

На них царь изображен в образе сфинкса, попирающего своих врагов. В середине каждой панели — два картуша Тутанхамона. (См. главу VII.)

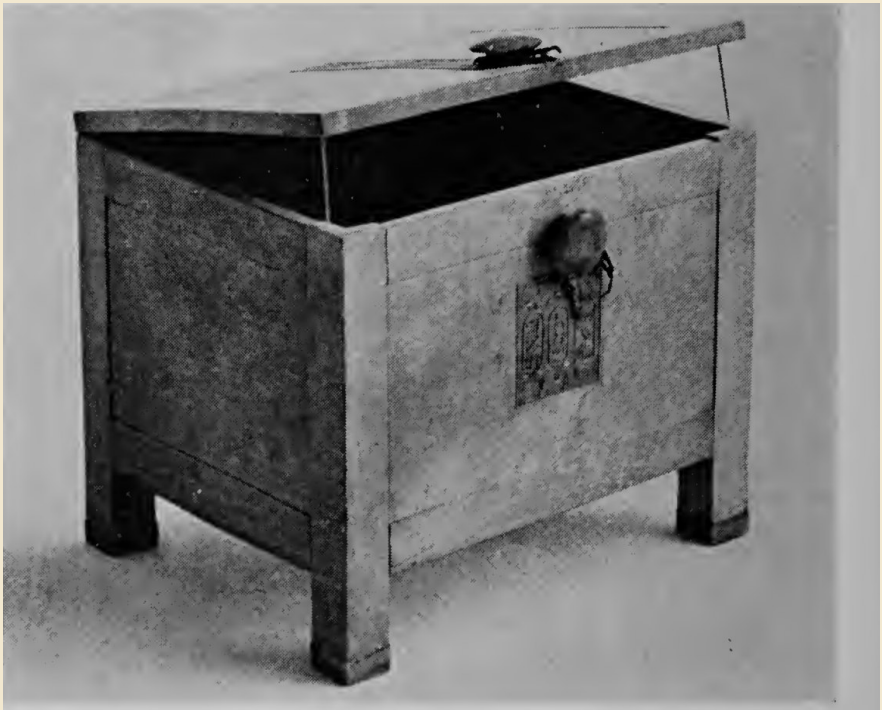

Таблица LV. Большой ларец из кедра, инкрустированный и облицованный черным деревом и слоновой костью (№ 32)

Таблица LV

Большой ларец из кедра, инкрустированный и облицованный черным деревом и слоновой костью (№ 32)

У ларца есть выдвижные шесты для переноски, вставленные в скобы на днище.

A

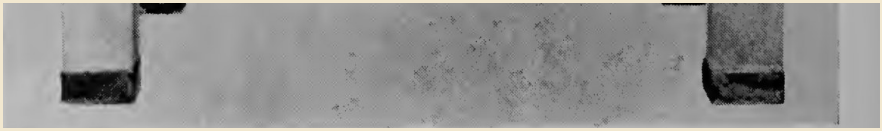

Таблица LVII. а) Шкатулка для драгоценностей из цельной слоновой кости (№ 54ddd); б) вид шкатулки сзади

Таблица LVII

а) Шкатулка для драгоценностей из цельной слоновой кости (№ 54ddd)

Шишечки, петли и обкладки ножек — из золота. На передней стенке вырезаны имя Гора, тронное и личное имена Тутанхамона.

б) Вид сзади: на задней стенке шкатулки — колонна с капителью в виде лотоса, символ Верхнего Египта.

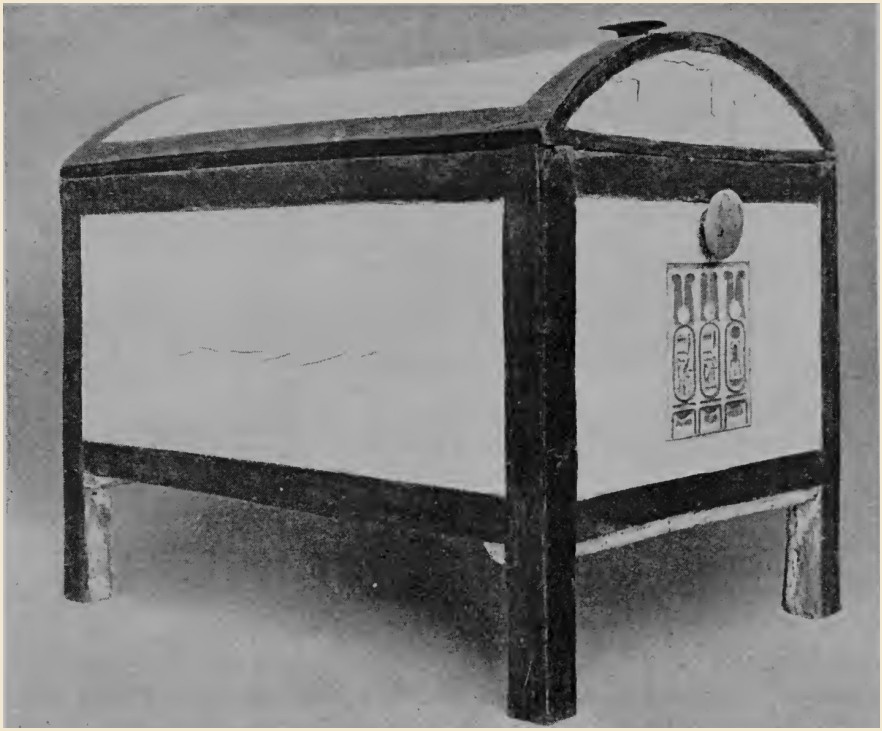

Таблица LVIII. Большой сундук со сводчатой крышкой (№ 101)

Таблица LVIII

Большой сундук со сводчатой крышкой (№ 101)

Он сделан из расписного дерева, и спереди на нем — картуши Тутанхамона и картуш его царицы Анхесенамон. В нем хранилось царское белье.

Таблица LIX. Детское кресло (№ 39)

Таблица LIX

Детское кресло (№ 39)

Это маленькое кресло, принадлежавшее, вероятно, царю в детстве, вырезано из черного дерева и инкрустировано слоновой костью. На панелях подлокотников — антилопы и растительный узор из тисненого золота.

Таблица LXI. Ажурная панель спинки резного кресла из кедра, № 87

Таблица LXI

Ажурная панель спинки резного кресла из кедра, № 87 (см. таблицу LX)

Резная ажурная композиция состоит из центральной фигуры Хеха, стоящего на коленях на знаке «нуб», который символизирует «Золотую вечность». В каждой руке у него знаки «Мириадов лет», а на правой руке висит «анх» — символ «Жизни». По обе стороны от центральной фигуры — имена Гора царя, над которыми сидит сокол Гора в коронах Верхнего и Нижнего Египта, а перед ним — царская кобра. Над фигурой «Золотой вечности» — солнечный диск, по сторонам которого тронное и личное имена Тутанхамона. На верхней перекладине — крылатый солнечный диск из тисненого листового золота.

Таблица LXII

Золотой трон царя (№ 91) (см. таблицы II, LXIII и LXIV)

Великолепное кресло из дерева, обложенное листовым золотом и богато украшенное многоцветными вставками из фаянса, стекла и камня, работы амарнского искусства. Его ножки в виде лап зверя кошачьей породы увенчаны львиными головами из чеканного золота, прекрасными в своей простоте. Подлокотники образованы крылатыми змеями в коронах, которые поддерживают крыльями картуши царя, а между вертикальными брусьями, на которые опирается спинка, стоят шесть оберегающих уреев, вырезанных из дерева, позолоченных и инкрустированных, с коронами и солнечными дисками. Головы этих змей — из фиолетового фаянса, короны — из серебра и золота, диски — из позолоченного дерева. Сзади, на задней панели, — рельефная сцена: заросли папируса и водоплавающие птицы (см. таблицу LXIV). На передней панели спинки трона — прекрасная и единственная в своем роде инкрустированная сцена во дворце: царь и царица (описание см. к таблице II и в главах I и VII). Недостающая золотая ажурная композиция между перекладиной и сиденьем трона, выломанная грабителями гробниц ради металла, состояла из цветков папируса и лотоса, привязанных к центральному знаку «сма», и символизировала «Соединение Обеих Земель», то есть царств Верхнего и Нижнего Египта.

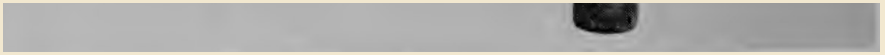

Таблица LXIII. Золотой трон царя (№ 91)

Таблица LXIII

Золотой трон царя (№ 91)

Великолепное кресло из дерева, обложенное листовым золотом и богато украшенное многоцветными вставками из фаянса, стекла и камня, работы амарнского искусства (см. таблицы II, LXII и LXIV).

Таблица LXIV

Золотой трон царя (№ 91)

Великолепное кресло из дерева, обложенное листовым золотом и богато украшенное многоцветными вставками из фаянса, стекла и камня, работы амарнского искусства (см. таблицы II, LXII и LXIII).

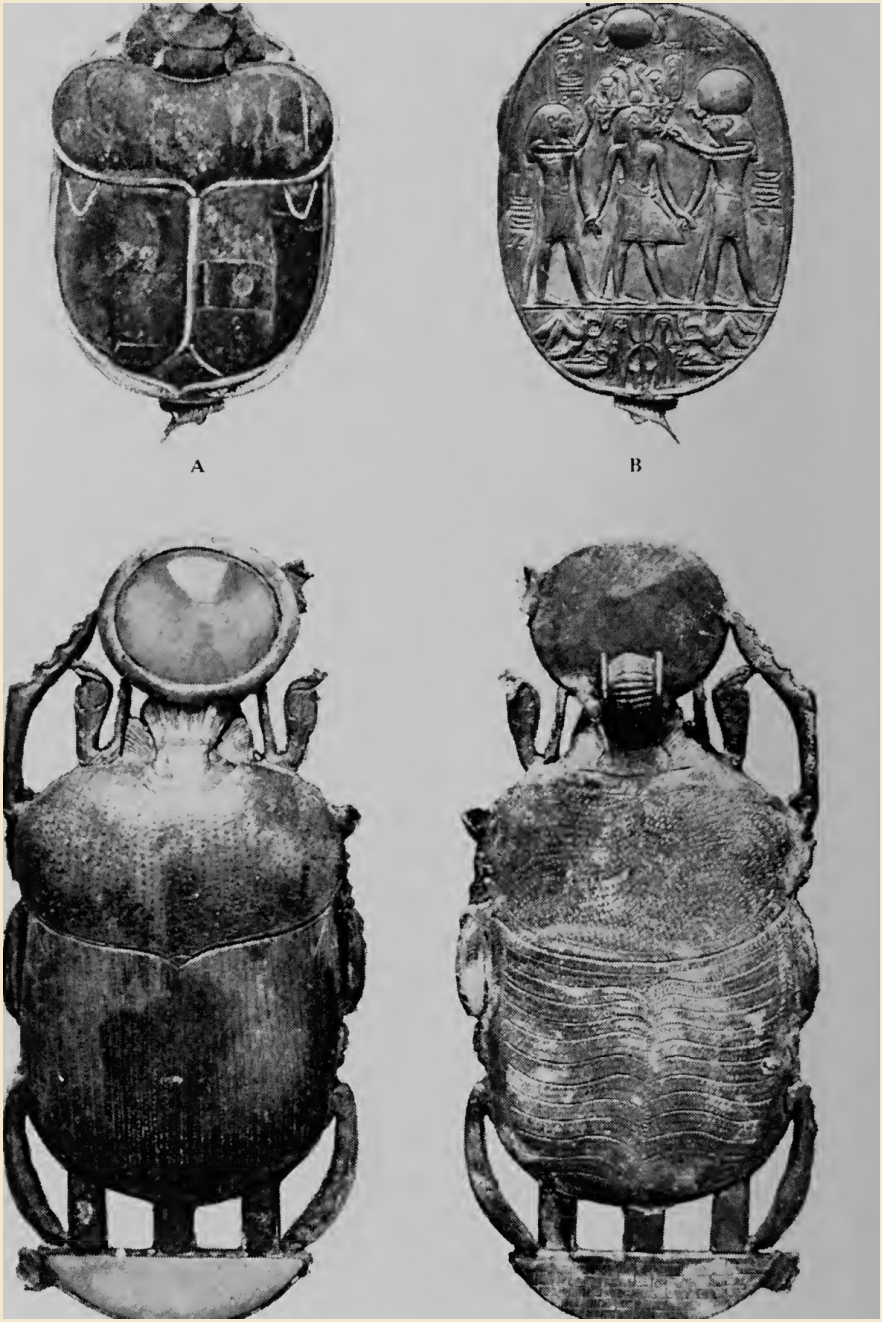

A
B

Таблица LXV. (A) Большой подвесной скарабей из золота и синего стекла цвета лазурита. (B) Основание скарабея. (C) Золотая подвеска. (D) Чеканная оборотная сторона подвески

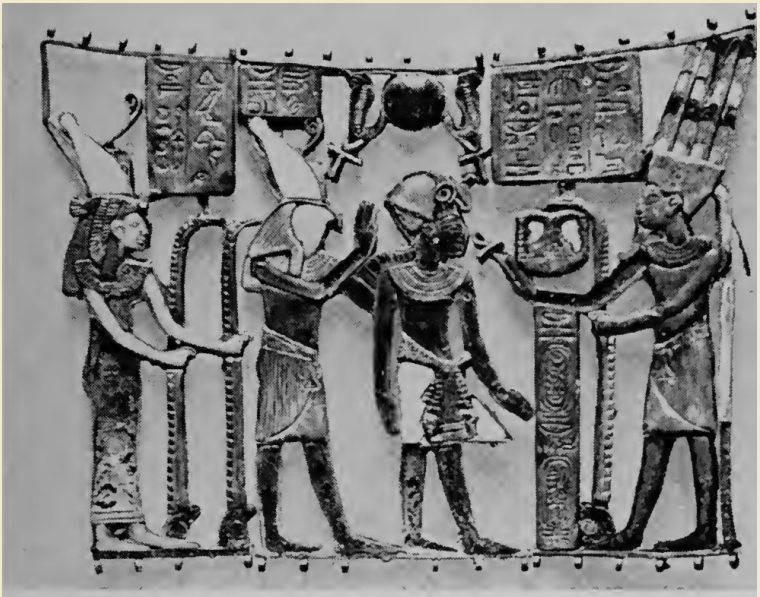
Таблица LXV

(A) Большой подвесной скарабей из золота и синего стекла цвета лазурита.

(B) Основание скарабея с изображением царя между богом Атумом (слева) и солнечным богом Гором (справа); Гор подает Тутанхамону знак жизни. Над царем — солнечный диск, излучающий жизнь, а внизу — узор, символизирующий «Соединение Двух Царств», Верхнего и Нижнего Египта.

(C) Золотая подвеска в виде имени Небхепрура — первого картуша Тутанхамона. Она инкрустирована сердоликом и цветным стеклом.

(D) Чеканная оборотная сторона подвески (C).

A

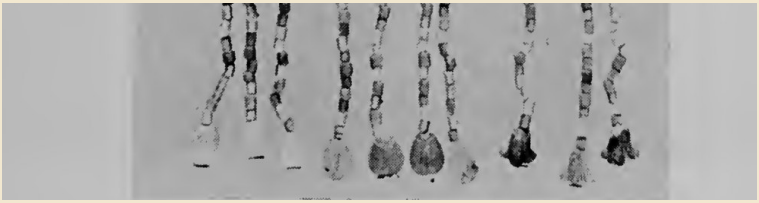
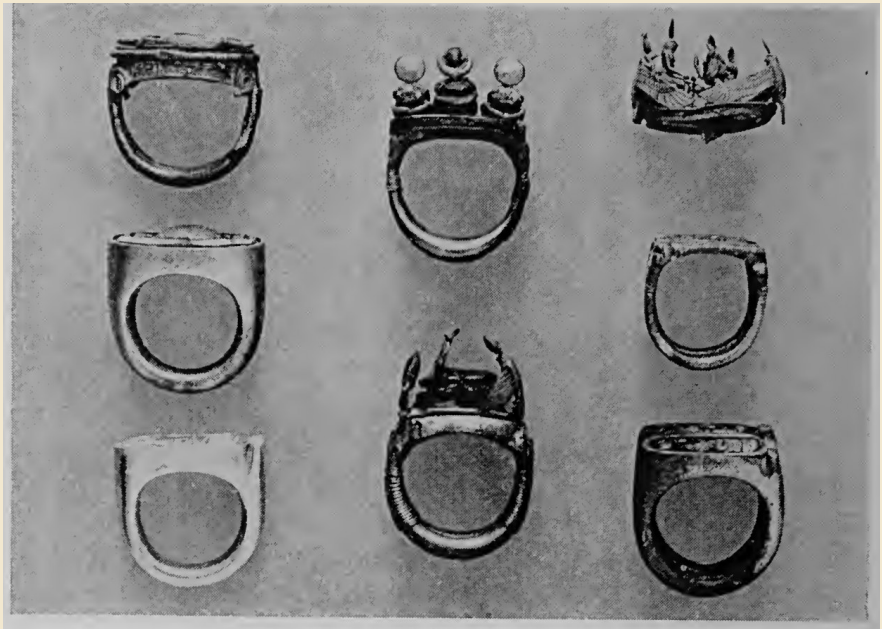

Таблица LXVI. (A) Центральная пектораль корселета. (B) Задняя подвеска корселета, из золота с богатой инкрустацией

Таблица LXVI

(A) Центральная пектораль корселета. Изображение представляет Тутанхамона (в середине), которого бог и богиня подводят к фиванскому божеству Амону.

(B) Задняя подвеска корселета, из золота с богатой инкрустацией. В изображение входит крылатый жук «хепер», поддерживающий солнечный диск; у него когти и хвост солнечного сокола, держащие знаки жизни. С жука свисают две царские кобры в Белой короне Верхнего Египта и Красной короне Нижнего Египта, а на них висят знаки жизни (см. таблицу XXXVIII, а также главы VII, VIII и X).

A

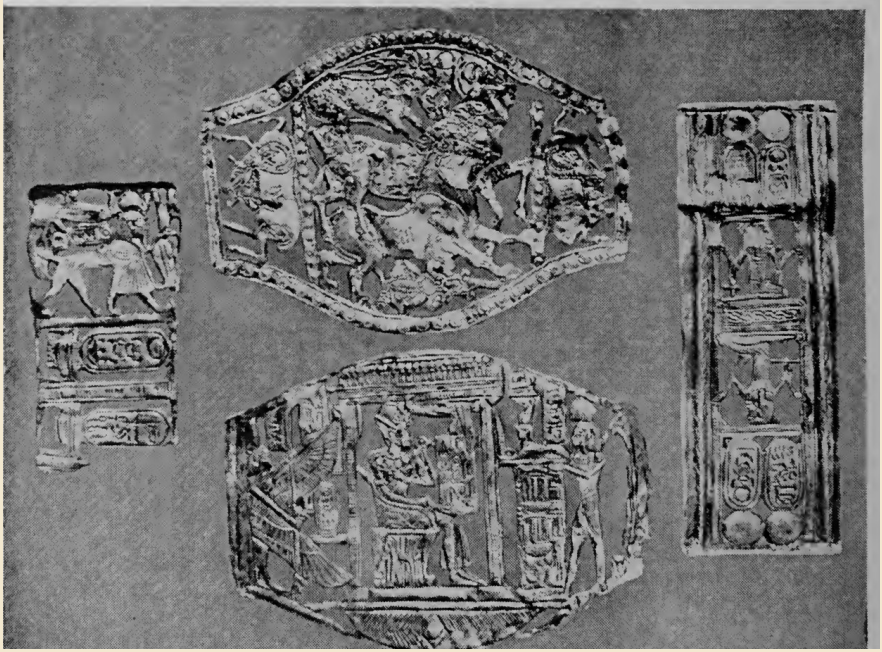

Таблица LXVII. (A) Семь перстней и узорный щиток перстня. (B) Золотые пряжки из ажурного листового золота с накладным узором из мельчайших зерен

Таблица LXVII

(A) Семь перстней и узорный щиток перстня. Эти перстни из цельного золота и богато украшены инкрустацией (см. таблицу XXX и главу VIII).

(B) Золотые пряжки из ажурного листового золота с накладным узором из мельчайших зерен. На одной изображена сцена охоты; на другой Тутанхамон восседает на своем троне. (См. главу VII.)

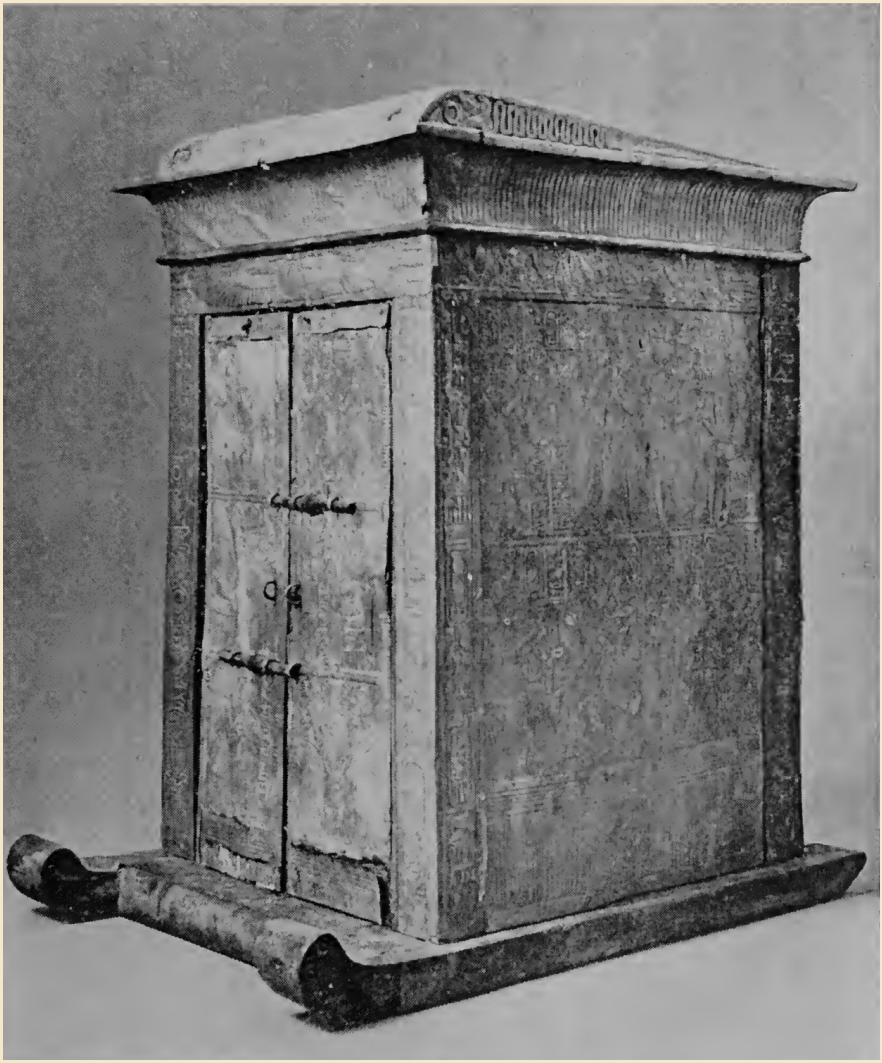

Таблица LXVIII. Малый золотой ковчег

Таблица LXVIII

Малый золотой ковчег.

Он сделан в форме наоса и стоит на салазках. Резное дерево обтянуто листовым золотом, по которому вычеканены различные сцены. (См. таблицу XXIX, а также главы I и VII.)

Таблица LXIX. Два церемониальных посоха, обтянутых тонкой золотой фольгой

Таблица LXIX

Два церемониальных посоха, обтянутых тонкой золотой фольгой.

Головы, руки и ступни фигурок африканских пленников сделаны из черного дерева и замечательны своей изысканной резьбой.

A

Таблица LXX

Церемониальный посох, подобный тем, что показаны на предыдущей таблице (LXIX). На этом посохе изображены два противника царя, олицетворяющие северных и южных недругов Египта. Фигура азиата (A) сделана из слоновой кости, фигура африканца (B) — из черного дерева. В египетском искусстве им нет подобных. (См. главу VII.)

Таблица LXXI

Посох и трость.

(A) Этот посох украшен узорной корой и инкрустирован надкрыльями радужных жуков.

(B) Трость с изогнутой рукоятью, позолоченная и богато украшенная цветной корой. (См. главу VII.)

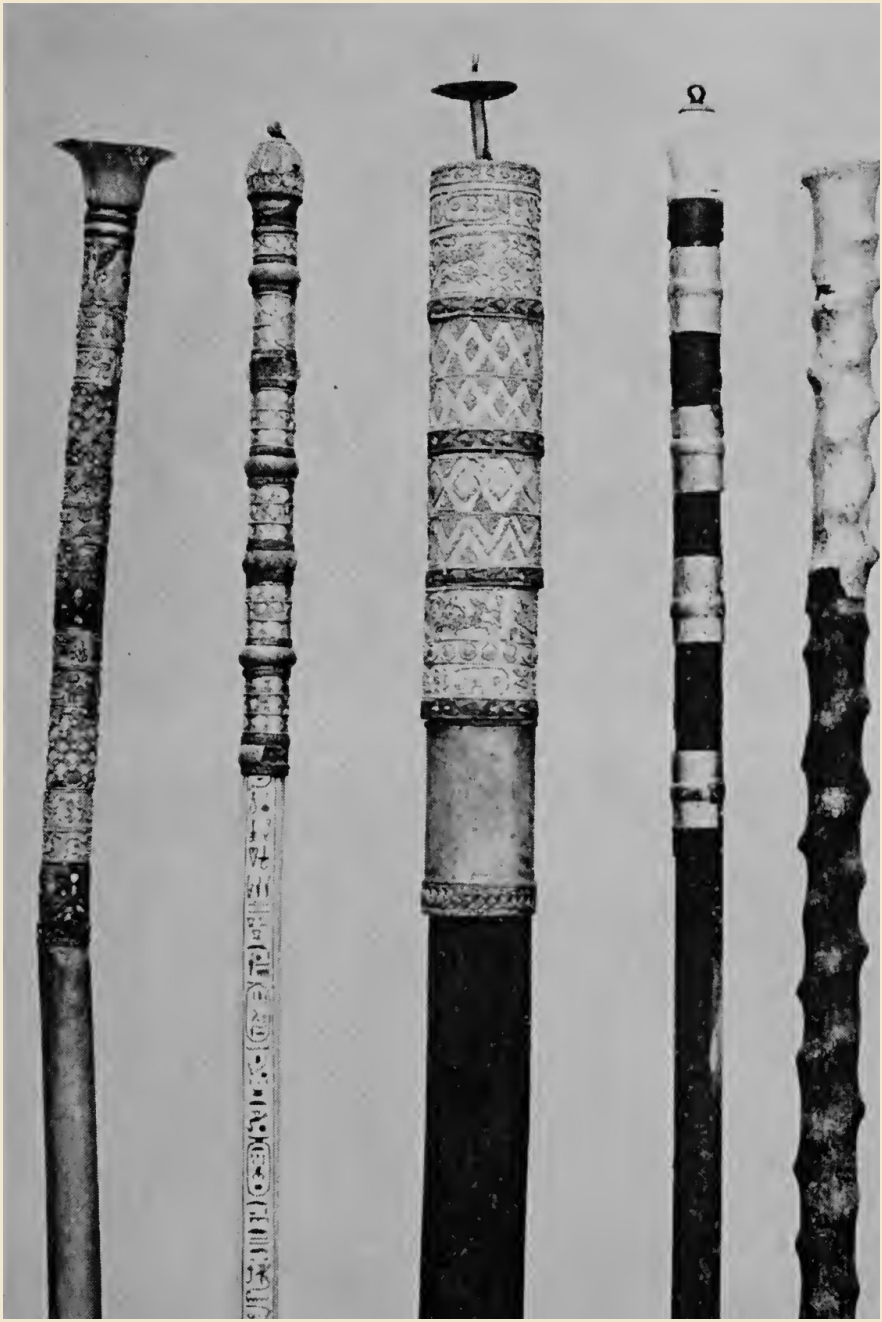

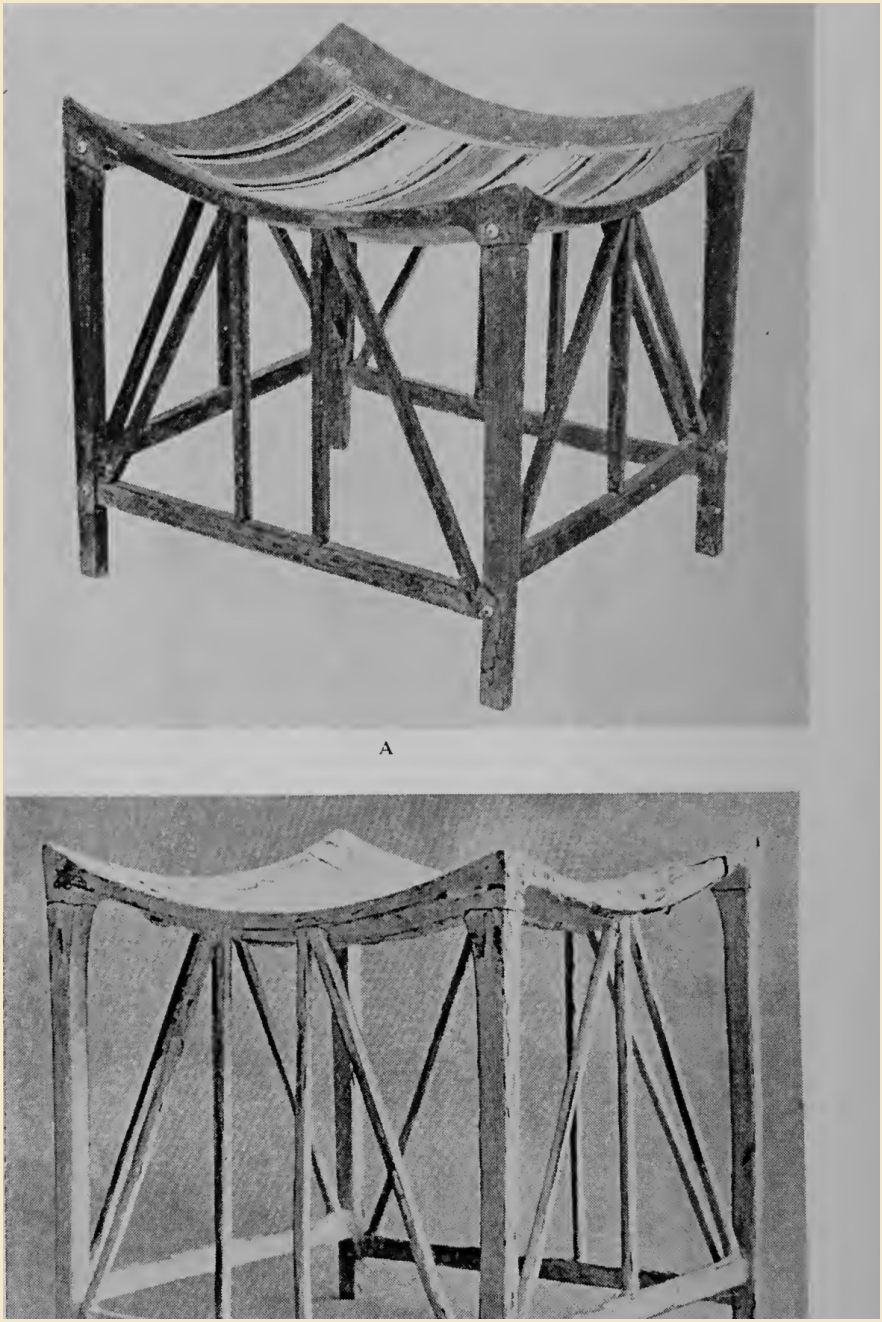

Таблица LXXII. Посохи и плети с узорными рукоятями золотой работы

Таблица LXXII

Посохи и плети с узорными рукоятями золотой работы.

Первый посох слева — золотой. Второй предмет, плеть, сделан из слоновой кости и несет длинную иероглифическую надпись. Третий посох (в середине) украшен золотой зернью. Два остальных — из дерева, отделанного золотой фольгой.

A

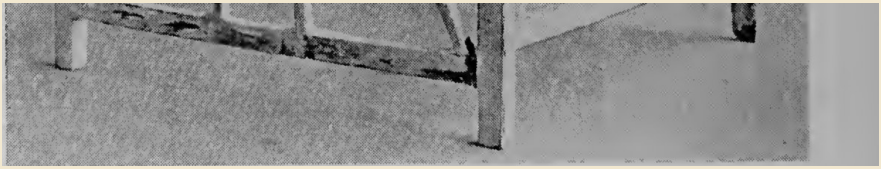

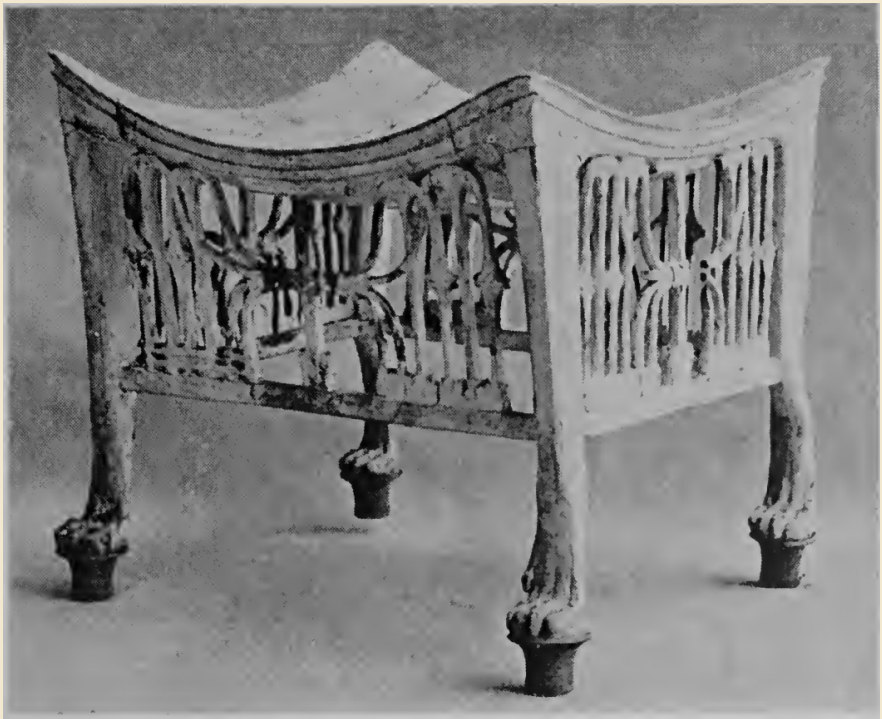
Таблица LXXIII. Два табурета

Таблица LXXIII

Два табурета.

(A) Решетчатый табурет из красного дерева, инкрустированный слоновой костью и черным деревом.

(B) Деревянный решетчатый табурет, выкрашенный белым.

A

Таблица LXXIV. Два табурета

Таблица LXXIV

Два табурета.

(A) Узорный деревянный табурет, выкрашенный белым. Его ажурный узор символизирует «Соединение Двух Царств», Верхнего и Нижнего Египта.

(B) Табурет из черного дерева, богато инкрустированный слоновой костью и украшенный тяжелыми золотыми накладками. Сиденье табурета сделано в подражание звериной шкуре, а ножки оканчиваются утиными головами.

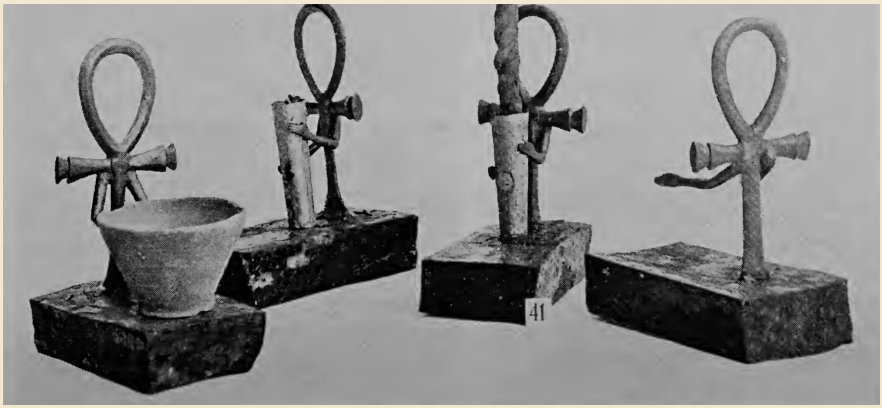

Таблица LXXV. Факел и светильники-факельницы из бронзы и золота на деревянных подставках

Таблица LXXV

Факел и светильники-факельницы из бронзы и золота на деревянных подставках.

Это совершенно новый тип, и в одном из них в масляной чашке еще стоит на своем месте факел из скрученного льна. В двух других были чаши для плавающих фитилей, ныне утраченные. Вероятно, эти чаши были золотыми и их унесли грабители гробниц. На левом светильнике поставлена маленькая глиняная чаша, чтобы показать, какими они, вероятно, были. (См. главу VII.)

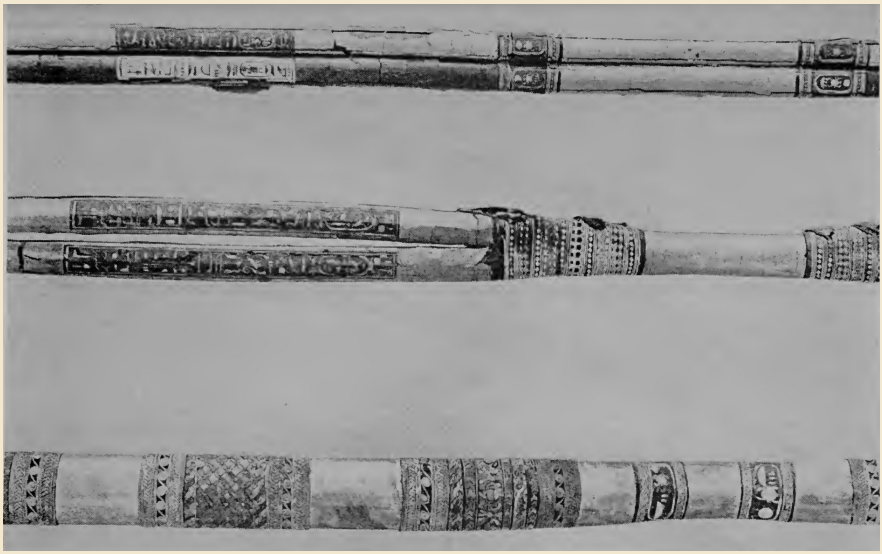

Таблица LXXVI. Три лука царя

Таблица LXXVI

Три лука царя.

На этом снимке показана крупно лишь часть луков. Два верхних двойных лука — составные и украшены узорной корой. Нижний лук — в тяжелом золоте и богато отделан тонкой золотой

работой с инкрустацией из цветных камней и стекла. (См. главу VII.)

Таблица LXXVII. Три лука царя

Таблица LXXVII

Три лука царя.

Концы луков, показанных на предыдущей таблице LXXVI, крупным планом.

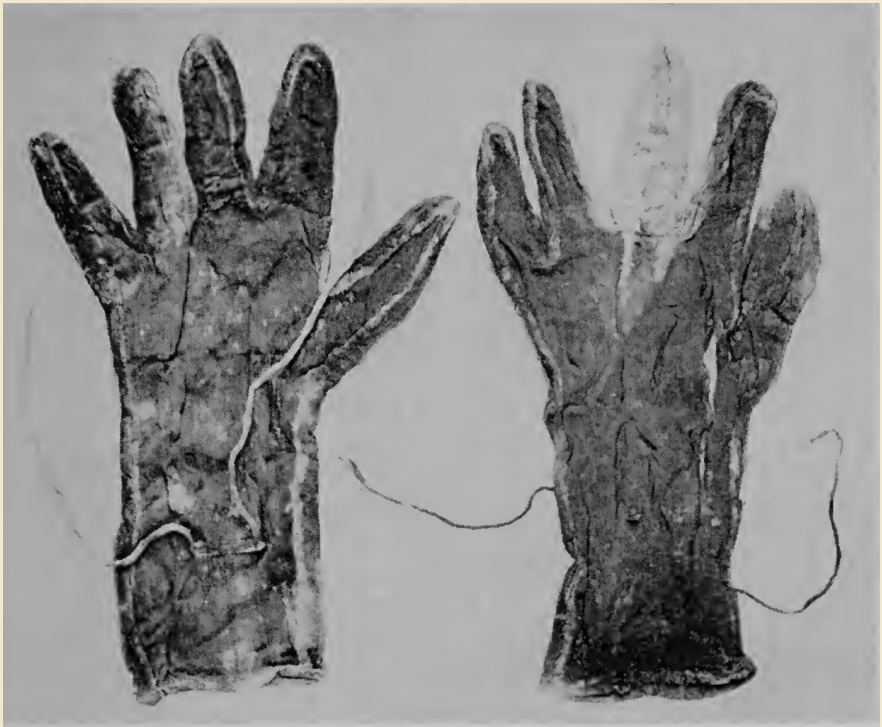
Таблица LXXVIII. Ткани, украшенные аппликацией

Таблица LXXVIII

Ткани, украшенные аппликацией.

(A) Головное украшение в виде соколиных крыльев, расшитое золотыми блестками.

(B) Часть одеяния с нашитым узором, украшенная золотыми блестками. (См. главу X.)

(A) A pair of linen gloves with tapes for tying at the wrist (No. 43, I and J).

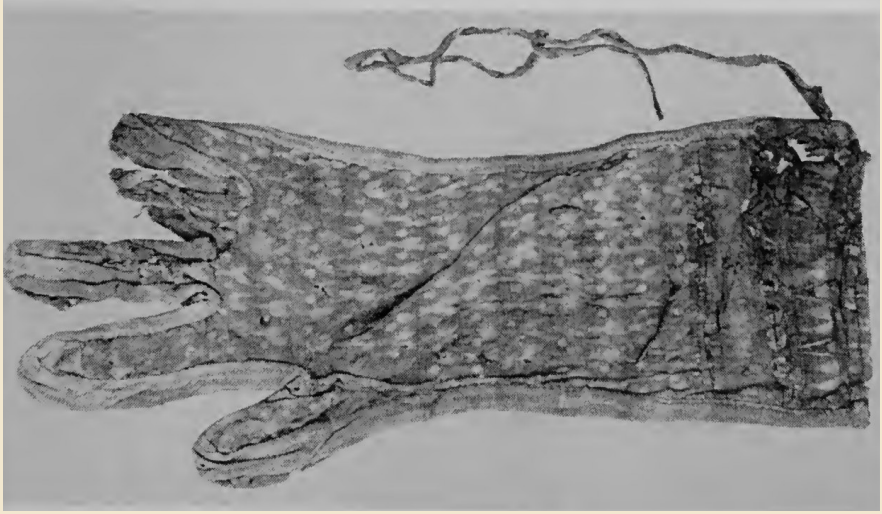

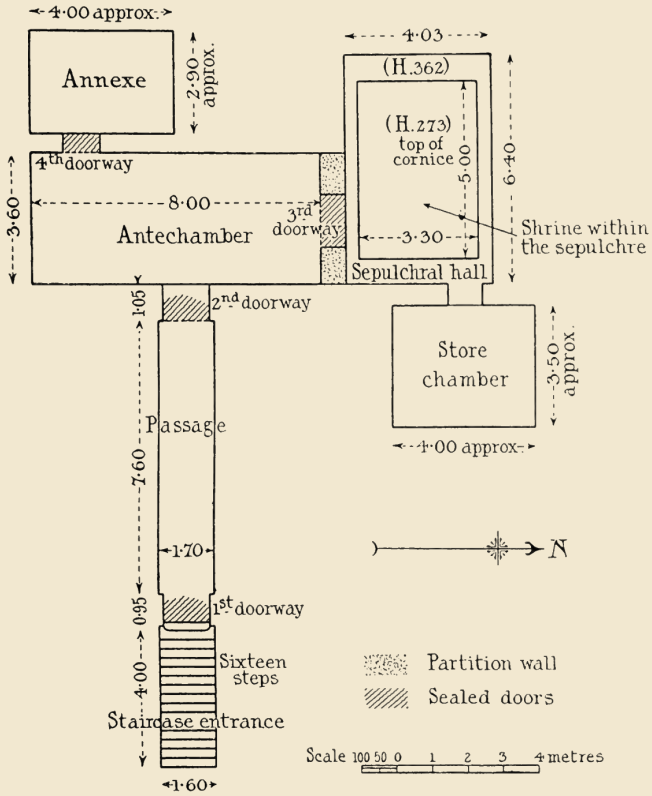
Таблица LXXIX. Перчатки царя. (A) Пара льняных перчаток с завязками на запястье (№ 43, i и j). (B) Перчатка гобеленового тканья (№ 36, cc)

Таблица LXXIX

Перчатки царя.

(A) Пара льняных перчаток с завязками для запястья (№ 43, i и j).

(B) Перчатка гобеленового тканья (№ 36, cc). (См. главу X.)

Схематический план гробницы